

У БОЛЬШОГО КАВКАЗА СОБИРАЛИСЬ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

Часть 3

ЖУРАВОВ
Федор Николаевич

Гвардии старший сержант
отдельной разведроты 60-й отдельной
Краснознаменной стрелковой бригады

УДК 93/94
ББК 63.3(2)62
Ж 91

Журавов Ф.Н.

У Большого Кавказа собирались грозовые тучи : Воспоминания о войне : в 3-х частях. – Ч. 3. / Ф.Н. Журавов. – Пушкино, 2025. – 138 с.

Текстовое электронное издание

Что сегодня означает для нас слово «война»? Стрельба, героические подвиги и много смерти, когда смотришь военные фильмы и читаешь книги. Эта книга – воспоминания о Великой Отечественной войне, написанные ее непосредственным участником – ветераном войны, разведчиком Журавовым Ф.Н., который в совсем юном возрасте добровольцем ушел на фронт.

В книге описаны простые военные будни, которые поражают своим ежедневным героизмом. Читая ее, невольно начинаешь чувствовать то, что чувствовал солдат на фронте, пытаешься рассмотреть эти события через ощущения участника войны и понимаешь, что же такое война и как трудно и страшно было молодым солдатам там, где лилась кровь и, казалось, не было спасения от боли и страданий.

Действия происходят в период 1942 года на Кавказе, там, где автор принял свой первый бой, там, где насмерть стояли бойцы Красной Армии, не давая врагу достичь его главной цели – завладеть нефтью. В книге описаны и солдатский быт, и взаимоотношения, и боевое братство в бою – читая о них, война становится ближе, понятнее и страшнее...

Историки находят и еще будут находить новые объяснения событий 1941–1945 годов. Но мы, потомки наших прадедов, сегодня понимаем, что в тот период решалась судьба нашей Родины и судьба еще не рожденных детей, внуков и правнуков. Тогда решался вопрос о свободе и независимости России, и их героическое поколение решило его в нашу пользу.

В книге использованы личные дневники автора, архивные документы.

Компьютерная верстка: Кузнецова Е.Б.
Подписано к использованию 10.02.2025 г.

Объем 45.0 Мб
Тираж 10 CD-ROM

Всероссийский научно-исследовательский институт
лесоводства и механизации лесного хозяйства

Московская область, г. Пушкино, ул. Институтская, д. 15
www.vniilm.ru, e-mail: info@vniilm.ru
Тел.: +7 (495) 993-30-54

Минимальные системные требования: процессор AMD, Intel от 1 ГГц, 100 Мб HDD, ОЗУ от 1 Гб, CD-ROM, видеoadаптер от 1024 Мб или аналог, Windows Vista/7/8/10 или аналог; ПО – Adobe Acrobat Reader или аналог

ISBN 978–5–94219–316–4

© Журавов Ф.Н., 2025
© ФБУ ВНИИЛМ, 2025

На той проклятой высоте, что находилась за передним краем противника вместе с батальонными разведчиками, вся наша группа попала под губительный кинжальный огонь трех немецких станковых пулеметов. Все небо полыхало от осветительных и сигнальных ракет. Откуда-то с тыла в спину залегшим ребятам ударил еще один пулемет. От сумасшедшего, злобного визга пуль, оглушительных пулеметных очередей невозможно было поднять головы. От ракет было светло словно днем, и каждая травинка на склоне, каждый комочек земли сверкал отраженным светом. Ребята пролежали несколько минут, появились первые раненые, застонавшие в этом аду, а огонь противника не стихал. Тогда по цепи раздалась команда: «Назад! Отходи в балку!» Ребята скатились в балку, а над склоном продолжали лететь ракеты и землю секли трассирующие пули.

– Отходи влево! – крикнул лейтенант, командир взвода батальонной разведки. А спустя минуту он уже сам, словно споткнувшись, упал с простреленной грудью и захрипел, захлебнулся кровавой пеной.

Отходили торопясь, группа прикрытия отстреливалась от группы фашистов, которые пытались преследовать наш отряд. Раненых под таким огнем перевязывать было невозможно и их несли на спинах хрипящих и стонущих, пока не дошли до овражка, которым спускали в ту злополучную балку рядом с Верхним Курпом. Здесь, освещенные отблесками ракет на низких тучах, кое-как перевязали раненых и потащили их дальше.

На подступах к Кусову подсчитали бабки: двое раненых, в том числе и лейтенант, скончались, четверо тихо стонали, но еще держались. Было темно и трудно определить, все ли на месте.

Теперь уж наш Руменков приказал батальонным разведчикам разобраться, забрать своих убитых и раненых и топтать на командный пункт (КП) батальона.

Спросил наших ребят:

– Все на месте?

– Все, – ответил чей-то голос, в темноте не разобрать.

Троих наших раненых бойцы тащили на спинах по очереди.

С рассветом пришли в роту. Командир роты старший лейтенант Рябчунов (не знаю, право, какая причина задержала его в роте, и он не был с отрядом), видно, не спавший ночь, приказал как следует перевязать раненых и немедленно отправить всех в медсанроту. Пока ездовые торопились запрячь коней, повар помешивал кашу в походной кухне и готовился кормить всех завтраком. Рябчунов построил группу.

– Все на месте?

– Все! – ответил кто-то из разведчиков.

– Постой, а этот... длинный... Федька где?

Федьки не было.

– Убитых всех подобрали? – снова спросил Рябчунов.

– Всех, да насмерть убитых вроде и не было, дорогой богу душу отдали, – путаясь, говорил Медвинский.

– Подожди! Что это за разговоры! Где еще разведчик? Кто был в группе?

– Да этот, длинный... Журава Федька.

– На высоте он был?

Медвинский не мог ответить на этот вопрос, потому что разворачивались в цепь у подножья высоты в кромешной тьме.

– С кем вместе шел этот разведчик? – снова спросил.

Почему-то все молчали и никак не могли вспомнить, кто же шел рядом с пропавшим.

Подошел политрук роты и остальные, кто по какой-то причине не был включен в поисковую группу.

– Как были развернуты в цепь? – снова спросил Рябчунов.

Так, спрашивая каждого, в конце концов добрались до рязанца.

– Ты с кем шел?

– Слева от меня в цепи шел Бельтюков.

– А справа?

– А справа шел этот... длинный Федька.

– Так чего ж ты молчишь? – недовольно спросил Рябчунов.

– Да в голове уж все перемешалось. Ведь как начал лупить...

– Подожди ты! Лупить, лупить... – недовольно перебил его Рябчунов.

– Ты видел его справа от себя?

– Конечно, видел.

– А кто шел еще правее?

Ребята снова молчали.

– Значит, он шел в цепи на самом правом фланге? Левее его был ты? – кивнул Рябчунов на рязанца.

– Интере-е-есно! – протянул политрук и в его голове прозвучала нотка подозрительности.

– Может, он был ранен или убит? – предположил Рябчунов.

Пожилой рязанец молчал. Видимо, откатываясь с высоты в балку, он действительно потерял из виду соседа справа, хотя должен был посматривать. Да ведь легко сказать – посматривать. Посматривай, когда от пулеметного огня головы не поднять, когда ракеты летят одна за другой, да еще в спину лупят!

– Вместе мы шли, – ответил рязанец. – Еще перед поиском он мне свой адрес дал, а я ему свой – земляки ведь. Да я б его ни в жизнь не оставил. Я ему сказал: «Давай назад. Команда такая».

– Ну, а он что?

– А он ничего не ответил. Стали пятиться назад, и он пополз. Я видел, что он пополз.

– А потом?

– А потом пропал куда-то. Вот и сам дивлюсь. Только слышал, будто кто-то закричал.

– Он закричал?

– Будто его голос, только кричал наверху...

Никакого толка больше от рязанца добиться не могли, уяснили только одно, что этот Федька шел в цепи самым крайним справа. Потом его предупредили, что нужно отходить в балку и вроде бы, как показалось рязанцу, в чем он не очень уверен,

Федька вроде бы стал отползать, но вдруг пропал, и потом послышался его крик аж на самой высоте.

Ребята стояли в тягостном молчании. Как-то получилось не очень красиво: не то убит этот Федька, а еще хуже, если ранен и остался там, на высоте.

– Постой-ка, ты говорил, что он твой земляк и адрес тебе свой оставил, – спохватился политрук.

– Точно так, – подтвердил рязанец.

– А где этот адрес?

– Да сейчас, вот сей момент...

Рязанец поковырялся в кармане и вытащил кусочек газеты, где на полях было написано: «Рязанская область, Старожиловский район, деревня Сазоновские выселки»...

– Интере-е-есно, – протянул политрук. – Так ведь он вроде москвич!

– Точно, москвич. С Шаболовки улицы, он говорил мне. И письма из Москвы получал, – подтвердили Медвинский, Беляков, Боев и еще кто-то.

– Интере-е-есно, – снова протянул политрук. – Значит, вроде Москва, а вот товарища из Рязанской области называет земляком, да еще и адрес дает рязанский!

– А ты ничего не напутал?

– Да вот те крест, не вру! – клялся рязанец. – Я этот район знаю, бывал там и деревню такую слыхал.

– Что-то непонятно и подозрительно получается, – вслух размышляет политрук.

– А что, что я вам говорил, – вдруг врывается в разговор Хорьков, – эта самая интеллигенция, за ним глаз нужен. Неспроста это все, вот чтоб свободы не видать!

– Кто его хорошо знает?

– Да он все с Бельтюковым крутился, Бельтюков его знает. Авдеев, Медвинский еще. Все они хороши! – опять кипятится Хорьков.

– Рябчунов, давно вы с ним вместе? – спрашивает политрук.

Рябчунов молчит, ребят он еще знает плохо.

– С Астрахани.

– Так. Ну и как он?

– Да как... Ничего – парень как парень, только уставов много начитался. А так ничего.

– А ты, Бельтюков, что скажешь?

– А чего сказать? Ничего он парень, ничего я за ним плохого не замечал.

– Как не замечал, как не замечал?! – кипятился Хорьков. – Да он всегда выпендривался. Да было у него этакое с вывертом, сразу видать. А кто на кухне соль воровал и все ингушу таскал?

– Было такое? – строго спросил политрук.

– Да вроде было. С солью у населения плохо, – начал было Бельтюков.

– Вас не спрашивают! – оборвал его политрук. – И не ваше дело решать, есть здесь соль у населения или нет. Вам что, неизвестно, что ингуши наших солдат режут? Неизвестно, что они немцев ждут? Авдеев, ты что скажешь?

Бородатый Авдеев посопел, подумал и ответил уверенно:

– Зря все это. Федька – парень свой и в деле проверен.

– Ты уверен? – глаза политрука сощурились.

– И я уверен, – вдруг выпалил Медвинский.

– Ладно, – политрук махнул рукой и обратился к Рябчунову:

– Всем разойтись и отдыхать.

Все разошлись и все еще гадали, что могло случиться с Федькой. Николай Вербицкий, лежавший на соломе рядом с Хорьковым, подошел и резко выдернул из-под него край своей плащ-палатки.

– Ты что, ты что, мать твою!

– Ничего! Хмырь ты, Хорьков!

– Чего это я хмырь? Ты что, дружочка выгораживаешь? Что, дружочек к немцам перебрался, а ты, значит, этого интеллигентика все дружочком считаешь? – губы Хорькова сползли в презрительную усмешку.

– Слушай-ка, швабра! Я тебе говорил, чтоб ты со мною в одной разведгруппе не появлялся? – неожиданно раздался голос Потапенко.

Здоровый и с виду неповоротливый украинец стоял над Хорьковым и холодно смотрел ему прямо в глаза...

– Ну, что скажете, товарищ командир роты? – говорил в шалаше политрук Рябчунову. – Вроде бы и у нас перебежчик появился, а? Как вы считаете?

– Я так не считаю. И не советую торопиться с выводами. Он мог быть убит, его могли оставить раненым, в конце концов могло случиться и так, что он не мог выйти из-под огня и отстал. Я бы не торопился с выводами.

– Мне нужно писать политдонесение. Как я могу скрыть подобный случай?

– Мне тоже нужно подавать строевую записку и докладывать Натынову. Но я бы подождал, не стал торопиться.

– Ну-ну, – неопределенно протянул политрук.

Прошел день, наступила ночь. Батальонная разведка ходила в эту ночь к подножью высоты, но ничего не обнаружила. Утром в роту пришел Натынов. Каким-то образом до него дошли слухи, что один разведчик пропал без вести. Он явился в роту, как обычно похлопывая по голенищам сапог зеленым прутиком, залез в шалаш к Рябчунову, поговорили там немного, потом к ним присоединился политрук, а спустя некоторое время они собрали всех разведчиков, кто участвовал в поиске, вокруг кострища, и теперь Натынов повел разговор.

Рязанец в точности повторил свой рассказ, усилив акцент на том, что он отчетливо слышал крик на вершине горы и не очень уверен, что видел, как сползал пропавший, скорее, это ему показалось. На сей раз ребята молчали. Не унимались только трое: Медвинский, Авдеев и Беляков.

Политрук предполагал худшее и, постоянно шурясь, отклоняя голову от едкого дыма костра, говорил, загибая пальцы:

– Давайте потолкуем честно и не будем закрывать глаза на факты: во-первых, пропавший держался всегда несколько замкнуто, чего-то подозрительно скрытничал, у него не было в роте друзей. Он так, был себе на уме; во-вторых, никаких документов он писарю не сдавал перед поиском: при нем были краснофлотская книжка, комсомольский билет и другие документы; в-третьих, он не выполнил команды об отходе: когда все отошли, он остался на самой шапке высоты. Мало того, он перед этим зачем-то вошел в подозрительные связи с ингушом, живущим в Лакисово. И, наконец, последнее: свидетели слышали крик. По всей видимости, кричал он сам, кричал немцам, чтобы в него не стреляли. Никто из остальных, даже смертельно раненых, не кричал. Против логики не попрешь. Нам приходится признать, что к нам в ряды проник враг и долгое время находился среди нас. Мы с ним вместе ели наш солдатский хлеб, а теперь, вне всякого сомнения, он жрет вместе с немцами и рассказывает им все наши военные секреты. Вот нам еще один урок! Мы забыли о бдительности. Интересно, как он попал в роту? Завербовали его или

он, напуганный нашими временными трудностями, сам решил продаться фашистам? Здесь еще нужно разобраться. И это дело серьезное, этим ОКР «СМЕРШ» должен заняться.

Политрук замолчал, бросил на угли, подернутые серым налетом золы, дымившуюся палочку и она загорелась. Ребята молчали. Все, что говорил политрук, было похоже на правду и опровергнуть его версию вроде бы было нечем.

– Ну, чего молчите? – подстегнул Натынов.

– А чего говорить? – начал басом Авдеев. – Можно и этак думать, а можно и по-другому. Если к немцам-то, то он давно бы уже ушел. У каждого из нас таких возможностей здесь, на Кавказе, сколько хочешь было. Только вот не уходил он. Я не слышал, но если он кричал на высоте, значит, был ранен и кричал не немцам, а нам. А мы, как сволочи, оставили раненого и откатились. Скорее всего, не кофе он пьет с фашистами, а добились они его на той горе.

– Я согласен, – заявил Медвинский. – И никакой замкнутости он не проявлял. Напротив, это мы его салагой считали, а он за спину не прятался.

– Да что вы все! – сорвался снова Хорьков. Опасливо оглянувшись на Потапенко, он затараторил:

– Падла он. Все норовил себе урвать. И мысли у него нехорошие были, я замечал. Товарищ политрук сказал правильно, он все как есть видит. Вот давай в его вещах шмон наведем. Я вот сей момент.

Хорьков сорвался с места, притащил мой вещмешок и вытряхнул его содержимое перед политруком. Из мешка вывалились злополучный магнит с сердечником – остатки школьного гальванометра, два учебника по навигации и сигнальному делу из военно-морской школы, старые письма, записная книжка. Политрук развернул красно-синий магнит с никелированным сердечником, смятой спиральной пружиной и двумя концами проволоочек и недоуменно рассматривал незнакомый предмет.

– Мина... – протянул Хорьков. – Братцы, так этот гад хитроумную мину носил!

– Какая еще мина! – Медвинский попросил у политрука «страшный» предмет, внимательно осмотрел его, покачал пальцем обломок стрелки и, усмехнувшись, сказал:

– Ты, Хорьков, хоть раз в своей уркаганской жизни всамделешную мину видел? Вот и помолчи. Это обычный покалеченный электроизмерительный прибор. Откуда он его взял и зачем таскал – не знаю.

А политрук в это время заинтересованно рассматривал учебник по сигнальному делу: знаки флажного семафора и знаки морзянки.

– Да, – тянул политрук, – зачем ему этот электроизмерительный прибор здесь нужен? Морзянка, флажной семафор... Все-таки непонятно и странно.

– В службе СНИС он числится, – заметил писарь Костя Бычков, – средства наблюдения и связи. Учили его этому.

– Учили! – усмехнулся Хорьков. – Выучили субчика! Руками махать и дурак может. Вы лучше скажите, когда были на вершине, он стрелял из автомата или нет?

– Да, действительно, – подхватил политрук, – кто-нибудь стрелял на высоте? – спросил он, обращаясь к рязанцу.

– Да вроде бы нет, – ответил тот.

– Вот вам и всё! К нему немцы ползут, а он лежит и не стреляет. Кричит им, мол, пук-пук, не нада..., – снова заключил Хорьков.

Натынов крикнул, встал, отряхнул галифе и сказал, словно черту подвел:

– Тоже мне, разведчики! Ни хрена вы не знаете!

Ему вспомнилось, видно, как с этим парнем он чуть было не заехал к немцам, не послушавшись его предупреждений. Действительно, куда уже лучше и проще было подшибить под ним лошадь, а потом кричать немцам. Вот «языка» бы им привел!

– В общем, сегодня не придет – будем считать пропавшим без вести. А ты, – он строго посмотрел на Хорькова, – ты сам-то в этой операции участие принимал?

– Никак нет. Я накануне простыл очень, так кашель прямо умучал. Меня и не взяли. Вот товарищ политрук подтвердить может.

– А какого ты хрена судить берешься? – нахмурил брови Натынов. – Как сейчас кашель-то?

– Да сейчас лучше, – непонимающе ответил Хорьков, но на всякий случай несколько раз тихонько кашлянул.

– Вот сегодня на задание пойдешь.

Натынов круто повернулся и пошел к своей оседланной лошади.

В эту ночь ребята действовали в районе севернее Кусово, но поиск снова не удался. Утром вернулись усталые, расстроенные и злые. Ранило еще одного разведчика.

Утром в штаб подали строевую записку с указанием, что один разведчик в бою пропал без вести. Днем на мое имя пришло от моей знакомой письмо. Ей ответил Медвинский, что такого-то октября, ночью в жестоком бою я пропал без вести...

* * *

К тому рязанцу сейчас я не испытывал ни чувства злости, ни досады. Теперь буквально все осталось в далеком прошлом, даже неудачный ночной бой на проклятой высоте – все отошло на второй план, об этом не думалось. Была иная свирепая реальность, которая заслонила собой все остальное. Я находился один-одинешенек среди немцев, у меня был неисправный автомат и я никак не мог сориентироваться на местности. Немцы были впереди, справа, слева, сзади – фактически везде, как это ни парадоксально. Я вместе с ними находился в одной полосе обороны. И еще неприятность: сколько толковали об этом в роте, но не всегда придерживались золотого правила – оставлять документы у писаря. Сейчас в моем черном трофейном бумажнике, который я носил в брючном кармане, были моя краснофлотская книжка, выданная еще в Московском флотском экипаже, и мой комсомольский билет. В бою все может быть, и документы тогда окажутся в руках фашистов. Да что там документы! Оглушенный, раненый я и сам мог оказаться в их лапах. В такой обстановке, в которой находился я, это не исключено. Нужно было обезопасить себя от этой последней крайности. У меня была одна противотанковая граната, эта граната ударного действия – выдерни чеку, от рукоятки отделится металлическая пластинка и выскользнет вместе с ней из рукоятки тонкая стальная проволока. Вот тогда один толчок, одно движение и мгновенно взорвется килограмм тола – заряд, который способен раскрошить броню или гусеницы танка, что там человек – от человека разлетятся кровавые брызги и все это в одно мгновение. Я привязал гранату к поясу так, чтобы удобно и просто можно было выдернуть чеку взрывателя и чтобы в этом случае ничто не задержало металлической пластинки. Тогда всё, ма-

лейшее сотрясение и – мгновенный взрыв. Теперь я заминирован. Если бы была надежда на автомат!

Я просидел еще часа два. Поднялся слабый ветер, облачность стала выше, накладные тучи временами сеяли мелкий холодный дождь. Немцы немного поутихли со своей шальной стрельбой. Тогда я осторожно выглянул поверх подсолнечника. Позади меня за широкой балкой тянулась цепь высот, я знал, что там немцы. Впереди далеко виднелись горы. Их вершины укрывались в тучах, но это был, несомненно, Сунженский хребет, а там – наши. Впереди за подсолнечником ровный большой луг, брошенные конные грабли, дальше снова, видимо, подсолнечник. Кто там, немцы или наши? Рисковать, выбежать на луг? Метров через сто-сто пятьдесят грабли, за ними можно залечь, потом снова бежать или ползти. А если там, в том подсолнечнике за лугом, опять немцы? Несколько десятков секунд – и решение всех проблем, но проигрыш будет стоить жизни, непременно жизни... Что же делать? Дождаться вечера, спуститься в балку и идти вдоль этих гор, ведь где-то там высота «Нефть», где-то там мы с Натыновым ездили на рекогносцировку. Мне показалось, что это самое надежное решение. Только бы не случилось ничего до сумерек.

Весь день накрапывал дождь, клубы сырого тумана цеплялись за вершины гор. Время тянулось уморительно медленно. Фашисты, что были рядом, еще раза три устраивали охоту на воробьев. Но я уже понял это, был начеку, но вел себя осмотрительно и тихо. Мне совершенно не приходили в голову мысли о пище, воде, мне не хотелось курить. Чудовищное нервное напряжение исключило все чувства, кроме одной осторожности, кроме обостренного слуха и зрения, кроме неослабевающего внимания. Все-таки я в окопе, и в случае чего – бой. Терпение – это тоже оружие. Кто-то мне сказал, что наибольшим терпением обладает хищник, он может сутками быть в засаде или преследовать жертву.

Я дождался своего часа. Окрестные горы потемнели, по балке пополз легкий туман, наступили сумерки. Не дожидаясь наступления полной темноты, я вылез из своего окопа, осторожно вышел на проселок и спустился снова в балку. Стемнело быстро, и немцы стали кидать ракеты. При каждой вспышке я падал на землю, видел, как в фиолетово-белых лучах света искрилась каждая увядшая травинка и ждал, что меня заметят. Мне и в голову не приходило, что противник бросает ракеты справа за балкой и при этом смотрит в другую от меня сторону, а свет ракет с высот Терского хребта сравнительно далек и вряд ли представляет для меня большую опасность.

Самое страшное – это, конечно же, было то, что я был один. Было бы нас хотя бы двое, тогда другое дело. А тут один с неисправным автоматом и с привязанной к поясному ремню противотанковой гранатой со сведенными усиками чеки взрывателя. Несколько раз я слышал приглушенный разговор людей и осторожно обходил это место. Здесь я мог встретить только вражеских солдат. Справа начался низкорослый, ниже колена, редкий кустарничек терновника. Я шагал по нему, пока не почувствовал, что он стал гуще и выше. Нашел какую-то полянку в этом кустарнике и прилег отдохнуть. Прошедшую ночь, целый день и еще одну ночь я был без сна, без воды, без пищи. Я стал быстро уставать. Невольно присматривался, где бы мне полежать и отдохнуть. Высшим счастьем было бы найти копну сена или стог старой соломы. Но это могло произойти только в случае великого везения.

Я свалился на землю среди кустов терновника, отдыхал и вслушивался в тишину. Черное облачное небо, черная земля – все это изредка освещается теперь уже далекими ракетами, ветер шумит в голых ветвях кустарника; где-то в той стороне, откуда я ушел, бьет пулемет дежурными очередями. Вроде ни одной живой души вокруг. Может, я зря пугаюсь и осторожничаю? Может быть, давно я на нейтралке, а то и свою передовую проскочил? Раньше здесь сплошной обороны не было. Вот сейчас встану и пойду вправо – там должен быть Сунженский хребет, а там везде наши, кроме Илларионовки. Но в этот момент начинает плакать шакал. Он воет где-то совсем рядом, ну от силы метрах в пятнадцати. Вот гад! Плачет будто его палками избили. Может, лупануть в него очередь? Кстати, и автомат проверю. Недаром же я его брезентовым узким ремнем перевязал. Вот только если задержка, перекося патрона, то развязывать ремень, открывать коробку затвора в темноте – это же снова мучение. А если диск снять, взвести затвор и выковырять перекошенный патрон снизу? Может и получится, только... Я не успел додумать, что только. По моим кустам прошла длинная очередь, а вверх полетела ракета. Били из немецкого автомата – это точно и, очевидно, лупили по тому же шакалу. Пули взвизгнули у меня над головой, и шакалий вой сразу прекратился. Ракета погасла где-то в кустах на земле, и снова тишина. Надо же, а я шел туда. Вот бы и нарвался... Влепили бы в брюхо очередь, и граната не понадобилась бы. Я осторожно встал, пошел назад и снова по балке. Час-другой я шел без отдыха. Было далеко за полночь, когда чувство опасности почему-то притупилось, а тело налилось непомерной усталостью. Я шел каким-то полем кукурузы. Сухие стебли шуршали, трещали под ногами, и если кто-нибудь здесь был, он должен был бы услышать мои шаги.

Поле было, видимо, большим, я шел по нему долго, но вот стебли стали реже, и я вышел на проселочную дорогу. Мои глаза привыкли к темноте, я видел пыльную проселочную дорогу, она явно была обитаема. Здесь, у дороги, я решил отдохнуть и, кстати, посмотреть, кто по ней пройдет: наши или немцы. Я лег с краю дороги в почти белой, перезревшей кукурузе на землю. Земля здесь была сухая, а листья кукурузы чуть влажные. Мне показалось, что здесь очень хорошо, как-то уютно... И вовсе это не кукуруза. Нет здесь никакой кукурузы, а я лежу на скате железнодорожной насыпи, а на рельсах грязно-красные товарные вагоны – их много, между ними бегают связисты с катушками кабеля и тянут от вагона к вагону. Кто-то из наших ребят говорит мне: «Ты не спи, не надо спать. Состав тронется, а ты отстаешь». А я и не сплю. Я так просто лежу и смотрю на наших ребят – вот они, ходят и тащат к вагонам какие-то вещи, а от вагона упал прямо ко мне зачищенный конец кабеля. Незадачливый связист не может его найти, а он вот он – и его растопыренные стальные жилы больно колют мне ухо. Боль была неприснившаяся. От этой боли я проснулся и услышал, как что-то зашуршало в сухой кукурузной листве. Мышь, наверное. Неужто это она меня за ухо-то? Я пощупал мочку уха, а в глазах опять побежал все тот же сон. Кажется, только стал видеть вагоны, как опять все та же мышь и опять за ухо своими острыми, как иголки, зубами... Прямо наваждение какое-то. Не дает уснуть зловредная тварь, и что это она к уху-то привязалась? Прошло много лет, а я помню тот сон и ту непонятную, загадочную мышь, что не дала мне уснуть.

С трудом я поднялся, вышел на дорогу и прошел по ней несколько шагов вправо. Перешел и тут же запутался ногой в телефонном кабеле. Пощупал его рукой – гладкий, немецкий, значит. Неужто и здесь немцы? Ведь сколько уже прошел. Так до Берлина дошагаю...

Неожиданно впереди послышалось характерное цоканье конских копыт и сдержанные голоса. Я быстро ушел с дороги в кукурузу, залег, выставив вперед автомат, и стал вслушиваться. На фоне неба я различил почти рядом с собой двигающуюся не спеша пароконную груженую повозку. На повозке сидели трое солдат в касках и следом шли еще человек около десяти. Они лениво перебрасывались словами, но я не мог понять их разговор, улавливал только отдельные слова. Они поравнялись со мной, я был метрах в семи или восьми от них. Кто-то из них курил потихоньку и красная звездочка сигареты в руках солдата двигалась вперед, взлетала, как мотылек, то вверх, то вниз. И наконец я расслышал, расслышал явственно немецкую речь. Я не понял слов, но кто-то из позади идущих что-то спросил у тех, кто шел впереди. Это были немецкие слова... Ах, милая Алиса Ивальдовна, наша добрейшая немка-преподаватель английского языка в школе, как мало спрашивала она нас, как мало требовала. Какими мы были лентяями и как теперь приходилось тяжело расплачиваться за эту лень.

Колеса повозки поскрипывали, люди шагали вразнобой, кучей, без всякой опаски, и было бы нас здесь человек пять – был бы и «язык», был бы и удачным ночной поиск. А я лежал, не шевелясь, и молчал.

Немцы ушли по дороге, которая шла под небольшим уклоном в балку, стал неслышным цокот копыт, а я поднялся и пошел вперед, снова вперед, раздвигая и ломая сухие стебли кукурузы. Поле кончилось, за ним небольшой взгорок и луг с высокой некошеной травой. Я прошел немного, остановился, послушал ночную тишину – ничего меня не насторожило. Одно начало вселять тревогу: мне казалось, что ночь и силы мои на исходе и нужно было подумать, где и как провести светлое время суток. Не занимать же снова вместе с фрицами оборону, как прошлым днем!

Прошагав по крайней мере с километр, я присел на корточки и стал рассматривать луг, по которому шел. Мне показалось, что впереди меня какая-то посадка и что-то вроде копен – штуки три или четыре. Это вот та самая удача, о которой я думал. Если закопаться поглубже в сено, то можно было бы выспаться за день. Впереди было тихо, и я пошел к этой низенькой посадке и к копнам. Ничего не предвещало опасности. Густая некошенная трава цеплялась за ноги, может, это вика с клевером – темно, ничего толком не рассмотришь. Когда я был от посадки в каких-нибудь метрах двадцати пяти-тридцати, я неожиданно услышал звон лопат. Остановился, прислушался. Определенно в посадке были люди и что-то копали. Если копают ночью, то не иначе, как копают окопы, строят оборону, но кто – наши или немцы? Если разговаривают, то очень тихо, слов не разобрать. Никто не курит, матюков не слышно. Подозрительно! Я пополз по траве вперед, остановился, но слов снова разобрать не мог. Может, наши ребята узбеки или азербайджанцы, поди разбери их язык. Но курили бы тогда, окаянные, или командир бы их материл так, что было бы слышно и понятно. А если командир узбек, тогда как? Может, он и материт, и ругается, но по-своему. Не может быть, чтобы были немцы. Целую ночь иду. Я ведь без малого, считая частые привалы, прошел километров двадцать, никак не меньше. И снова немцы? Не может быть!

Я был недалеко от посадки, совсем недалеко. Я даже теперь различил, что это не копны, а небольшие деревья или высокий кустарник среди невысокой поросли, где что-то копают какие-то люди. Все во мне уж протестовало против опасности: ее

не может быть, уже не было сил куда-то идти, прятаться, возвращаться и слышать выстрелы...

– Кто здесь? – не выдержал и спросил я.

Мгновенно затих звон лопат, никто не откликнулся. Я повторил вопрос. И вдруг хлопнула ракетница. Белая искра, разгораясь, взметнулась вверх надо мной и кто-то закричал в кустах посадки:

– Рус! Хальт!

Я нажал на спусковой крючок автомата, протрещала короткая очередь и автомат замолчал. Я откатился в сторону и небо вспыхнуло белым дрожащим огнем. Я затаился, а из посадки раскатисто забарабанило несколько немецких автоматов. Били по мне и я не слышал свиста пуль, одни оглушительные хлопки выстрелов. Вдруг что-то обожгло правую ногу. Ракета в этот миг упала на землю, шипела сзади меня, стреляя из травы искрами. Я откинулся еще в сторону, а в посадке сверкали искры автоматных очередей. В небо взлетела еще ракета. Она снова упала за мной и немного в стороне, а я, воспользовавшись темнотой, пополз в сторону. Голову сверлила одна страшная мысль: неужто ранен в правую ногу выше колена? Пропал тогда, тогда мне не уйти от них, найдут, сволочи.

Я полз и полз в сторону и мне некогда было устранить задержку автомата, некогда вытащить перекошенный патрон, упершийся пулей в край патронника. Я полз, потом побежал, пригнувшись, потом уже бежал в полный рост и теперь старался уйти подальше от этой посадки. А из нее все стреляли веером по всему лугу и бросили еще несколько ракет. Ушел! Теперь ушел! В голове бились бессвязные мысли. Я уже больше не видел той посадки, скатился в какую-то балку, наверное, в ту, по которой шел, и здесь перестал бежать, а пошагал шагом, стараясь уйти от опасного места быстрее и подальше. Пощупал ногу – нет, крови не было, штанина сухая. Слава богу!

Я шел и шел. Слабый ветер шелестел в листьях брошенной кукурузы, раскачивал потрескивающий черный подсолнечник, и этот шум скрывал мои торопливые шаги. Я прошел еще километров шесть или семь, внезапно возникшая опасность подгоняла меня. Края лохматых бегущих по небу туч стали светлеть, стал отчетливо виден терновый кустарник по склону балки. Идти вот так дальше было делом опасным.

Выбрав кустарник повыше, я под его прикрытием поднялся вверх. Шумит ветер, но кругом нет подозрительных звуков. Впереди что-то накопано, я пошел осторожно туда и увидел брошенную огневую позицию зенитного орудия. Круглая неглубокая яма, по бокам перекрытые ровики для расчета и для боеприпасов. На огневой нет разбросанной бумаги, коробок, пустых пачек из-под сигарет, стреляных гильз. Похоже, наша была огневая, только не использовали ее.

Светало неудержимо быстро. Иное место для укрытия было искать поздно – меня могли заметить. Я решил переждать светлое время не на огневой позиции, а рядом в густом терновнике. Если здесь немцы, то на огневой они появиться могут, но на кой леший им лезть в этот колючий терновник?

Только сейчас, когда посветлело, мне пришло в голову проверить гранату. Пока катался по лугу под пулями и продирался сквозь кусты, я запросто мог за что-нибудь зацепить матерчатой петелькой чеки и тогда... Тогда...

Интересно, что по поводу моего исчезновения сейчас говорит наш бдительный политрук, что говорят ребята? Две ночи и третий день пошел, как меня нет в роте...

Сон разогнала тревога, нервное напряжение, но вот пить хочется. Снял поясной ремень – граната в порядке. Бог все-таки есть и сделал он так, что матерчатая петелька не зацепилась ни за одну терновую ветку. Устранил задержку в автомате. Автомат явно неисправный. Пацаны на заводах работают и грешно на них обижаться. Сам, дурак, виноват – не опробовал его стрельбой. Что теперь говорить да сетовать, теперь сориентироваться бы. Я подождал еще немного, поел кисловатых, вяжущих рот ягод терновника, словно вываленных в матово-синей краске, и острожно вылез из-за веток.

Впереди, примерно в километре, видна гора с нефтешкой на вершине. Ей же богу это высота «Нефть»! Справа крутые, покрытые пожелтевшим лесом, отроги Сунженского хребта, там, левее, конечно же, Лакисово. Теперь нужно идти по этому полю. Можно идти прямо сейчас, если здесь нет немцев, да их что-то и не видно. Вообще никого нет. Наконец-то! Похоже, вышел. Конечно, мне бы обойти ту посадку, это, видимо, немецкая передовая. А я-то шагал вдоль этой передовой, за ее линией. И как это до сих пор я не вяпался?..

Часа через два я услышал сзади в балке шум мотора. Я не видел из-за кустов что это такое, но шум приближался. Потом мотор фыркнул и заглох. Я снова затаился. Справа от брошенной огневой был небольшой курган, на его вершине маячил какой-то шест. От меня этот курган был метрах в семидесяти. Вскоре я увидел трех немецких автоматчиков, они были в шинелях, касках, с автоматами на шее. Вслед за автоматчиками появилась еще одна группа человек шести. Один из них был в фуражке, видно, офицер – на левом боку на ремне большая черная кобура. Офицер что-то говорил, показывая на бугор, на огневую позицию, на кусты, в которых я укрывался. Мало сказать, что я не спускал с них глаз, а мое сердце то стучало где-то в пятках, то вообще замирало. Немцы ходили свободно, не заботясь о маскировке, и это давало мне полное основание полагать, что там, впереди, занимают оборону какие-то немецкие части. Вскоре офицер с группой солдат ушел, а трое автоматчиков, которые пришли первыми, остались. Они сидели под бугром, курили, не чувствуя, что мушка моего автомата замерла на их группе. Но стрелять я решил только в самом крайнем случае – очередная задержка, отказ оружия и наступит мой неотвратимый конец.

Один немец поднялся, отряхнул зад шинели и направился в мою сторону. Ну вот, вот сейчас все и свершится... Его я, конечно, свалю, но те двое... Они меня не выпустят и, очевидно, где-то рядом есть и другие. Окружат кусты и тогда... тогда только граната. Это должно быть быстро, мгновенно. Вражеский солдат подошел к огневой, осмотрел ее, что-то крикнул своим, махнул рукой и вернулся обратно. В балке сзади меня снова фыркнул мотор и его гудение стало удаляться, а те трое спокойно сидели. Вскоре снова послышались голоса, пришли еще четверо солдат с винтовками и лопатами. Они сбросили шинели, поставили в козлы винтовки и принялись что-то копать. Они явно не торопились, часто устраивали перекуры. Глаза резало от непомерной усталости и – о ужас! – я начал клевать носом, дремота одолевала меня, несмотря на весь ужас моего положения. День тянулся нескончаемо долго, казалось, ему не будет конца. Но вот немцы о чем-то залепетали и ушли в балку. Что-то подсказывало мне – они вернуться, вернуться непременно. Но как только они скрылись, я ужом пополз по кустарнику в сторону по склону балки и выбирал при этом самые труднопроходимые заросли. Терновник тянулся длинной, нескончаемой полосой по самому склону балки, уходящей в сторону высоты «Нефть», и я

пробирался в ту сторону. Только однажды слева от себя я слышал разговор и снова не мог определить, кто это разговаривает, но искушать судьбу не стал.

Прошло еще, видимо, несколько часов. Силы совсем оставили меня. Мне мучительно хотелось спать. В голове стало путаться время, я потерял отсчет часам и не смог бы сразу ответить, сколько прошло времени с начала того поиска. Да-да! Целый день мы готовились, чистили оружие, потом пошли на задание. Это прошел день, потом мы лезли на ту высоту, попали под пулеметный огонь. Потом я вместе с фрицами занимал оборону в подсолнухах и какой-то идиот стрелял по воробьям. Потом я снова шел и чуть не уснул на обочине дороги, и если бы не та мышь, то непременно уснул бы. Потом нарвался на немцев – и все это было уже во вторую ночь. А сейчас, видимо, вторая половина третьего дня. Мне пока все еще везет и это просто непостижимо. Господи! Кто же молится за меня?! Главное, не проспять, ребята уже в вагонах и серый телефонный кабель от вагона к вагону...

Уснул ведь! И опять тот проклятый навязчивый сон. Проходят еще часы и вроде начинает смеркаться. Потемнело небо, темной цепью протянулась волнистая гряда Сунженского хребта и его самые высокие шапки: гора Заманкул и гора Курп. Мне почему-то кажется, что по равнине идти не следует – нарвусь. А вот в районе высоты «Нефть» фашисты занимают оборону по цепи Терского хребта, а здесь, в балке, должны быть где-то наши пулеметчики, которые гоняли нас с Натыновым. Мне, правда, показалось, что какая-то широкая балка пошла влево. Может, я спутал что? Может, следовало бы идти туда? Но советоваться не с кем. Полагаясь на интуицию, крадучись, пошел вперед. Снова дует ветер, но теперь я не знаю, он мой союзник или враг? Конечно, он скрадывает шум моих шагов, но и мне мешает слышать то, что происходит вокруг.

Темнеет быстро. Справа с равнины взлетела первая ракета, описала крутую дугу и упала на землю. Левее с высот бросили еще одну. Я пошел в том направлении, где этих ракет видно не было. Теперь я шел краем балки, потом полем. Шел очень медленно. Много раз садился или ложился на землю и пытался рассмотреть что-нибудь на фоне неба. Прошло часа три с половиной, но за это время я прошел слишком малое расстояние. Поле было ровным, под ногами какое-то жнивье, но впереди что-то темное. При каждой ракете я падал, неподвижно лежал на земле и с тревогой следил, как сверкают сырые травинки в дрожащем падающем свете. Внезапно ракета взлетела из тех самых черных кустов впереди меня, куда я шел. Это было недалеко. Выстрел ракетницы хлопнул близко. Я лежал под желтым светом, ракета падала в сторону от меня, но они летели как будто со всех сторон, и при каждой сердце тревожно сжималось, а мозг сверлила одна и та же беспокойная мысль: «Вроде здесь у фрицев оборона плотная. Неужто вляпался?» Я взял немного правее и пошел, крадучись, к черной полосе кустарника. Около кустов я лег на землю и долго вслушивался, но кроме тихого шелеста опавших листьев и легкого шума ветра ничего не слышал. Заросли кустов мне показались очень большими, широкими и теперь мне почудилось, что я иду в обратную от фронта сторону. Снова взмыла осветительная ракета и, описав в воздухе дугу, упала в противоположной от меня стороне. «Конечно же! Не будут фрицы освещать ракетами свои тылы. Они должны бросать ракеты в сторону нашей передовой!» Край зарослей терновника круто изогнулся и пошел, как мне показалось, в нужном мне направлении. Я шел, согнувшись, вдоль этих зарослей и молил бога, чтобы сейчас хлынул проливной

дождь, чтобы пошел град, чтобы взревела буря – только они могли стать моими помощниками, а то ведь может случиться как у Бергалеева: встанет немец, ткнет в грудь ствол автомата и граната не поможет.

Я мало шел и подолгу лежал. Что-то подсказывало мне, что я иду правильно и что еще немного, еще, может быть, километр, и я выйду к своим. Но этот километр был для меня невероятно тяжелым: третья ночь без сна и третий день напряженного ожидания. Теперь я стал чувствовать жажду. А ночь была на исходе. Еще час-другой и будет светать. Здесь нельзя долго лежать, нужно идти вперед, и я шел.

Этому краю зарослей будто не было конца. Вдруг я не разглядел, а скорее почувствовал ногами, что иду по какой-то тропинке. Откуда она здесь? Если здесь немцы, они непременно ходят по ней. Я решил не искушать судьбу и идти немного правее. Вот, кажется, и конец кустарнику. Стоп! Впереди тихие голоса. Я лежу на земле, вслушиваюсь, но я до того приучил себя ожидать немецкую речь, что и не сомневаюсь, что это немцы. Лежу долго. Голоса то слышны, то затихают, и мне начинает казаться, что мне просто послышалось. Внезапно с той стороны, очевидно от края кустов, обращенного к нашей передовой, взлетела ракета и прогремела очередь ручного пулемета. Я, конечно же, лежал на земле, но смотрел вперед и видел, как цепочка розовых трассирующих пуль сверкнула и светящимися точками улетела в том направлении, куда я шел. Парабола, очерченная ракетой, тоже была направлена в ту сторону. Значит, иду я правильно. Еще немного, не нарваться бы вот теперь. Пока в небе горела ракета, я успел рассмотреть, что за скошенным полем, по которому теперь я должен ползти по-пластунски, какая-то светлая полоса, видимо, кукуруза. Я полз осторожно, останавливаясь через каждые десять метров. С края кустарника еще бросили пару ракет и несколько раз простучал пулемет, но теперь он стрелял уже за моей спиной и левее меня метров на сто пятьдесят. Не иначе здесь у них было охранение. Но где же тогда передовая? Как уж я прошел ее? Теперь я полз и полз к той светлой полоске, и она действительно оказалась кукурузой. А среди облаков уже появились чуть заметные светлые пятна и резче обозначилась позади черная полоса кустарника, а впереди отчетливо белела кукуруза, наконец-то меня укрыли ее спасительные стебли. Кукуруза здесь не была высокой, многие стебли свалились на землю, но теперь я уже был уверен. Что ушел от немцев. Неужто ушел? Даже не верилось...

* * *

Только когда я оказался на краю кукурузного поля среди побелевших несрезанных кукурузных стеблей, когда повернулся лицом к противнику, туда, откуда я только что пришел, я узнал балку, край которой зарос большим клином кустарника, узнал высоту «Нефть», а сзади увидел отроги Сунженского хребта, за которыми спряталось Лакисово, я понял, что вышел. Вышел к своим, и никаких сомнений больше на этот счет не оставалось.

Я даже знал, что в самой балке такое же кукурузное поле, знал, что и по этому кукурузному полю мы ночью ползали, знали, что здесь где-то рядом засели немцы, но точно не знали, где они прячутся. Только сейчас я их видел у самого края терновых кустов. Я долго смотрел в ту сторону и все-таки увидел две каски над бруствером окопа. Бруствер был почти не виден – свежевыкопанная земля была прикрыта сорванной увядшей травой. Вот они, субчики, сидят, караулят какого-нибудь заблудившегося дурака вроде меня, чтобы срезать его автоматной очередью.

Ну, теперь-то мне пугаться нечего – я у своих. Я тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Прогремела очередь выстрелов в пять – и снова задержка, но мне показалось, что я видел, как с бруствера немецкого окопа полетела земля от пуль. Каски тут же исчезли, а правее из кустов взлетела в мою сторону красная ракета. Она упала в кукурузу и еще несколько секунд шипела, разбрызгивая розовые искры. Я, пригнувшись, побежал по кукурузе, а мне вслед ударила длинная пулеметная очередь. Я сразу же, как меня учили, пополз в сторону, а немецкий пулемет бил и бил, не смолкая. Пули визжали где-то рядом, обламывали стебли кукурузы и я уже был не рад, что первым вцепил эту очередь. Но тут с нашей стороны раздался звонкий хлопок минометного выстрела, нескончаемо долго ныла в воздухе падающая мина и разорвалась в том терновом кустарнике. Немецкий пулемет сразу замолк, а наши минометчики посылали мину за миной, взрывы грохотали среди терновника. А я под спасительным прикрытием минометного огня даже не бежал, а шел во весь рост, открыто, по кукурузному полю, и мне казались больше не страшными пулеметные очереди врага, казалось, что теперь мне больше уже ничто не грозит, Сердце теперь болело, стонало от радости, от осознания того, что я вышел, выкрутился, кажется, из безнадежного положения. А мои спасители, милые «самоварники», через равные и небольшие промежутки времени все крошили и крошили минами тот терновый кустарник, в котором сидели немцы. На ходу я устранил задержку в автомате, повесил его на плечо и направился напрямик на высотку, на которой, я знал, расположились наши наблюдатели.

До наблюдательного пункта нужно было прошагать еще километра полтора. Я прошел это расстояние и, как ни странно, не встретил ни единого нашего солдата, никакой передовой, никаких окопов. С большим трудом я вылез по лысому склону горы на вершину и увидел двух наших химиков и одного разведчика. Ребята устались на меня удивленно и даже испуганно.

– Ты? – спросил черный, цыганистый Гребенюк.

– Я.

– А ты знаешь?..

– Дайте мне воды и хоть корку хлеба, – перебил я Гребенюка.

Ребята, больше ни о чем не расспрашивая, дали мне полный котелок холодной ключевой воды, целую селедку и солидный кусок хлеба. Я повалился рядом с их окопом и только теперь почувствовал, какой смертельной усталостью налилось все тело. Руки, ноги, голову, плечи, спину опутали, как в сказке о Гулливере, тысячи, миллионы нитей. Мне даже есть стало тяжело. Я все-таки съел селедку с хлебом, выпил половину котелка воды и тут же темный, всеокрушающий сон свалил меня окончательно. Я спал, закрыв шею воротником шинели, спал, лежа на остывшей влажной земле, спал, словно провалившись в черную бездну наркоза.

* * *

Утром, когда ребята успели позавтракать и вымыть котелки, в шалаше Рябчунова раздался зуммер телефона.

Рябчунов взял трубку и ребята слышали его разговор:

– Да. Кто говорит? А, это ты. Как обстановка? Что? Кто говорит? Гребенюк? Так. Так. Когда? Немедленно его в роту! Что? То есть как не может? Он что, ранен? Спит? Да он что! Разбуди его. Что? Ну хрен с ним, через два часа разбуди и пусть идет в роту.

Рябчунов вылез из шалаша, отряхнул одежду от налипшего сена и громко сказал, чтобы слышали сидящие у костра и те, кто лежал под кустами:

– Нашелся этот самый парень, как его...

– Федька? – спросил, привстав, Беляков.

– Он самый. Вышел прямо на НП к Гребенюку. Пришел, свалился и спит. Через два часа разбудят и придет.

Писарь позвонил куда-то в штаб и сказал, что вышла ошибка и без вести никто не пропадал, все на месте. Ему ответили, что в отчете поправят, а вот сведения куда-то уже ушли.

* * *

Я проснулся от того, что меня немилосердно тряс за плечи и бил ладонями по щекам Гребенюк. Я долго старался уклониться от его агрессивных действий, но потом, стряхнув остатки сна, глядя в его небритую, обросшую черной щетиной, страшно худую физиономию, спросил:

– Ты что? Ты что, с ума спятил?

– Командир роты звонил. Понял? Звонил командир роты! – повторил Гребенюк, не переставая трясти меня за плечи.

Наконец, я пришел в себя. Остатки сна прошли, и я, понимая уже, где нахожусь, что случилось накануне, спросил Гребенюка:

– Кто звонил?

– Командир роты Рябчунов звонил и приказал тебе немедленно топать в роту.

С большим трудом я поднялся на гудевшие от усталости ноги. Снял брючный ремень с автомата и подпоясал им брюки. Повесил автомат на плечо и, не торопясь, стал спускаться с горы.

Проходя Лакисово, я увидел в отворенных воротах дома своего знакомого ингуша. Тот занимался каким-то делом, но, увидев меня, подошел, улыбнулся и мягко сказал:

– Салям алейкум, кунак.

– Алейкум салям, – ответил я ему.

– Вай-вай! На кого ты похож? Заходи в дом, отдохни с дороги.

Вид у меня был действительно не очень презентабельный: шинель вся в каких-то репьях, пола порвана, потом уже я рассмотрел, что шинель прострелена на плече и в двух местах на правом рукаве, прострелены полы шинели и даже брюки. На правой ноге на коже, как от ожога, красная полоса – скользнула пуля. Но это я разобрал и понял потом, а сейчас я поблагодарил доброго и старого человека, выпил традиционную кружку холодной воды и пошел дальше. Пройти мне было нужно не более двух километров, но эти два километра дались мне с таким трудом, будто я прошел все сорок: нестерпимо болели ноги, ныла спина, болело все тело, как будто эти трое суток меня все время били палками.

Наконец, я пришел в роту, увидел своих ребят, которые как-то странно молчали, и устало опустился около костра. Подошел Рябчунов, тоже как-то вопросительно посмотрел на меня. Я с большим трудом поднялся на ноги, взял под козырек, видимо, со стороны это выглядело опереточно и несерьезно, доложил, что я прибыл в роту после поиска. Видя, что я еле стою на ногах, Рябчунов разрешил мне сесть у костра

в окружении наших ребят и рассказать все, что произошло со мной за время моего отсутствия. Я рассказал примерно так же, как написал в своем рассказе. Рябчунов сказал, чтобы я отвязал гранату, взял ее, о чем-то подумал и, не торопясь, загнул проволочные ушки чеки взрывателя.

– Это самое... ушки-то разогнуть можно вот сейчас, по дороге, – заметил Хорьков.

– Можно, – согласился Рябчунов. Потом взял у меня автомат, передал его Хорькову и сказал:

– А ну, вкати-ка очередь вон в ту гору.

Хорьков взял автомат, осмотрел его, вздернул ручку затвора, направил ствол в сторону крутого холма рядом с нами и нажал на спусковой крючок. Автомат брызнул искрами двух выстрелов, потом открылся и, сверкнув сталью над головой Хорькова, затвор улетел за его спину.

– Ни хрена себе! Этак в лоб попадет, – возмутился Хорьков.

– Вот именно, – заключил Рябчунов.

Он приказал старшине подобрать мне новое оружие, мой автомат отправить в оружейную мастерскую бригады, приказал повару накормить меня и разрешил спать «сколько влезет».

* * *

После бессонных ночей, после невероятного напряжения всех сил и всех нервов я добросовестно проспал весь вечер, всю ночь и проснулся рано вместе с другими разведчиками. Меня снова позвал Рябчунов. У его шалаша сидели наш политрук и еще какой-то незнакомый лейтенант, переkreщенный скрипучими ремнями. Немного поодаль стоял навывтяжку, без оружия, тот рязанец, с которым мы обменялись адресами.

– Ты почему не отошел, когда дали команду к общему отходу? – первым спросил политрук, и я понял, что это не просто разговор, что меня спрашивают недаром, меня подозревают в чем-то.

– Я не слышал никакой команды, – ответил я.

– Ты передал ему команду? – теперь спросил незнакомый лейтенант рязанца.

Рязанец все время отводил свой взгляд, переминался с ноги на ногу, помолчал, но ответил довольно твердо:

– Да, я крикнул ему: «Давай назад отходи».

Лейтенант уставился на меня.

– Это неправда, – спокойно ответил я. – Мы с ним были на правом фланге и первое время по нам даже не стреляли. Я бы услышал его крик, я видел его. Но когда я выстрелил по немецкому пулемету, а немцы открыли огонь по мне, да еще затвор у меня из автомата вылетел, вот тут-то я покрутился. Но мне никто не кричал. Когда я оглянулся, внизу ребят не было.

– Как же ты ночью-то увидел, что ребят не было? – поинтересовался политрук.

– Так ракеты летели одна за другой, было светло как днем на той высоте.

– А кто это кричал на высоте? – спросил лейтенант, и я посчитал, что тот крик, который я слышал тоже, они принимают за крик рязанца.

– То немец кричал, когда я выстрелил.

– Ты что, его подранил?

– Вот этого не знаю, не видел, только крик раздался с немецкой стороны.

- Понятно, – протянул лейтенант.
- Слушай-ка, – внезапно спросил он, – а что это за передачи ты ингушу носишь? Вот ведь привязался! Да они меня подозревают, и подозревают в чем-то нехорошем. Видимо, изменника во мне видят.
- Товарищ лейтенант, – официально ответил я, – мне еще в школе разъяснили, что такое пролетарский интернационализм. Население здесь живет непонятно как, оно голодает, у них нет соли. Ну, я иногда и даю тому ингушу, который нас водой после поиска угощает.
- За так отдаешь? – спросил политрук.
- От этого вопроса меня даже покорило.
- А что я с него возьму? Он с сыном голодает, шаромыжником я никогда не был.
- А ты в бутылку-то не лезь, – раздраженно сказал лейтенант. – Ты вот лучше объясни, что это такое и откуда это у тебя?
- Лейтенант вытащил из-за спины мой изуродованный гальванометр.
- Откуда это у вас? – спросил я.
- Глаза у лейтенанта округлились, он смотрел на меня удивленно и негодуя.
- Отвечать на вопрос! Устав знаком тебе? – резко и раздраженно сказал лейтенант.
- Это остатки школьного гальванометра. Нашел я его в школе, когда бой был за Плановское. Ребята видели, как я это взял. Только это не шаромыжничество. Все равно бы немцам могло достаться, жалко оставлять.
- Ну допустим, – немного поутих лейтенант. – А что это за учебники у тебя? Вот ведь гады, вещмешок мой исследовали. Явно за предателя считают. А ребята молчат. Надо же! Я не знал ведь, что ребята давно уже сказали свое мнение и поэтому настоящее их молчание меня даже обидело.
- Я ни от кого не скрывал и могу предъявить вам справку, товарищ лейтенант, что перед призывом в действующую армию я обучался в военно-морской школе боевой подготовки. Группу, в которой я находился, готовили для службы во флоте по специальности СНИС.
- Что это такое?
- Средства наблюдения и связи. Я знаю флажной семафор, морзянку и все необходимое для наблюдения и связи.
- И рацию знаешь?
- Рацию не знаю.
- А зачем же тогда морзянку учил?
- На корабле светом морзянку передают, а на радиции специалист отдельно находится.
- Так-так... Ты что же, думаешь во флот попасть?
- Ничего я сейчас не думаю. У меня краснофлотская книжка. А если морзянка не пригодится, так и шут с ней!
- Так-так... – снова протянул лейтенант и о чем-то задумался. – Ну, у меня пока вопросов нет. Если вдруг что понадобится – вызову. А пока сами решайте.
- Лейтенант встал, отряхнул синие галифе, поправил кобуру и, ни с кем не попрощавшись, молча пошел куда-то к штабу.
- Слушай-ка, а мог бы ты с группой разведчиков пройти в ту балку? – спросил Рябчунов.
- Смог бы, только дня два или, вернее, ночи две понадобилось бы.

– Почему так долго?

– Потому что вначале пройти нужно, потом в светлое время скрытно понаблюдать, а уже потом действовать и выходить на свою сторону, - ответил я.

– Что ж, пожалуй, верно, – заключил Рябчунов.

Но в последующем события развивались страшно и неожиданно для меня. На следующий же день меня почему-то не включили в поисковую группу, а направили на НП к Гребенюку. Я получил новый автомат и опробовал его в овражке.

* * *

Дни установились удивительно солнечные и теплые. Если бы не прохладные ночи, то погода, можно сказать, стояла летняя. Тепло. Рыжие горы стали еще рыжее от сухой выгоревшей травы. На кустах терновника осталось мало листьев, но стало множество фиолетовых ягод, словно опудренных голубой пылью. Встречались кусты с удивительно вкусными ягодами, это разнообразило наш кукурузный и пшенно-концентратный стол. До расположения роты было всего километра два с небольшим, и мы решили не брать сухой паек, а получать на кухне положенное нам питание три раза в день. Конечно, приходилось на маленьком костре подогревать пищу, но это не доставляло трудностей. Когда приходила моя очередь, я брал ведро и бодро шагал в роту. Повар исправно отпускал порции на меня, на двух химиков (они стояли на довольствии в нашей роте) и даже связиста.

Каждый раз из роты приносили табак, старые газеты на раскурку и свежие новости. Новостей приятных было мало: рота получила пополнение, разведчикам стали выдавать в день по 200 грамм красного вина. Неприятных новостей было намного больше: нашего соседа, 62-ю морскую бригаду, вышибли из Малгобека. Но бригада держалась, контратаковала, отражала бешеные танковые атаки, несла большие потери, но фашисты не смогли взять соседнюю станицу Вознесенскую, не смогли вылезти в долину Алхан-Чурт. На подступах к Эльхотово все еще шли бои, там держался батальон нашей бригады, еще какие-то части, но откуда-то стало известно, что немцы в этом районе начали накапливать силы. В районе Кусово у немцев появилось минное поле. Наша разведгруппа наткнулась на какие-то прыгающие мины и потеряли сразу пятерых ребят.

Однажды за ужином ушел Гребенюк, вернулся обратно, как положено, без приключений, но новости, которые принес он, меня встревожили, обидели и вконец расстроили. Ну, прежде всего то, что наш политрук выражал мне полное недоверие, считая, что я вошел в контакт с противником и, возможно, был завербован немецкой разведкой. Свои сомнения он якобы выложил в ОКР «СМЕРШ» и ждет решения от вышестоящих начальников насчет моей судьбы. Одновременно этот политрук выразил недоверие и Осейкину Мишке, который был в плену, но бежал. Получалось как-то чудно: мы с Мишкой совершенно не рвались в начальники, сидели в основном на передовой десятки раз. Если бы были шпионами, могли бы уйти к немцам, столько же раз могли бы передавать им информацию, но в части информации мы знали только дела нашей роты. Воевали, как умели, не хуже других, а Мишка Осейкин вообще дрался напористо, зло. Нет, шпион не будет так усердно калечить и отправлять на тот свет солдат своих хозяев. Да и вообще смешно об этом говорить. Вот рязанца, правда, перевели куда-то в другую часть, а Хорьков, тот в чины попер – стал у политрука вроде ординарца, старался, сукин сын, выслуживался, наушничал. Особенно Хорьков невзлюбил Потапенко, который до войны был где-то

милиционером. Сказал также Гребенюк, что вроде бы нелады какие-то возникли у того политрука с Рябчуновым.

– А вообще-то, – заключил Гребенюк, – наш взвод недоукомплектован. Хочешь, я с начхимом поговорю, чтобы тебя к нам перевели? Ей-богу, у нас обстановка спокойнее.

– Спасибо, Гребенюк, хороший ты мужик, только я пока погожу. Виновным я себя не чувствую.

* * *

Через день или два на НП пришел из роты разведчик, сбросил с плеч свой вещмешок и сказал мне:

– Иди в роту.

Я спокойно собрался, распрощался с химиками и связистами и пошел в роту. Ребята как будто и не заметили моего отсутствия, только Суменков Саша, кивнув головой на шалаш, сказал:

– Рябчунов приказал зайти.

Я тут же, бросив свой вещмешок на привычное место, спросил разрешения и залез в шалаш к Рябчунову. Старший лейтенант что-то писал на листе бумаги, подложив под него полевую сумку. Он вроде бы и не обратил внимания на мое официально-уставное представление, буркнул только:

– Садись.

Я сел на подстеленную солому и еще долго ждал, пока Рябчунов колдовал над листком бумаги. Потом, когда уже закончил писать, он неожиданно спросил:

– Ты что там, на НП, видел?

– Да ничего особенного, товарищ старший лейтенант. Оптика у нас дрянная, но вообще-то фрицы по высотам траншеи оборудуют, засек несколько артиллерийских и минометных батарей, ну а пулеметные точки они меняют, и что было вчера, сегодня уже изменилось.

– Та-а-к..., – раздумчиво протянул Рябчунов. Подумал еще и спросил снова:

– А мог бы ты в ту балку разведгруппу привести?

– Думаю, что это и сейчас возможно.

– Понимаешь, «язык» нам нужен, до зарезу нужен.

Я вылез из шалаша и направился к Суменкову, чтобы посоветоваться. Только мы с ним поговорили и решили даже завтра с утра на НП сходить, как появился Хорьков.

– Ты, салага, – обратился он ко мне, – давай к политруку.

Суменков посмотрел на Хорькова каким-то тяжелым, недобрый взглядом. Хотел что-то сказать, но смолчал.

Я пошел к шалашу политрука. Там находился Вася Боев – комсорг роты, и незнакомый мне, худощавый, небольшого роста лейтенант.

– Ну-ка, вкратце повтори свою историю, – приказал политрук.

– Какую историю? – не понял я.

– Конечно же, не ту, как тебя папа с мамой сделали. Ты расскажи, как ты там, у немцев, был.

Меня что-то задело. Болью и обидой царапнуло душу. Чего он ко мне привязался, что нужно ему, что он все ковыряет под меня?!

– Мы у немцев почти каждую ночь бываем, работа у нас такая. Не верите? Вот Боев подтвердить может.

В шалаше наступила натянутая злая тишина.

– Ты как со своим командиром разговариваешь?! Ну пополненьце Ласточкин подобрал. Трое суток у немцев пропадал, чем он там занимался – неизвестно. И смотрите, тон какой! Ну, я на тебя, голубчик, управу найду.

В этот момент незнакомый лейтенант тронул за плечо политрука и он не договорил своей угрозы.

– Подождите! – остановил его лейтенант. – Ты комсомолец? – спросил он меня. Я расстегнул карман гимнастерки и вытащил комсомольский билет.

– Вот мой комсомольский билет.

Лейтенант открыл серую книжицу, посмотрел и снова спросил:

– Значит, с ноября 1941 в комсомоле.

– Так точно.

– А в армию добровольцем пошли?

– Добровольцем. Несколько заявлений написал.

– Ну и как с ребятами? Уживаешься?

– Конечно, уживаюсь.

– Скажи, когда от группы отбился, на немцев натыкался часто?

– Бывало.

– Страшновато было?

– Если честно, то конечно страшно – один ведь.

– Но все-таки шел?

– А что было делать, товарищ лейтенант, тогда иного выхода не было.

– А если неожиданно нарвался бы ты на немцев или они на тебя?

Я рассказал лейтенанту и про противотанковую гранату, и про отказавший автомат, и про то, как я нарывался на этих немцев и каким-то чудом уходил от них.

– Да-а... Нелегкая ваша служба, – протянул лейтенант.

– Да это у кого как, – не удержался и вставил политрук.

– Это точно! Иной хоть бы в бинокль на фрицев взглянул, – не удержался я и ответил встречным уколом.

– Ну ладно, ступай, разведчик! – сказал лейтенант.

Я вылез из шалаша, отошел немного и решил дожждаться Боева.

Откуда-то появился Хорьков и вдруг, дружелюбно улыбнувшись мне, спросил:

– Опять допрашивали?

– Не-е, больше все о тебе говорили, – не принял я шутки.

Хорьков хмыкнул и отошел. Вскоре появился Боев – комсорг нашей роты, коренастый, невысокий, коротко стриженный парень с перевязанной шеей – чирей выскочил и замучил его, проклятый.

– Слушай, Вась, может, и вправду мне не место в роте? Этот лейтенант из СМЕРШа? – напрямую спросил я Боева.

– Брось ты дурака-то валять! И не лезь в бутылку, когда не надо. А мужик этот, Левинтов, из политотдела. Он не с тобой одним разговаривал.

Я успокоился. Наш взвод сегодня отдыхал. Ребята уже почистили оружие, дозарили диски и в ожидании ужина пели песни. Уже стало смеркаться, потемнело небо, а из-за горбатых гор выполз месяц, большой, красно-желтый. В вечерней

тишине лился чуть хриловатый голос Арабова. Этот украинец с русской фамилией тянул старую родную песню и ему подтягивало несколько молодых голосов:

*За Сибиром солнце всходит,
Хлопцы, не зевайте.
Вы на мэнэ Кармелюка
Всю надию майте.*

Не в мелодии, не в словах, а в протяжных голосах молодых ребят слышалось столько тоски и тревоги по далекой Украине... А потом звучала другая:

*Повив витер на Украину
Да оставыв я дывчину,
Да оставыв кари очи –
Повыв витер ни з пывночи.*

И опять та же тоска, та же тревога. Давно полюбились мне украинские песни, давно чаровали они душу своей напевностью, но не слышал я еще того, чтоб пелось с такой сердечной болью. А потом будто Потапенко затянул и голос его, раскатившись по осенним холодным кустам, вдруг взмыл к первым дрожащим звездам, и замерло сердце от страстных, молитвенных звуков:

*Дывлюсь я на нэбо,
Тай думку гадаю...*

Сколько уж талантов у людей, какие голоса, с какой проникновенной сердечностью ведут они песню... А тут война. Тут визг металла, дым пожаров, кислый запах взрывчатки, кровь на бинтах, смерть и страдание в глазах товарищей. Ох, и сложна, и непонятна эта самая жизнь.

Вчера я получил письмо из Москвы от девушки, с которой едва знаком. Я написал письмо всем своим товарищам на работу, а она обиделась, почему это я не написал ей лично. Ладно, напишу...

* * *

К рассвету стало холодно. Ребята были еще в поисках, а мне, можно сказать, повезло, здорово повезло – я мог спокойно выспаться. Самое главное сейчас выспаться. Днем я напишу письма, а сейчас спать... Я и представить себе до войны не мог, какое это счастье – спокойно спать на сене, под кустом, где сквозь сетку листьев видно, как мерцают на небе последние ледяные звезды. Все мои обиды на Натынова улетучились, показались ничтожно малыми перед величием царицы ночи, перед ожидаемыми сновидениями, которые обещали мне встречу с родными и друзьями. Всегда так: сегодня мне повезло и я ожидаю спокойного сна, а кто-то не спит, кого-то, может быть, мои товарищи вытаскивают из-под обстрела раненого, истекающего кровью. Спать! Сейчас только спать!

Я и предположить не мог, что в своем шалаше совсем рядом лежит молча младший политрук Попов. Человек не спит, а по его впалым небритым щекам бегут

скупые мужичьи слезы: только сегодня он узнал, что где-то на севере погиб в прошлом месяце его брат – командир артиллерийской батареи.

А у Ласточкина были свои заботы. Он ушел к командиру саперной роты, с которым завязалась у него дружба с того самого времени, когда обороняли вместе саперы и разведчики горный перевал у Илларионовки.

Саперы жили по сравнению с нами шикарно. У всех бойцов были оборудованы землянки, каждая на 5-6 человек, а у командира роты – блиндаж в три наката, стены обшиты досками, оборудован столик, топчан, печь-буржуйка – все по высшему классу. На столике чадила коптилка из снарядной гильзы, пламя дрожало, потрескивало, здесь же фляжка с водкой (это Ласточкин принес), откупоренная банка консервов из офицерского допайка.

Слегка захмелевший Ласточкин поправлял пятерней непослушные, съезжавшие на лоб, светлые волосы, и говорил товарищу:

– Я тебе что скажу... Если бы я захотел, я бы ему такое вспомнил, но я подлецом и доносчиком никогда не был – ты меня знаешь. А вот он, – Ласточкин многозначительно указал пальцем в потолок, – он спит и видит, забодай его комарь! А, давай еще по махонькой.

– Давай, – согласился командир саперной роты.

Выпили, ковырнули ножами в банке, стараясь подцепить бычка в томате.

– Я тебе, друг, вот что скажу, – говорил сапер, – ты мужик правильный, и я тебе тоже, как на духу, говорю. Не будет у тебя с ним никакого толка. Он мужик не трус, не злопамятный, но выпендривается на каждом повороте. На твоём месте, я бы давно в батальон ушел. Ты пойми, здесь ты у него один, ему, кроме как тобой, и командовать некем, а он любит это дело до страсти. Я его тоже насквозь вижу, у него на рупь амбиции и на грош амуниции. Пропадешь ты с ним, и ходу он тебе никакого не даст. Он все, что доброе, себе возьмет, а все дерьмо на твою голову вывалит. Вот у нас инженер – это человек, мы с ним запросто и с полслова. А вообще – плюнь. Запомни, что дальше фронта не пошлют, а меньше взвода не дадут.

Друзья выпили последнее, что было во фляжке, поговорили еще малость о своих каждодневных и ежечасных заботах. Муторно было на душе у Ласточкина.

Начальник разведки бригады капитан Натынов не успел вернуться с рекогносцировки, как ему передал связной штаба, что его вызывает к себе срочно начальник штаба майор Прокопчук, недавно назначенный на эту должность. Натынов откровенно не любил Прокопчука, не понравился он ему с первого взгляда – этакий «академик», небольшого роста, прямые черные волосы всегда причесаны, подтянут. Натынов считал, что новый начальник штаба человек казенный, сухой, зловредный, который только и ждет случая, чтобы чем-нибудь кольнуть его, Натынова. Натынов и Прокопчук действительно были очень разными людьми, может быть, поэтому у них возникла пока еще еле ощутимая натянутость во взаимоотношениях.

Не обращая внимания на посыльного, Натынов покрутил ручку полевого телефона и попросил телефониста соединить его с шестым, т.е. с начальником штаба по таблице позывных. Натынов надеялся, что дежурный скажет «спит начальник штаба» и еще попросит не беспокоить его до утра без крайней надобности. В таком случае и Натынов с наслаждением стянет с ног хромовые сапоги, которые немного жали в подъеме, и немного поспит. Но Прокопчук был на месте и не спал. Мало того, сухим голосом, подчеркнуто официально, он сказал Натынову, чтобы тот при-

шел к нему срочно. Начальник разведки оставил телефон, чертыхнулся, натянул на гимнастерку безрукавку-душегрею из овчины, и пошел к начальнику штаба.

Майор Прокопчук разместился в пустом доме на самой окраине Лакисово. На крыльце часовой, в сенях еще один, в комнате окна занавешены плащ-палатками, на столе коптилка, разложены топокарты, какие-то листы бумаг.

– Товарищ майор, по вашему приказанию...

– Хорошо, хорошо, капитан, давайте побережем время. Подходите к столу. Для меня сейчас очень важны заключения разведки, у штаба очень скудные материалы о противнике.

Прокопчук освободил от бумаг топокарту, сплошь разрисованную синим карандашом, придвинул ее к Натынову и подчеркнуто спокойно сказал:

– Во-первых, я понимаю, капитан, у вас сейчас много работы, но в следующий раз, отлучаясь надолго из штаба, вы ставьте меня в известность, а то мы теряем много времени по-пустому. А теперь расскажите, что вам известно о противнике и каковы ваши выводы?

– Товарищ майор, я вам представляю сводки, там все написано...

– Сводки пишет ваш помощник, он пишет о фактах, а я хотел бы слышать ваши выводы.

– Что ж, я могу, я над этим делом уже думал. Разведданные говорят о том, что на нашем участке противник накапливает силы для перехода в наступление. Он улучшает свои позиции, захватил высоту «Нефть» в районе Верхнего Курпа, свою передовую придвинул к нашей. Крупные резервы противника сосредоточены в районе Нижнего Курпа и Верхнего Акбаша.

– Какова может быть цель его наступления?

– Цель известная, товарищ майор, – уничтожить нашу бригаду, овладеть Лакисовом и выйти на перевал.

Натынов замолчал, так как сразу еще не мог придумать, какую еще пакость готовит нам немецкое командование.

– Н-да, – вроде бы отвечая на собственные мысли, протянул начальник штаба, – признаю, что у разведчиков завидная осведомленность. Не подскажите, капитан, из каких источников вы почерпнули сведения о резервах противника и почему они сосредоточены именно там, если наступление противник готовит на Лакисово?

В тоне Прокопчука Натынов почувствовал явное недоверие, даже чуть заметную издевку, но теперь он уже не видел для себя иного пути, он продолжал отстаивать избранную для себя позицию.

– А как же иначе, товарищ майор, для чего ж он захватывал высоту «Нефть»?

– Вы меня не убедили, капитан. Все это может быть объяснено стремлением просто улучшить занимаемые позиции. Давайте вернемся к фактам еще раз. Я слушаю вас, капитан.

«Вот, паразит, гоняет меня как школьника. Дали власть, так он и рад ее показать».

– Что ж, пожалуйста. В разведдонесениях я сообщал об активных действиях противника в районе Кескем–Пседах. Моя разведгруппа обнаружила скопление противника восточнее Верхнего Курпа...

Натынов пересказывал содержание написанных им разведсводок и истории наших неудачных поисков, причем в его интерпретации они звучали так, что мы совершали героические подвиги и все достойны наград.

– Подождите, капитан. Все это вы действительно излагали в сводках, но в при-

веденных вами фактах все-таки нет подтверждения вашим выводам. Судите сами, по данным наших стрелковых батальонов и из показаний вашего пленного, на днях немецкое командование сняло в районе Пседаха и Индеево немецкие части и заменило их румынами. С наблюдательных пунктов докладывают, что в центре нашей обороны от высоты «Нефть» до Верхнего Курпа противник оборудует траншеи. Все это, скорее, похоже на то, что немцы переходят к обороне на нашем участке. Судя по документам того немца, которого ваши «герои» умудрились удушить, так это та самая растянутая по фронту дивизия, которая занимала оборону в районе Курпа. А куда делась знаменитая дивизия «Викинг»? Нами не обнаружены новые артиллерийские батареи у противника, на нашем участке, слава богу, не действует вражеская авиация, если не считать барражирующих истребителей. Затихли бои и под Малгобеком у нашего правого соседа. Все это говорит только об одном: противник готовит удар в каком-то другом направлении. В каком? Потом, вы извините, но ваши данные о «крупных резервах» противника не подкреплены ни единым фактом. Все ваши данные, говоря мягко, неточны. В чем дело? Что прикажете доложить командиру бригады?

– Товарищ майор, на войне обстановка каждый час меняется.

– Согласен. Только разведка на то она и есть разведка, чтобы быть в курсе всех дел противника. Разведданные недельной давности могут обернуться дезинформацией, а это на руку противнику. Штабу нужны проверенные данные о противнике, и данные самые свежие. Вы меня поняли, капитан?

– Так точно, понял, товарищ майор, только ведь вы сами знаете: разведзоды в батальонах почти выбиты, пополнения нет, командиры батальонов норовят использовать своих разведчиков просто как стрелковые подразделения. А разведдрота... что ж, я вам докладывал уже, пока там Ласточкин – толку никакого не будет. С подчиненными он за панибрата, дисциплины в роте никакой, боевые приказы не выполняются, в роте разведчики своего переднего края не знают: один из них меня на рекогносцировке чуть к немцам не привел, еле отбились.

– Это плохо, капитан! Это ваша служба. Только недавно вы хвалили этого Ласточкина и своих разведчиков за бои под Илларионовкой, что же сейчас вдруг произошло? Хорошо, с командиром разведроты мы разберемся, а вам необходимо подумать, нужно более тщательно готовить поиски, вплоть до того, что провести разведку боем, выбрав для этого подходящий объект. Нам нужен «язык», нужны данные о противнике и это нужно не только для бригады. Вам ясна задача, капитан?

– Так точно, товарищ майор.

– Если нужно, давайте подключать артиллеристов, саперов, кого угодно, но сведения о противнике должны быть самые достоверные и в самое кратчайшее время, это приказ командира бригады.

– Слушаюсь, товарищ майор.

Натынов вернулся в занимаемый им дом на окраине в самом скверном расположении духа. Он, не раздеваясь, бросился на кровать, смотрел в потолок, а в душе у него все кипело: «Нашел мальчишку! Ему легко там философствовать. Сидит себе академик, мать бы его! Пошел бы по передовой хоть раз. В штабе все легко и все можно!» Чувство досады и обида давили Натынова. «И еще этот Ласточкин – пентюх и дурак, сквалыга! У самого начальника разведки вон последние сапоги и те еле держатся, порядочного браунинга нет! Вся рота разболталась – и ни к черту! Надо было в тот раз пару разгильдяев шлепнуть или под трибунал отдать – остальные бы подумали!»

Действительно, разведке не было известно многое и не только той, которой командовал Натынов. Сам Гитлер страшно разгневался на фельдмаршала Листа. Он, фюрер, не мог найти оправданий этому беспомощному топтанию его армий у какого-то Малгобека, у совершенно безвестной станицы Эльхотово. Его танки, его испытанные танкисты, прошедшие все дороги Европы, вдруг застряли у каких-то станиц! Паулюс прорвался к Волге, днями решится судьба Сталинграда, а Лист, обязанный решить не просто престижный вопрос, а судьбу Средней Азии, застрял, когда до окончательного успеха остались считанные километры. Впереди город Орджоникидзе, здесь ворота Кавказа, а Лист не может пройти несколько километров! У большевиков на Кавказе больше нет резервов, один сокрушающий удар – и цель будет достигнута, и какая цель! По своему стратегическому замыслу, по престижности, по расстановке сил во всем мире это почти то же, что и разгром Англии! А старый маршал топчется, и его танковые атаки разбились об оборону большевиков. Лист утверждает о какой-то сверхмощной обороне, а разведка докладывает, что у большевиков на Кавказе не было подготовленных оборонительных рубежей! Жаль, но старого Листа необходимо заменить. Да, только Клейст, Эвальд Клейст – полководец божьей милостью. Клейст, прошедший Польшу, Францию, Югославию, тот самый Клейст, что отличился и в этой дикой России, командуя танковой армией, он способен решить эту задачу! Провидение дало Германии Клейста и Гудериана. Они оба большие мастера танковых ударов, сокрушающих ударов!

Начальнику разведки бригады не было известно и то, что этот самый Клейст испросил у фюрера всего три недели для того, чтобы подготовить удар и захватить столицу Северной Осетии, названия которой не могли выговорить офицеры Генерального штаба. Город Орджоникидзе, город Грозный, Дарьяльское ущелье и перевал Крестовый, Махачкала, Баку – и с Кавказом будет покончено.

Приближались большие и грозные события. Немецкие войска собирали ударный кулак в районе Плановского. Отсюда кратчайшая дорога к Орджоникидзе. На остальных участках активными действиями немецкие войска должны были сковать противника, лишить его возможности маневра.

У Большого Кавказа собирались грозные тучи...

* * *

Было похоже, что вернулось лето. По календарю приближалась третья декада октября, а солнце грело днем словно в августе. Холмы вокруг Лакисова совсем порыжели, лес на горах покрылся желто-бурыми красками, а заросли терновника, которого в этих краях страшно много, потеряли листву и стали голубовато-синими от обильного количества плодов на корявых ветках.

По неизвестным нам причинам одну ночь мы пропустили, и никто не ходил на задания. Мы отоспались, и все было бы хорошо, но Хорьков снова умудрился испортить мне настроение. Получилось так, что я остался без плащ-палатки, а ночи были холодными, утром на траве появлялся седой иней. Ротный писарь, тот самый израненный моряк, которого комиссовать собирались, выдал мне плащ-палатку. Плащ-палатка была старой и один ее угол был залит чернилами.

Днем у меня эта палатка исчезла, но я заметил ее на том месте, где спал Хорьков, узнал по этому чернильному пятну. Хорькова на месте не было, палатку я все равно забрал и притащил ее обратно, но тот пропажу обнаружил быстро. Он по-

дошел к тому месту, где располагались мы с Мишкой Беляковым и неожиданно резким рывком вырвал палатку.

– Ты что! Это моя палатка! – я попытался вырвать ее у Хорькова.

– А ну отцепись, падла, а то сейчас у меня схлопочешь! Понял?

Это было сказано с такой уверенностью, что в какой-то момент у меня мелькнула мысль о том, что, может быть, я ошибся и палатка действительно не моя, мало ли палаток с чернильными пятнами. Мишка Беляков оказался решительнее меня:

– Положи палатку! Ты снова, гад, за свое!

– Отцепись, шкура! Во! Во! видишь?! – хрипел Хорьков, указывая пальцем на чернильное пятно.

– Что видишь? Что?

– А то, что это моя метка.

Я ухватился за плащ-палатку и вырвал ее из рук Хорькова, да так, что сам отлетел в сторону.

– Ах, ты так?!

Хорьков выхватил финку и бросился было на меня. Тут угрожающе загалдели ребята, некоторые поднялись на ноги. Это вмиг остудило нас обоих.

Ко мне подошел Васька Боев, комсорг нашей роты, взял у меня палатку и с помощью писаря быстро установил истину.

– Держи палатку, – протянул ее мне Боев.

– А ты, – он обратился к Хорькову, – если еще раз сподличаешь, голову тебе свернем и из роты вылетишь!

– Тоже мне, напугал! Смотри, как бы сам не вылетел! – огрызнулся Хорьков. – Ну, а тебе я еще вспомню, гад!

Это Хорьков мне пригрозил. В жизни своей я еще никого не успел возненавидеть. Даже по отношению к немцам у меня еще не оформилась ненависть. Я воспринимал их как огромную, злую и беспощадную силу. Я стрелял в них потому, что они стреляли в меня. Они были врагами опасными и открытыми. Но я затруднился бы сказать, кого я больше ненавижу – Хорькова или немцев. В Хорькове я видел хуже, чем врага, я чувствовал в нем предателя и человека, способного на самую крайнюю подлость.

Но история конфликта с Хорьковым была аномальной в общей обстановке. В коллективе роты жизнь текла иным, более глубоким и чистым руслом. В этот день, наконец-то, я получил сразу несколько писем от родных и друзей. В письмах родных звучало нескрываемое беспокойство за мою судьбу, содержались скупые сведения о том, что у Коли после ранения перестали двигаться пальцы левой руки, а он художник, ему нужны пальцы. Володя по состоянию здоровья в армию не попал, но проходил службу в каком-то подмосковном военкомате. От Васьки (это все мои двоюродные братья, с которыми долгое время мы жили фактически одной семьей) писем не было, а воевал он где-то на Черном море – не так уж и далеко от меня. От знакомых узнал, что мой классный товарищ Митька Кондратов тяжело ранен, лежит в госпитале. Моя тетка писала, что мой отец разыскал мать с моими братьями. Слава богу! Как гора с плеч!

Утром 18 октября в штаб бригады вызвали Ласточкина и Попова. Никого не озадачил этот вызов – мало ли по какому делу вызывают командиров в штаб.

В обед Мишка Осейкин кормил нас картофельным супом и кукурузной кашей с салом. Кукуруза сварена была немолотой, цельными зернами, жесткая, зуб не берет. Нам изрядно надоела эта кукуруза.

– Почище шрапнели, – ворчали ребята.

Шрапнелью солдаты называли плохо разваренную перловку, но эта кукуруза была, по словам ребят, не шрапнель, а картечь.

– Вот такая зараза ведь кишки порвет. Не каша, а якорная цепь!

Гриша Бельтюков хмыкнул и выразил почти что противоположное мнение:

– Лишь бы душа приняла, а задница – хоть взбесись!

– После ций каши мы Грышу на пряму наводку поставим. Вин як шарахне, так от тих хрыцев шматки полетят!

Теперь ребята взялись за Бельтюкова так же, как прежде за меня с тем магнитом.

В последние дни на переднем крае было относительно тихо, шла нудная траншейная война. Противник вел методичный артиллерийский и минометный огонь по нашему переднему краю, по площадям действовали пулеметы, работали снайперы. Ночью в небе тархтели наши «кукурузники» и по нейтралке лазили разведчики. Мы не очень задумывались над причиной такого странного поведения противника. После сумасшедших дней, пережитых до этого, мы были откровенно рады относительному затишью. Такое на фронте случается крайне редко и не может быть продолжительным.

После обеда в роте появилось сразу много начальства: Натынов, Ласточкин, Попов и невысокий чернявый лейтенант из политотдела. Все это предвещало неизбежный конец нашему крайне короткому «загоранию».

Кто-то построил роту в две шеренги, кто-то доложил, что разведчики заняты подготовкой к очередному поиску. Четверо офицеров стояли напротив строя, Натынов чуть впереди. У начальника разведки лоб нахмурен, черные брови сошлись над переносицей – весь вид его полон торжественной решимости. Остальные тоже строги и многозначительно молчаливы. Натынов подал команду «вольно» и внимательно осмотрел весь строй. Всего нас было чуть больше сорока человек, для отдельной роты это совсем немного.

– Ну что ж, разведчики, настала ваша пора действовать и показать, на что вы способны. Слушайте внимательно! Я вам приказываю, – Натынов подчеркнул слово «приказываю», и все поняли, что предстоит что-то серьезное, – сегодня ночью провести разведку боем. Это дело непростое. Вот здесь-то мы все узнаем, чего вы стоите. Вас поддержат бойцы наших стрелковых рот и наши пулеметчики. Ваша задача такая: с тыла ворваться к немцам на их опорный пункт – высоту «Нефть». Высоту можно обойти по балке справа. На высоте нужно захватить «языка», определить систему обороны немцев, ее глубину и огневую насыщенность. Вам в помощь выделяются два связиста с телефонным аппаратом. Захватите высоту, закрепитесь и доложите обстановку. На высоте будете находиться до тех пор, пока вас не сменят стрелковые части. Они уже предупреждены и в курсе дела. Задача понятна?

– Так точно... – ответили мы не очень стройно.

– Ну, давай теперь ты, – Натынов кивнул чернявому лейтенанту из политотдела. Тот для солидности кашлянул в кулак и начал говорить срывающимся голосом:

– Товарищи красноармейцы! Жестокий, коварный враг стремится поработить нашу великую Родину. Наш народ, все как один, встали на защиту отечества от коричневой чумы...

Лейтенант говорил убедительно, хлестко, складно, но каким-то очень уж газетным языком. Его слова были правильными, гладкими, но когда он замолчал, эти слова

сразу забылись. Было понятно только одно – уж если политотдел прислал в роту своего представителя, значит, предстоит серьезное дело.

– Ну, теперь давай ты, командир роты, расскажи про план операции, – Натынов кивнул Ласточкину.

Получалось прямо как на собрании. Ребята в строю было зашевелились немного, какой-то шум пробежал, но комроты Ласточкин быстро навел порядок:

– Разговорчики в строю! Пойдет группа в пятнадцать человек и еще два связиста, они потянут связь сразу же за вами. Боеприпасов взять до упора. Группой командует Подосенов. Со мной будет еще одна группа в резерве на передовой. Как только в первую траншею к немцам ворветесь – тут не зевать. Бей все, что на глаза попадет. Чтобы на высоте закрепиться, к вам подходит вторая группа. Потом вас сменят наши стрелковые части. Вопросы взаимодействия все решены и согласованы, так что беспокоиться нечего, забодай вас комарь. Теперь значит так, в первой группе пойдут самые стойкие бойцы, на которых положиться можно... Ласточкин перечислил фамилии тех, кто пойдет в первой группе и меня немного озадачило то, что среди «самых стойких» не оказалось наиболее опытных ребят, таких, как Суменков, Бельтюков и других. У меня создалось впечатление, что наши командиры не были особенно уверены в успехе этого поиска или предвидели сразу большие потери, поэтому в первую очередь они жертвовали теми, кто еще не стал костяком роты, представлял наименьшую ценность по сравнению с другими. В этом, конечно, была своя жестокая логика, но приходилось мириться: ведь не спросишь командира роты почему в первую группу включили, к примеру, меня, а не Бельтюкова. Не принято задавать подобных вопросов, они считались свидетельством трусости, бесчестия и предательства по отношению к товарищам. Да и, действительно, разве спросил кто-нибудь из ребят, почему именно мы торчали на НП, в сравнительно безопасном месте, когда другие лезли под пули. А в итоге-то все равно, кто погибнет первым, а кто вторым с разницей в полтора часа. Судьба у всех одна, и никого не минет чаша сия.

Многие ребята, да и я в том числе, еще не очень представляли себе, что такое разведка боем. А разве бывает разведка без боя?..

До самого вечера нас больше не отвлекали от подготовки к поиску. Мы приводили в порядок оружие, набивали диски, получали гранаты. Некоторые писали письма родным, я тоже. Родным писал, чтобы они не беспокоились, что у меня все в порядке; знакомым писал, что вот сейчас ухожу в бой и если останусь жив – напишу еще. В этом не было неправды, но в словах чувствовался мальчишеский и газетный пафос.

Перед вечером в роту пришли двое молодых ребят-связистов. Они тащили три катушки провода и телефонный аппарат в зеленой деревянной коробке.

* * *

Стемнело. Каждому из нас выдали по сто граммов водки, накормили ужином. Ночь снова выдалась звездная и холодная, на передовой вроде бы ничего не изменилось. Там, куда мы шли, раздавались редкие пулеметные очереди и одиночные взрывы мин. Как обычно, немцы кидали ракеты, но нечасто. Эта обыденность понемногу успокаивала тревожное чувство, вызванное необычностью поставленной перед нами задачи. Вообще-то, разведка боем – это обычный бой, в котором участвуют стрелковые части, артиллерия, иногда даже танки и авиация. Разведка

боем – это испытание на прочность вражеской обороны, это наступление на небольшом, узком участке фронта ограниченными силами.

Мы, рассчитывая на свои собственные силы, ночью должны были ворваться в немецкую оборону и захватить опорный пункт – высоту «Нефть», где расколошматили наш батальон. Нам нужно было еще там закрепиться, захватить «языка», отбить неизбежные контратаки врага и дальше еще ждать указаний начальства.

Ночь. Знакомая степь. Все, как обычно. Только на сей раз вместе с нашей разведгруппой идет еще одна: Ласточкин, Попов, Суменков – шла почти вся рота. Какая-то другая задача была только у Надиряна с небольшой группой.

Возле того места, где когда-то стоял в степи сарай, а сейчас осталась от него одна плетневая стена, решили в последний раз перекурить, чтобы потом уже не возвращаться к этому делу. Последний привал, последний перекур, а дальше уже будет бой! Что ж, на то она и война. Там, под Эльхотовом, под Плановским, было настолько тяжело и опасно, что, пожалуй, труднее и быть не могло. Что будет сегодня?.. Если судьба ко мне милостива, то, может быть, только ранит, если очень милостива, то ранит по ногам. Ноги – хрен с ними, были б руки, осталась бы голова...

– Курить осторожнее! Кто там искрами сыплет? – Ласточкин на сей раз ворчит зло.

Нам было неведомо, сколько лейтенант выслушал упреков и предупреждений от начальника разведки. Кстати, Натынов и сам обещал быть на передовой к утру. По всему было видно, что нынешней операции придавалось большое значение, это для нас, для командира роты и политрука было что-то вроде экзамена на бойцовскую зрелость, испытание на мужество и боевое упорство, только мы, рядовые бойцы, пока еще этого не знали.

– Все! Кончай ночевать, пошли вперед! – скомандовал Ласточкин.

* * *

В траншее на переднем крае относительно тихо. С немецкой стороны взлетают осветительные ракеты, дежурные пулеметные очереди. Траншея неглубокая, примерно по пояс. Впереди голая, без всякой растительности, седловина, а за ней видна черная громада высоты «Нефть». Она господствует над местностью, вероятно, оттуда отлично видны каждый изгиб нашей траншеи, каждая стрелковая ячейка, вся балка и степь до самых холмов перед Лакисовом. На самой вершине сопки металлическая нефтьвышка, довольно высокая, не меньше двадцати метров. Правее вышки на склоне высоты заметны два огромных, исклеванных пулями нефтебака, они серебристо-белого цвета и поэтому заметны даже ночью. За нашей траншеей голые и округлые шапки невысоких гор, которые тянутся хребтом до самого Малгобека. Сразу за траншеей небольшие заросли репейника или еще чего-то очень похожего. Земля пахнет польнью и сухой пылью. Ласточкин ушел к командиру роты еще раз проверить налаженность нашего взаимодействия, а мы расположились кто в зарослях репейника, а кто в траншее. Холодно. Нам всем выдали шинели и куртки. Воевать в куртке, конечно, удобнее, но в шинели, вот так сидеть в ожидании, наверное, теплее. У меня шинель б/у (бывшая в употреблении), один рукав у нее был с рыжим отливом, опалили у костра, а может быть, в вошебойке подгорела. Все карманы набиты патронами, на ремне три гранаты, одна из них противотанковая. Все, как положено, на шнурочках, привязаны за тело или за ручку гранаты и упасы бог зацепить ее за взрыватель. Документы мы на сей раз оставили все у ротного писаря.

Ласточкина не было долго и появился он с каким-то незнакомым сержантом.

– Связисты! Где связисты, забодай их комарь?!

– Здесь, товарищ лейтенант, – слышались в темноте их голоса.

– Давай, жмите вот с сержантом, подсоединяйтесь к нитке и ждите нас на выходе из траншеи. Сержант покажет. А все остальные, давай сюда!

Мы собрались в тесную кучу, и Ласточкин говорил нам тихо, почти шепотом, как будто немцы могли нас подслушать:

– Значит так! Группа Подосенова сейчас спускается в правую балочку, и вы обходите высоту «Нефть» с тыла. Там поднимаетесь на высоту и врываетесь в оборону противника. Первым делом захватываете «языка» и занимаете оборону. Докладываете сюда по телефону обстановку. К вам выдвигается резервная группа Суменкова, а дальше уже видно будет. Понятно, забодай вас комарь? Тогда все! Подосенов, начинай!

Подосенов поднялся на ноги, потоптался, отряхнул куртку и тихо, не по-командирски, сказал:

– Пошли, братцы.

Ну вот и все! Конец всем раздумьям. Снова впереди только бой, один бой и ничего больше...

Что такое бой? Где его начало и где конец? Для артиллериста установка орудия это чаще всего подготовка к бою, и первый выстрел – уже бой. Для пехотинца бой идет всегда, пока он в траншее (если речь идет об обороне). А у разведчика? Только он перешагнет бруствер и для него уже начался бой, и бой особый. Он ежеминутно должен ожидать выстрела, пулеметной очереди, очереди из автомата в упор, взрыва затаившейся в земле мины и многого другого. Перешагнув бруствер первой траншеи и уже дальше все изготовилось к тому, чтобы убить тебя, и ты сам готов к нападению, обороне, броске гранаты и удару ножом. Здесь за бруствером кончается милосердие, не действуют человеческие законы, здесь свои охотничьи инстинкты. За бруствером на нейтралке нет секунды без боя, и отсчет времени здесь другой, да и сами секунды здесь разные по величине. До траншеи и на передовой на тебя воздействуют все явления, которые действуют и на других, но как только вышел ты на нейтралку, так оставь все земные заботы, они помехой тебе станут. Здесь мы снова хищники и охотимся на таких же непримиримых и злых, как мы сами. Успех всегда будет за тем, кто хитрее и свирепее.

Прямо за траншеей начинался спуск в седловину между высотой «Нефть» и сопкой, где проходила наша оборона. Меня и Курочкина Подосенов направил в головной дозор. Мы шли не далее, чем метров 25-30 от основной группы. Если мы обнаружим что-то подозрительное, то остановимся, поднимая левую руку – знак тревоги, или отползем и предупредим ребят. Если просто напоремся, то заработаем очередь из автомата в упор, тогда эти выстрелы станут для ребят сигналом тревоги.

Прозрачный звездный свет позволял рассмотреть какие-то предметы там, наверху, а здесь в балке темень – ни зги не видеть. Если смотреть по фронту, то правее высоты «Нефть» есть еще одна балка, которая намного меньше той, что слева, и вдоль нее тоже гряды невысоких холмов. В балочке вроде тихо. Ракеты взлетают левее за высотами и от них слабый трепещущий отсвет на небе. Внизу в балочке забытый богом проселок, уже давно заросший травой, правда, колеи у этого проселка довольно глубокие – видно, еще весной по грязи повозки ездили. Постояли мы с Курочкиным несколько секунд, послушали и осторожно пошли вперед. Мы

знали, что помимо боевых дозоров у противника здесь могли быть и мины, но как их обнаружить в этой крошечной тьме? Их и днем найти непросто, а сейчас только взрыв скажет о минном поле, но этот взрыв может оказаться для нас последним. Все равно нужно кому-то шагнуть первым, это неизбежно... За два с лишним месяца боев мне ни разу не приходилось услышать от ребят отказа идти первым. К тому же идти первым – это и знак доверия твоих товарищей, которые полагаются полностью на твою осторожность, внимание и опыт. Это доверие – признание твоих бойцовских качеств и смекалки.

Слева на высотах слышны короткие пулеметные очереди. Это стреляют не в нас, это дежурные немецкие пулеметчики лупят просто для остротки и чтобы не уснуть на боевом посту. По сторонам дороги высокая трава, какие-то колючки. Мы с Курочкиным шли прямо по дороге – шума меньше, останавливались через каждые 15-20 шагов. Идти по дороге тоже непросто – то и дело нога проваливается в глубокую колею. Нечаянно я оступился и чуть не полетел. Курочкин тут же зашипел:

– Тихо, ты!

При остановках мы заученно приседали на корточки, так лучше видно на фоне звездного неба, а мы сами не так заметны. Тишина вокруг настороженная, точно струна перетянутая. Сзади слабый шум – это приближаются наши ребята. Пусть подтянутся ближе, далеко от них отрываться тоже нельзя... Что это!? Сзади раздастся громкий железный скрежет с каким-то звоном. Вначале мы не могли понять происхождения этих звуков. На несколько секунд он прекращался, а потом снова: «Дзинь-дзинь»... Курочкин отошел на несколько шагов назад и зло зашептал:

– Какого дьявола!

В ответ еле слышен чей-то шепот, слов я понять не мог. Оказывается, у приданных нам связистов оказалась катушка с металлическими погнутыми бортиками. Провод разматывался, и при вращении катушки та терлась этим бортиком о металлический станок. Что делать? Довольно громко у них это получалось, с таким оркестром вперед идти опасно. Ну кто ж это придумал: за разведгруппой проводочную связь тянуть – нелепость это! Неужто Натынов удумал? Не может быть! При всей своей взбалмошности, он разведку все-таки знает. К нам осторожно подошел Подосенов:

– Чего встали-то?

– Ты на этих связистов еще дугу с бубенцами одень! Скажи, чтоб поотстали малость, – прошу я Подосенова.

Снова вперед и метров через сорок останавливаемся, приседаем и пытаемся рассмотреть, что там впереди. Помолчали. Ничего не насторожило нас.

– Слева нефтебаки видишь? – шепчет Курочкин.

– Вижу.

– То, что там немцы, так это точно. Смотри в оба – не может быть, чтоб они эту балочку не перекрыли.

Снова вперед. Шаг в сторону от дороги, и под ногами слишком громко шуршит сухая трава, трещат какие-то сломленные стебли. По дороге можно идти только друг за другом. Я пошел первым. В двух шагах сзади шел Курочкин. Прошли еще метров двадцать пять. Что-то чудно: неужто здесь в балке немцы не выставили охранения? Не может быть такого. Снова остановились. Тупая морда автомата ППШ выставлена вперед, палец на спусковом крючке, напряжена каждая мышца. Теперь только и жди, что следующее мгновение разорвут выстрелы. Молча, не произнося ни единого лишнего звука, я снова, пригнувшись, иду вперед. Курочкин ухитрялся

шагать почти неслышно. Похоже, теперь недалеко осталось. Чтобы оказаться за высотой «Нефть», осталось пройти не больше ста пятидесяти метров. Тогда нужно будет круто взять влево и лезть вверх по склону. А эта проклятая сопка с нефтевышкой оказалась вовсе не похожей на горб верблюда, она несколько вытянута вдоль хребта. С двумя остановками мы прошли еще метров пятьдесят. Дьявольщина, этак и до Берлина топтать можно. А кругом тихо. Где-то уже позади нас слышны короткие пулеметные очереди. Шакалов и тех здесь нет, все словно вымерло. Сзади не слышно ребят, они тоже остановились. Что ж, еще малость вперед. Я только сделал первый шаг, как неожиданно увидел впереди, метрах в пятнадцати от нас, брызнувший снопик небольших белых искр, словно кто-то крутанул колесико зажигалки... Я мгновенно присел и поднял левую руку – тревога! Курочкин замер. Мы не произносим ни слова, напряженно, до рези в глазах смотрим вперед. Стремительно бегут секунды, но впереди все тихо: ни подозрительного шума, ни новых искр.

– Видел? – почти неслышным шепотом спросил Курочкина.

– Что?

– Будто зажигалкой чиркнули.

Сидим молча, но больше ничего не заметили.

– Показалось, должно, – шепчет Курочкин.

Сзади нарастает слабый шорох, и где-то дальше за этим шорохом снова слышится дзиньканье телефонной катушки. Потом все стихает. Что делать? Если мне не померещилось, то совсем рядом, впереди нас могут быть окопы с вражеским боевым охранением, но на сей раз нам нельзя на него размениваться, нам нужно еще прорваться на высоту «Нефть». Метрах в десяти впереди от нас видна какая-то высокая трава. Чуть заметна белесая полоса ее зарослей. Время бежит, а я все еще не решился шагнуть вперед. Сзади легкий шорох – крадучись подошел Подосенов:

– Что там?

– Искры от зажигалки вроде.

Все трое молча всматриваемся в ночную темень. Вроде тихо. Нет, спутать я не мог. Искры я видел совершенно четко и вначале принял их за искру выстрела. Сейчас снова тихо. Неужто и вправду померещилось?

– Давай вперед немного.

Пригнувшись, я шагнул вперед. Курочкин молодец – его шагов совсем не слышно. У меня длинные полы шинели чуть слышно шуршат по траве, нога, видно, зацепилась за сухой стебелек...

Вдруг выстрел!.. Выстрел совсем рядом, в двух шагах от меня, сбоку. Я еще не успел сообразить, в чем дело, а над головой шипящий звук ракеты. Мы с Курочкиным упали на дорогу, а через мгновение над балкой разлился убийственно яркий магниевый свет. Ракета вырвалась чуть ли не из-под самых моих ног, и в том месте я заметил легкий дымок. Здесь на дороге была установлена специальная осветительная мина-ракета, и я задел ногой за натянутую проволочку. Еще через мгновение справа и слева с высот взлетали ракеты, белый и красный яркий огонь расцвел небо, погасил звезды. Секунда-другая – и ночь словно разорвало оглушительными и длинными пулеметными очередями. Над самой головой сверкнули трассы, засвистели, запели пули. Пулеметный огонь был злым и плотным, немцы словно видели нас и стреляли справа, слева, стреляли в лоб. Я свалился в дорожную колею, втиснулся в нее и кожей чувствовал, что еще совсем немного, всего

несколько сантиметров, и пули достанут меня. Курочкин сзади, он потянул меня за ногу и почти крикнул:

– Назад! Отползай назад!

Я начал пятиться, но это оказалось непростым делом – мешались полы шинели, они попадали под локти рук и ползти становилось невозможно, а приподняться нельзя – непременно срежут пули. Курочкину проще – на нем короткая куртка. Как-то я исхитрился перевернуться в спасительной колее, прополз несколько метров. А где Курочкин?

– Курочкин!

– Здесь я.

Когда и как он ухитрился очутиться в соседней колее? Где-то за правыми высотами хлопнуло несколько минометных выстрелов, и в разодранном огненными трассами небе возник давящий на душу визг падающих мин. Взрыв! Желтая вспышка сверкнула неподалеку. Взрыв и еще взрыв! Рядом крик от чудовищной, обжигающей боли...

Наша группа торопливо отходила назад, пытаясь выскользнуть из-под пулеметного ливня, уйти от мин. А взрывы сверкали прямо на дороге, в том месте, откуда мы только что убрались, над нами свирепо стонали осколки. Пулеметные очереди, взрывы мин отражались склонами высот и от этого казалось, что нас окунули с головой в этот адский грохот. Мы отползали назад, а один из пулеметов вел огонь почти нам в лоб и этим он был очень опасен.

– От баков, гад, лупит, – сквозь зубы говорил кто-то из ребят.

В этой адской свалке нашелся Дубинин – он, рискуя быть срезанным пулеметной очередью или осколком, привстал и швырнул в сторону от дороги гранату. Взрыв гранаты был тут же замечен противником, и они обрушили весь пулеметный огонь на место замеченного взрыва. Мы продолжали ползти по колее, а немцы молотили это место минами и снова прочесывали пулеметами. Я потерял счет времени. В конце концов, противник, видимо, посчитал, что нам каким-то образом удалось уйти, либо все мы давно перебиты на этой проклятой дороге. Минометный обстрел постепенно прекратился, затихли пулеметы, только продолжали взлетать ракеты. Сколько времени это продолжалось? На этот вопрос, пожалуй, никто бы не ответил из наших ребят.

– Раненых нужно вытащить, раненых!

– Во врезали, аж переночевать негде!

– Дали прикурить, гады, – слышались сдержанные голоса.

Мы были еще на нейтралке, но казалось, что все опасности уже позади – обманчивое чувство.

– Все. Теперь их нахрапом не возьмешь, они теперь до утра нас караулить будут. Раненых нужно вытащить. Проверьте, чтобы никто не остался, – тихо говорил Подосенов.

Мы поднялись с земли и пошли назад в полный рост к своей траншее.

– Откуда та первая ракета взялась? – спросил Мишка Беляков.

– Не знаю. Похоже, ее, как мину, фрицы поставили, я и задел за проволочку.

– Ползти надо было.

– Опосля мы всегда становимся умными. Раненых много?

– Вроде трое. А связиста – того сразу насмерть, того, который катушку мотал.

Наша попытка неожиданно зайти в тыл противнику закончилась неудачей, теперь это понимал каждый и каждый знал, какой разнос нам устроит Ласточкин. Мы

потеряли четверых. Ожидая разноса и тяжелых упреков, мы были бы не против переждать время здесь, на нейтралке, – но раненые! Двое были ранены тяжело, а перевязать их здесь не могли. Нужно было торопиться, и мы спешили.

Ласточкин, Попов и еще несколько разведчиков, остававшихся на передовой, слышали сильную стрельбу и сразу поняли, что немцы измолачивают в узкой балочке нашу разведгруппу. Они также знали, что как только начнет светать, появится Натынов и тогда уж держись! Одного крика не оберешься.

Возвращающуюся разведгруппу с нашей передовой обнаружили по тихим сдержанным голосам и по белым пятнам бинтов в темноте.

«Вот они, идут голубчики! Теперь им наплевать на все! А с Натыновым так мне расхлебываться, голову снимать так с Ласточкина!» Жгучая обида, чувство досады кипели в душе командира роты. Конечно, он не очень пугался крикливого начальника разведки, но он и сам понимал, что задание вновь не выполнено, поэтому все упреки, как ни кинь, окажутся справедливыми, и ему останется только твердить: «Так точно, виноват, не предусмотрели, но уж вот в следующий раз...» И еще неизвестно, как там аукнется в штабе, если эту проклятую разведку боем рекомендовал провести сам Прокопчук! Когда ребята затаскивали в траншею раненых, Ласточкин еще сдерживал кипевший гнев, дал возможность санинструктору осмотреть раненых, поправить повязки, утащить их куда-то в тыл и только потом подозвал Подосенова. Стрельба на передовой смолкла, только одни осветительные ракеты шипели над нейтралкой. Подосенов доложил о неудавшемся поиске, о раненых. Ласточкин выслушал, а потом протянул:

– Та-ак! Что же это вы, а? Куда вас черт понес, забодай вас комарь! Почему за нефтебаками сразу на высоту не свернули, а?

– Товарищ лейтенант, нефтебаки на фланге этой высоты, а нам ее обойти было велено с тыла, значит... – начал было Подосенов, но Ласточкин оборвал его:

– Отставить! – в его голосе прозвенели непривычные для разведчиков злые и раздражительные нотки. – «С фланга, с тыла». Вы что ж, со стороны Берлина что ли на высоту зайти хотели? Вы что думаете, в игрушки здесь играть?! Хватит, дураки поывелись! Медвинский! Сейчас ты группу поведешь. Твой заместитель – Подосенов. Знаешь, где нефтебаки? Вот пока еще темно – вперед! И без разговоров мне тут! Это было что-то новое в практике проведения поисков. Нам не давали время даже для того, чтобы опомниться. А потом мы наверняка знали, что сейчас немцы настороже.

– Перекурить бы малость, – послышался голос Селиванова.

Но Ласточкин на сей раз был непривычно зол и непримирим:

– Тоже мне субчики! Перекурить им захотелось, поспать малость, а уж потом они глядишь, и повоюют. Вот с такими засранцами до Казбека добежали! А ну вперед! Быстро!!!

– Это без нас разберутся, с какими засранцами мы до Казбека добежали. Зря в этом солдат упрекаете. А вообще мне один хрен, пошли, Медвинский, – обиженно и тоже зло ответил Подосенов.

Ласточкин даже не нашелся сразу что ответить, а Ванька первым снова вылез на бруствер траншеи и пошел вниз. За ним пошли остальные.

Снова спускаемся вниз. Никто не верит, что на сей раз нам удастся нахальным рывком ворваться в немецкую траншею. Наверняка мы напоремся на боевое охранение противника и снова врежут нам для памяти, но, тем не менее, ребята пошли все. Спустились в балку быстро, но потом ребята вновь пошли осторожно,

ождая первых выстрелов. Темно. Слышен осторожный шум шагов по сухой траве. А небо справа уже чуть посветлело, стала более четко видна неровная, волнистая гряда гор. Что-то сейчас будет!..

Впереди в короткой куртке молча шагает Медвинский. Ванька Подосенов шагает в общей нестройной группе, он тоже молчит, но на расстоянии чувствуется, как все в нем сжалось от негодования. Головного дозора мы не выслали почему-то, и просто толпой шагаем к нефтебакам. В голове снова ни мыслей, ни чувств. В душе одно ожидание и отсчет страшных мгновений: секунда, вторая, шаг, еще шаг. Вот он, заброшенный проселок, – значит, мы в самой седловине, теперь бы побыстрее на сближение – и будь что будет!

Бах! Сверху взлетает осветительная ракета. Мы мгновенно залегли, но нас явно заметили. На высоте «Нефть» одна за другой захлопали выстрелами ракетницы и стало светло, как днем, а на этом голом скате мы, как вошь на ладони. Сверху короткой очередью ударил пулемет, пули брызнули землей перед нами и сразу же настороженную предутреннюю тишину разорвали пулеметы, они били длинными очередями, били, не смолкая. В оглушительном треске выстрелов, кажется, раскололось небо. Мы залегли и вжались в землю, хотя теперь на этом клочке она перестала быть нашей союзницей.

Не знаю, как другие, но я потерял счет времени, не замечал его, молча и обреченно ждал своей пули. Наверное, то же испытывали и другие, потому что никто не подал команды «вперед!», и подобный бросок, когда до противника было не менее ста метров, стал бы погибелью всей нашей группы. А среди нас кто-то уже коротко охнул и кто-то застонал. Разведчики начали отползать, и словно обжог горячий шепот: «Назад, скорее назад!». Я полз назад, а проклятые полы шинели снова попадались под локти и я беспомощно дергался на месте. «Надо было их за пояс заткнуть, как не догадался!» – корил я себя. А кто-то в этот момент закричал:

– Раненых, раненых возьмите, мать бы вашу!

И кто-то первым приподнялся под пулеметным огнем и побежал вниз, и за ним побежали остальные, волоча беспомощных раненых. Подниматься к своей траншее тоже непросто: подъем крут и склон горы голый, как колено, ни единого кустика или спасительного камня. Вокруг злой визг пуль, сверкают красные и зеленые трассы, сзади захлебываются пулеметы, а серое предрассветное небо исчертили искристые дуги взлетающих ракет.

Вторая наша попытка ворваться в немецкую траншею на высоте «Нефть» также была неудачной – отбил противник нашу попытку. Едва мы успели укрыться от пулеметного огня в нашей траншее, а кое-кто из ребят замаскировался за траншеей в зарослях репейника, а тут и взялись за нас немецкие минометы. Где-то за высотами слышались хлопки минометных выстрелов, потом резкий, нарастающий визг мин и раскатистый разрыв со стоном и гудением осколков. Мины рвались часто, в сумеречной предрассветной мгле сверкали мгновенные вспышки, в серо-голубом небе крутились, падая, комья земли, и от тяжких ударов вздрагивали древние рыжие горы.

В траншею не спрыгнул, а сполз Медвинский, правая рука у него в крови, он придерживал ее выше локтя.

– Понимаешь, зацепил малость, гад, все-таки зацепил, – говорил Медвинский каким-то извиняющимся, не свойственным ему тоном, как будто это он был непросительно виноват в том, что пуля пробила ему руку.

– Толя, ранен? Кость целая? Давай перевяжу. Голову, голову пригни!

Мы с Митькой Козловским осторожно стащили с Медвинского куртку, распоролли финкой пропитанный кровью рукав гимнастерки. Ниже плеча у него небольшая черная дырочка и с другой стороны тоже – из обеих текут горячие струйки крови. Медвинского перевязали, и Козловский многозначительно заключил:

– Ничего, мужик, терпи. Это не ранение, а одно удовольствие, кость, похоже, не задета. Прокантуешься пару неделек и порядок.

А мне было мучительно жаль: неужто Медвинский уйдет из роты, неужто потеряю я доброго товарища.

А немцы минометный огонь усилили. Разрывы мин грохотали по всей нашей передовой, и среди бойцов стрелковой роты тоже появились первые раненые. Несколько мин рвануло в лопухах за траншеей, над ними пополз грязно-серый дым, в воздухе крутились черные клочья листьев. И не было возможности поднять голову. Этот день складывался чудовищно неудачно для нас: мы не смогли ворваться в траншею к противнику, почти не расходовали своего боезапаса, а уже понесли потери и нас еще продолжали бить.

Когда минометный обстрел немного утих, из побитых, покалеченных зарослей лопухов поднялись двое в шинелях, они вели, вернее, тащили третьего под руки. Этот раненый не шел, а всего лишь шевелил беспомощно заплетающимися ногами. Раненый был в куртке и шароварах маскхалата. Куртка сплошь залита кровью. Матерь божия!.. Голова раненого чуть запрокинута, лицо в крови, оскалены розовые от крови зубы, а глаз у человека нет – вместо глаз одни белки, а зрачки закатились под верхнее веко.

Вид раненого был просто страшен, осколок вклеил ему в череп, и на голове кровавая масса перепутанных волос. Двое бойцов торопились вынести раненого вниз в балку из зоны проклятого обстрела. В этот момент кто-то крикнул:

– Ребята, Арабова!.. Это Арабова садануло!!!

Неужто Арабов!? Страшно было смотреть на эти глаза без зрачков, на розовые от крови зубы. Осколок в голову – страшное, почти всегда смертельное ранение! Каждый из нас знал, что через несколько секунд или минут и нас могла ожидать подобная участь...

В траншее откуда-то появились Ласточкин и Попов.

– Ну что, доигрались?! Чем теперь оправдываться будем? – Ласточкин был сердит и свои упреки в первую очередь адресовал Медвинскому и Подосенову. Подосенов сопел и молчал, а горячий Медвинский, которому теперь все равно в госпиталь, ответил зло, резко, таким я его и представить не мог:

– Тем и оправдаемся, что хреновые мы разведчики, и такие же у нас командиры!..

– Но-но, не забывайся! – одернул Медвинского Ласточкин.

– А меня не в голову ранило, я и не забываюсь. Пока от нас начальство было подальше, тогда и «языки» были!

– Отставить разговоры! Под трибунал захотел?! Вались отсюда и чтобы духу твоего не было. Хватит!

Ласточкин тоже был зол и резок. Медвинский досадливо сморщился, вылез из неглубокой траншеи и, не прячась, не пригибаясь, пошел по склону вниз, в балку, продолжая придерживать раненую руку здоровой. Его никто не провожал.

Наконец обстрел прекратился, немецкие минометчики замолчали. Совсем рас-

свело, и вот-вот из-за невысоких горбов сопки должно было выглянуть солнце. В балке, где росла кукуруза, незаметно таял легкий голубоватый туман.

Мне казалось, что больше нам здесь делать нечего. Силой нашей уже потрепанной разведгруппы ворваться на высоту «Нефть», под которой раздолбали наш батальон и роту автоматчиков, было просто немыслимо. Пока еще не поздно, можно было убираться отсюда, пока не рассеялся легкий туман в балке, но Ласточкин чего-то тянул и не давал команды на отход. Удивлялись мы этому недолго. Минут через пятнадцать, как из-под земли, в траншее появился сам капитан Натынов. Он был зол, его глаза метали молнии, накал его злобы, кажется, был на самом крайнем пределе. После разговора с начальником штаба бригады он, конечно, не мог появиться там с докладом об очередной неудаче. А его подчиненные словно сговорились и снова провалили тщательно подготовленную операцию.

Натынов теперь, кажется, понял, что с таким составом роты его будут вечно преследовать неудачи. Нет, достаточно он терпел!

– Ласточкин, Подосенов, ко мне! Всем остальным сидеть на месте в траншее.

Мы сгрудились в траншее и, благо наши траншеи были довольно широкими, решили перекурить. Мы гадали, что еще придумает наше начальство? А начальство не заставило себя долго ждать и появилось минут через десять.

– А ну, все сюда!

Натынов сидел у стенки траншеи, рядом с ним были Ласточкин и Попов. До многих ребят не доносились слова Натынова, а я, как назло, снова оказался рядом.

– Та-ак, значит, люди воюют, а они в бирюльки играют. Значит, вы думаете, что и в этот раз вам все пройдет? Не вый-дет! Водку выжрали, а задание за вас дядя будет выполнять?! Я спрашиваю, кто посмел? Какая сволочь первой назад повернула? Молчите?! Так я вам вот что скажу: вот сейчас вы пойдете в атаку, пойдете вперед! Чтоб через пятнадцать минут вы были на этой высоте! Это приказ командования и чтоб мне без дураков!

– Так светло уже... – проронил кто-то из разведчиков.

– Что «светло»?! – взвизнул Натынов. – Привыкли ночью на печке баб щупать! Видите ли немцы в них стреляют, поэтому они воевать не могут! Трусы вы, а не разведчики! Но я вас заставлю, я вам покажу, как воюют! Я спрашиваю, водку зачем вам давали? Выпили водку? Не испугались? А ну, вперед! Мать бы вашу! Подосенов – ты за все в ответе! Вперед! Я вам приказываю!!!

Во время этого приступа злобы он выхватил из кобуры револьвер и все время крутил его перед теми, кто был рядом.

– А ты перестань, капитан, своей пушкой крутить! – взорвался Подосенов. – В группе всего двенадцать человек осталось, сейчас уже светло и это на три хороших очереди одного немецкого автоматчика...

– А ты как думал? Загорать, придуриваться сюда пришел? Ты команду «вперед» понял или не дошло?!

Ванька секунды две помолчал, видимо, ожидая, что скажет Ласточкин или наш политрук, но те молчали. Тогда Подосенов подчеркнуто неторопливо встал в траншее во весь свой немаленький рост, повесил на грудь автомат, потом коротко и не очень по-командирски сказал:

– Ну что ж, братва, пошли.

Он первым вылез на бруствер траншеи.

Двенадцать человек разведчиков молча вылезли из траншей вслед за старшиной первой статьи Подосеновым, за своим командиром, сразу же развернулись

редкой и короткой цепочкой и в третий раз пошли вниз по склону к седловине. Теперь разведчики шли не в обход, не с фланга, а прямо в лоб на грозно молчавшую высоту. В седловине была еще тень и серебряная роса на траве, а вершину высоты «Нефть» уже тронули первые лучи восходящего солнца. Мы шли на врага в открытую, среди белого дня, нас было всего двенадцать, и каждый понимал, что это все означало.

Под ногами низкорослая седая полынь, еще какая-то высохшая серая и рыжая трава, мелкие, словно лишай на земле, воронки от мин.

Вперед! Может быть это и есть «наш последний парад»... Снова больше ни мыслей, ни воспоминаний... Под ногами по-мышинному шуршит сухая трава, уплывает назад серая земля... Сейчас начнется! На голом склоне нас отлично видно с высоты «Нефть». Вот уже седловина и старая, заросшая травой проселочная дорога.

Мы перешли ее, и сразу же начался подъем на проклятую высоту, на ту самую, о которую разбилось столько атак нашего стрелкового батальона, усиленного ротой моряков, на ту, на которую в эту ночь мы уже дважды пытались прорваться и дважды были отброшены. Мы шли молча, сжав зубы, как, наверное, ходили на Руси на последний и смертный бой, шли, выставив вперед обрубленные стволы взведенных автоматов, пальцы на спусковых крючках, а под ногами плывет и плывет серо-рыжая земля, уплывает, как сама жизнь...

А немцы не стреляют. Наверное, сволочи, ждут, подпускают ближе, чтобы бить в упор, наверняка... Двенадцать человек – это для пулеметчика одна хорошая очередь... Только бы не в живот и не в голову... Посредине цепочки идет Подосенов – лицо бледное, губы сжаты и в одну точку смотрят злые серые глаза. Справа от меня Дубинин, очень худой, жилистый мужик, еще правее Беляков, Костя Кудряш, Селиванов, другие ребята. Идут и дыхания не слышно, и сердца не бьются, а шагают уверенно, быстро. Шапка высоты освещена солнцем, уже виден бруствер траншеи противника... Молчат! Затаились, гады! Ни с нашей стороны, ни со стороны противника ни единого выстрела... Шаг, еще шаг, еще... До бруствера вражеской траншеи осталось не более семидесяти метров, уже видны на нем отдельные комья земли, у нефтьвышки видна каждая деталь ее конструкции, под вышкой сложен штабелем красный кирпич, правее внизу видны серебристо-белые нефтебаки... Осталось не более пятидесяти метров! Самое время открыть по нам огонь! И что-то кричало в душе: «Ну! Ну же, стреляйте, гады!»... Если вот сейчас брызнет пулеметная очередь, то, может быть, из всех двенадцати, если повезет, уцелеют человека два, успеют откатиться вниз, но через пять, через три секунды и этого шанса ни у кого не останется...

Шаг, еще шаг, еще... Теперь я слышу тяжелые удары своего сердца... Чего ж они ждут? Чего им еще надо? Двенадцать человек цепочкой и несколько изготовившихся пулеметов в траншее, да еще не менее полутора десятков «Шмайсеров»... Все! Шансов больше нет!.. Шаг, еще шаг, еще... Подъем стал отлогим, мы почти что на высоте! Вот она, траншея! До нее не больше двадцати пяти метров, а она молчит почему-то!? Теперь, не сговариваясь, молча, не раздумывая, как можно быстрее – вперед! Теперь уже только вперед, и только в этом последний шанс и последняя надежда – вперед!

Несколько больших прыжков вперед, еще! Вот она, траншея!!! Дальше все свершилось настолько быстро, настолько неожиданно, неуправляемо... Больше не было времени, чтобы гадать, почему не стреляли немцы. Последний прыжок впе-

ред. На бруствере черный ствол пулемета, в него заправлена лента с патронами... Нога уже на бруствере, впереди за ним глубокая, в полный профиль, и узкая немецкая траншея со стрелковыми ячейками. Немецкая плащ-палатка на дне траншеи, на ней алюминиевые котелки, фляжки и какие-то коробки...

– Ур-р-ра! Полундра-а! – неудержимый рев, рычание...

Подосенов прыгнул в траншею, я за ним. Оба кинулись по траншее влево, хлестко и вразной ударили первые короткие очереди автоматов. Ванька бежал по траншее и куда-то стрелял, я пока не видел еще цели. Вот первый убитый немец, я перепрыгнул через него. Слева, в стенке траншеи у самого дна, какая-то черная дыра – «лисья нора», как впоследствии окрестили эти сооружения солдаты. Ванька пробежал мимо, а из черного провала «лисьей норы» внезапно появился ствол «шмайсера» и немецкая каска. Немец направил ствол своего автомата Ваньке в спину, но он не заметил меня, бегущего следом. Все свершилось в долю секунды – я не дал ему выстрелить. Не целясь, с каких-нибудь пяти метров я ударил короткой очередью по каске. На ней мгновенно, словно вспыхнули, несколько черных дыр и немец сполз в свою «лисью нору». А стрельба зазвенела вокруг густо, беспорядочно, со всех сторон. В самой траншее, за ней и под нефтевышкой появилось не менее десятка трупов немецких солдат. За первой траншеей в каких-нибудь тридцати метрах виднелась вторая – к ней по открытому месту побежало еще человек десять немецких солдат, но были буквально скошены огнем наших автоматов. Сложнее было с теми, кто уползал по еще не полностью готовому ходу сообщения слева – мы стреляли по мелькающим каскам и френчам, но не видели результатов огня.

– Вперед! Вперед! Полундра!!! – закричал Ванька, и несколько разведчиков, услышавших команду, выскочили из первой траншеи и побежали ко второй...

Напоровшись на плотный автоматный огонь, кто-то упал, раскинув руки, остальные вновь укрылись в захваченной у врага траншее. Из второй траншеи немцев целыми сериями полетели в светлое небо красные ракеты, и нам тоже было понятно, что это сигнал тревоги. У нас оказалось три немецких пулемета с запасом патронов, десятка полтора автоматов, и пулеметы тут же пошли в дело.

Минут через пять из второй немецкой траншеи выскочило человек около двадцати солдат, бешено стреляя из автоматов, они бросились на нас. Но теперь преимущества были на нашей стороне. Вся наша траншея вдруг взорвалась огнем. Пулеметный и автоматный огонь буквально скошил бегущих. Я стрелял длинными очередями. Чуть в стороне, прижавшись к штабелю красного кирпича, стрелял Дубинин из своей СВТ. Все ругали эту винтовку за ее постоянные отказы в бою, но в руках Дубинина она превратилась в грозное и опасное оружие. Кто-то бросил вперед гранаты-лимонки, и резкие хлопки взрывов прокатились над сопкой. Между траншеями валялся на земле и что-то кричал немец с узенькими белыми погончиками на плечах – офицер, ей богу раненый офицер! К нему поползли было трое немецких солдат, но они были безжалостно срезаны пулеметным и автоматным огнем. Раненый офицер приподнимал голову, ему с трудом удалось перевернуться на бок и он стал пытаться ползти к своей траншее. Тогда двое разведчиков, под прикрытием огня трофейных пулеметов бросились за офицером, но один тут же упал, схватившись за живот, другой упал, быстро откатился в сторону и вернулся в свою траншею. Мы несли потери, а это плохо, очень плохо! Нас остается все меньше, а мы еще толком не знаем, сколько перед нами немцев и не видим путей подхода из тыла, ко второй их траншее. И к нам что-то запаздывает подкрепление, явно запаздывает!

Раненый офицер, видимо, собрался с силами и медленно пополз ближе к своей траншее, но тут ударил трофейный пулемет. Немца достала пуля, он дернулся и свалился на спину – готов! Откуда-то справа по нам ударил немецкий пулемет, пули взвизгивали, глухо шлепали в землю, подымали пыль с сухой земли. Мы тоже не смогли вытащить своего раненого в живот разведчика – он зашевелился и в него впились пули целой автоматной очереди. С этим тоже все! Накал стрельбы все нарастал, видимо, к немцам подоспело подкрепление и теперь нам было не до развития успеха, нам едва хватало сил, чтобы отбиваться от противника. Дубинин продолжал стрелять из своей СВТ, а по нему тоже вели сильный огонь – от штабеля красного кирпича во все стороны летели крошки и пыль, похожая на красный дым.

– Ребята! Гранатами их и вперед! – снова кричал Подосенов.

Ребята тоже понимали, что пока мы не захватим той траншеи, нам покоя не будет, потому что пока та траншея в руках врага – нет у нас здесь особых преимуществ.

В сторону немцев, как черные мячики, полетели гранаты. Одновременно с трескучей волной их взрывов, снова бросились вперед разведчики.

Здесь всего не более тридцати метров, если бежать, то не более тридцати пяти больших шагов. Но над всеми этими метрами плясала смерть. Во фланг бегущим ударил злой пулеметный огонь и автоматный треск навстречу. Сплошные выстрелы, от них сплошной звон в ушах. Еще кто-то падает, кто-то залег, секундная задержка – и уже стало ясно, что наша атака снова захлебнулась. Я тоже упал на рыжую траву, на исклеванную пулями землю, пропахшую порохом. Тут же ударил длинной очередью по траншее врага, над бруствером которой словно грибы торчали глубокие и будто квадратные каски солдат. Пули цвिकнули где-то рядом, пыль и комочки земли полетели в лицо. Скорее назад в траншею! И вторая наша атака была отбита. Однако нам удалось притащить раненого немецкого офицера. Он был ранен несколькими пулями и видно, что жизнь покидала его избитое пулями тело. А мы потеряли еще двоих – один парень наповал, другой тяжело ранен в грудь и шею. Укрылись в траншее, а от сумасшедшего огня головы не поднять. Кто-то перевязывал раненых, некоторые ребята уже сменили в автоматах опустевшие диски. Раненый офицер был без сознания, стонал. Ребята нашли при нем карту с обстановкой, бинокль, пистолет, какие-то документы и пачку писем. Надо было бы отправить все это на нашу передовую в стрелковую роту, но как?

– Дубинин! Дубинин! – раздался крик в траншее.

А разведчик Дубинин валялся возле штабеля кирпича и возле него его знаменитая СВТ. Не ожидая команды, за ним пополз Мишка Беляков.

Положение наше становилось с каждой секундой все более неустойчивым и опасным. Из двенадцати нас оставалось всего семь человек, и некому было вытащить раненых. У Сорокина на лице кровь, но он стреляет и уже некому его перевязать, некогда! Кипит бой, не смолкает автоматный и пулеметный треск, а немцы, похоже, готовят новую контратаку. Уже и в запасном диске кончаются патроны, а дозаряжать некогда. Слева какой-то ход сообщения и еще что-то нарыто, оттуда становится все сильнее огонь. Справа от меня захваченная нами траншея проходила под самой нефтевышкой и по склону сопки опускалась к нефтебакам. Что там было дальше, я не видел. От этой траншеи слева отходило какое-то ответвление в сторону склона, обращенного к седловине, туда мы перетаскивали раненых.

Семь человек, полуоглохших от несмолкающей стрельбы и взрывов гранат, готовились к отражению вражеской контратаки. На каждого из разведчиков прихо-

дилось теперь не менее 12-15 метров захваченной траншеи и ни единого сантиметра ее мы теперь не могли уступить врагу, в противном случае нам всем грозила бы гибель. А немцы были от нас не далее тридцати метров, и они теперь караулили каждое наше неосторожное движение, каждую самую малую ошибку в организации обороны. Достаточно было на мгновение над краем траншеи мелькнуть пилотке, как в ту же секунду злобно взвизгивала серия пуль, разбрызгивала песок и комочки земли в том месте, где было замечено движение. Откуда-то слева немцы вели огонь почти что нам во фланг, и если так дело пойдет и дальше, то слева немцы ворвутся в нашу траншею, они даже обойдут ее и тогда нам хана, тогда и обратно не убежать, и раненых не вытащить.

– Федька!

Сквозь сплошной треск выстрелов и нестерпимо болезненный звон в ушах я вначале не понял, что кто-то кричит мне.

– Федька, мать бы твою!

Ясно, это Ванька Подосенов. Он правее меня, а вместе мы с ним левее нефтешки, там, где раздваивается траншея.

– Ты чего?

– Слушай, прикрой левый фланг.

– Что?

– Левый фланг, говорю, прикрой, хрен глухой, не то обойдут нас немцы, в спину нам врежут. Понял?

– Понял.

Метров через пятнадцать траншея кончалась, а дальше тоже что-то накопано. Мне казалось, что именно там я должен занять оборону и обезопасить наш левый фланг. Сейчас ребята активным огнем отвлекут внимание немцев, возьмут огонь на себя и этим дадут мне возможность быстро выскользнуть из траншеи. Стрельба усилилась, и рывком я вывалился из спасительной траншеи, пополз по-пластунски влево. Ах, как мешается эта чертова шинель. Я старался как можно больше вжиматься в землю. Вдруг звонкая автоматная очередь и фонтанчики земли чуть впереди меня, крошки летят в лицо.

Заметили! Теперь они меня достанут, а я еще не вижу, откуда в меня стреляют. Быстро откатился немного вниз по склону, всего метра на два, а тут снова очередь – пули взвизгнули, застонали от рикошета. Ни черта! Видимо, я оказался в мертвом пространстве, их пули не достают меня, а приподняться, высунуться из своей траншеи, наверное, немцы сами боятся – попадут под мои пули или сбоку в них Ванька Подосенов врежет... Так, теперь еще немного в сторону и вперед. Свою траншею тоже нельзя терять из виду – мало ли что!

Я прополз вперед совсем немного и осторожно, не отрывая подбородка от земли, посмотрел вперед. Вон они! Впереди бруствер и еще что-то накопано, похоже, землянка или блиндаж. Над бруствером видны три квадратные каски, торчат стволы автоматов. Они совсем недалеко от меня, здесь всего метров 20-25 до этих касок. Автомат я поставил диском на землю и дал короткую очередь. Посмотрел вперед – каски исчезли, укрылись за бруствером. Теперь моя очередь охотиться за противником. Я лежал просто на земле, у меня не было ни окопа, ни камня – одна сухая трава. А немцы в траншее, да еще бруствер... Что делать? Держу край того бруствера на мушке автомата. Через минуту показывается верх квадратной каски... Так, еще чуть-чуть. Виден уже край козырька каски, и я нажимаю на спусковой крючок. Очередь! Каска исчезла. А в душе жгуче-злорадное чувство: «Попал, нет?

Посмотрим. Я вас, гадов, из норы не выпущу!» Выходит, что немцы тоже умеют нас бояться! Сидят, сволочи! Ладно, мне терпения тоже не занимать... Снова показался край каски и мгновенно скрылся за кромкой бруствера. Сейчас появится! Действительно, через несколько секунд вначале появились стволы автоматов и немцы дали несколько неприцельных, слепых очередей, явно пугая меня. Я не стрелял и головы двоих осмелевших фрицев одновременно показались над бруствером. Одного я даже в лицо запомнил и, кажется, сейчас бы узнал: красномордый, с белесыми бровями, губы сжаты в ниточку, а нос красный, обожженный солнцем...

Очередь! Я закатил длинную очередь и, кажется, видел, как сосед этого красномордого вскинул от удара пули голову, и с бруствера земля полетела. «А я им вмазал! Ей богу, вмазал!» Все это хорошо, но меня беспокоило, что я на совершенно открытом месте, совершенно без укрытия, этак я долго не продержусь, но инициатива пока в моих руках. Возможно, мне и Подосенов огнем помогает, но за сплошным треском не разобрать, не расслышать его выстрелов. Для пушей острастки я пустил еще короткую очередь по краю их бруствера, чтоб им земля на каски посыпалась.

Но патроны! Сколько у меня осталось в диске патронов? В карманах патроны есть, нужно бы зарядить пустой диск. Откуда-то очередь, но пули срикошетили о землю, не достали меня, а над бруствером появилось сразу три каски. Три! Неужто я все время мазал? И тот красномордый с края! Хрен с ними – здесь уж кто кого!... Очередь, длинная хлесткая очередь, каски исчезли... А мой автомат замолк. Задержка что ли? Быстро взвел затвор, посмотрел в окно, из которого вылетают стреляные гильзы, а в диске больше ни одного патрона. Оба диска расстрелял. Когда успел только?.. Нужно заряжать, заряжать бегом, иначе мне конец! Я отполз на пару шагов назад, выбил диск из автомата, открыл крышку, повернул щелкающий черный барабан с пружиной, из кармана вытащил пригоршню медных патронов и стал устанавливать патроны в улитке диска. Я торопился и вместе с тем боялся, что какой-нибудь патрон упадет. Здесь в горячке боя с ним некогда колупаться, но нужно скорее, скорее! Я то и дело посматривал вперед – мне еще нужно было наблюдать за противником. Есть! Патронов пятнадцать я поставил, теперь можно было вставить диск в автомат и набивать другой уже до полной его вместимости. Нельзя же долго и безнаказанно лежать днем безоружным в тридцати метрах от немцев. Я едва успел закрыть крышку диска, в какое-то мгновение посмотрел вперед и вдруг увидел немца. Он был не в траншее, он вылез из нее, метрах в двадцати от меня, а я еще не мог стрелять – не успел поставить диск в автомат! Немец что-то сделал, его рука еще была в замахе, но он уже метнулся обратно в свою траншею... Об этом долго писать, на деле все свершалось в доли секунды... Что он сделал? Вот она! В воздухе крутилась и летела прямо ко мне граната с деревянной ручкой... Ближе! Ближе! Шипящая граната перелетела меня метра на два. Она упала на землю, подпрыгнула, зашипела с еще большим остервенением, ее деревянная ручка продолжала крутиться вокруг тяжелого тела железной гранаты... Все! Сейчас все!.. Я влип в землю и закрыл голову руками. Взрыв! Оглушающе-звонящий взрыв. Горячий тугой удар взрывной волной, кажется, меня оторвало от земли... И в какие-то мгновения немая тишина! Но я вижу! Неужто жив? Случится же такое! Скорее вставить диск в автомат, а руки стали ватные, и все происходит, как в замедленном кино. Все-таки диск в автомате и затвор взведен... Над тем вражеским бруствером каски и лица, они рядом, а один из них встал коленом на бруствер! Наверное, он хочет броситься на меня. Очередь! Я почти не слышу выстрелов соб-

ственного автомата, но он дрожит в моих руках, он стреляет! Мне просто повезло, по-дурацки повезло! Две каски исчезли, а третий, крайний слева, что вылезал на бруствер, свалился на бок, а потом сполз в траншею, видно, его втащили туда. А патроны в неполном диске, наверное, снова на исходе и у меня нет возможности дозарядить диск. Опасно, смертельно опасно находиться на этом открытом месте. Немцы придумают что-нибудь, они достанут меня гранатами или пулей. Впереди, всего метрах в шести и самую малость левее, похоже, окоп. Я его и раньше видел, но почему-то мне не пришла в голову сразу эта спасительная мысль: пусть это чуть ближе к немцам, но зато окоп! Там никого нет, если бы там был немец, то он давно бы пристрелил меня. Я осторожно пополз к окопу, остерегаясь, что меня срежут очередь на этом коротком расстоянии. Успел! В окоп я буквально свалился. Это было довольно просторное сооружение, человека два, а то и три могли в нем уместиться. Очевидно, это был окоп, отрытый еще нашими солдатами – бруствер был обращен в сторону немцев. Удача необыкновенная! Окоп был довольно глубокий, в его стенке даже ниша для гранат была устроена. Справа от окопа, метрах в десяти, начинался мелкий и узкий ход сообщения. Изломанной линией он уходил в сторону противника. Видно, немцы только недавно приступили к его оборудованию, а вообще, нужно за этим ходом сообщения все время посматривать. Окоп метров на пять приближал меня к противнику, но все-таки это было укрытие. Отсюда хорошо видно нашу траншею, где вели бой наши ребята, она была не дальше 20-25 метров от меня, сейчас там сплошной автоматный треск. Слух у меня начал восстанавливаться. Я знал, что немцы меня держат сейчас под прицелом, вернее, то место, откуда я вел огонь. Они меня караулят, гранату подбросили, и только Господь Бог спас меня от осколков. Ведь в каких-нибудь трех метрах рванула, еще в ушах звон не прошел, в голове все гудит, временами в глазах темнеет, но это сейчас пройдет, такое со мной уже бывало. Я сидел в окопе и торопливо набивал диск патронами – дело это хлопотное и требует времени, но мне удалось это сделать. Полный диск я снова поставил в автомат, а неполный вытащил – дозаряду в удобное время. Теперь необходимо показать противнику свою жизнедеятельность, а то ненароком они подумают, что я ранен или убит. А может быть, немцы не знают, что я перелез в этот окоп? Бруствер у моего окопа высокий, я попытался выглянуть с края бруствера, но тут же раздалась оглушительная очередь! Промазал? Или стрелял просто неприцельно? Не дожидаясь второй очереди, я с другого края бруствера закатил длинную очередь по черным каскам, эти каски мгновенно скрылись за своим бруствером. Видно, промазал, поспешил, да как здесь не спешить, когда на этой проклятой высоте «Нефть» полметра между противником и нами – уже расстояние! Немцы спрятались. Теперь я хозяин положения, я держал гребень немецкого бруствера на мушке своего автомата. Через короткий промежуток времени появился край одной каски, и я тут же пустил короткую очередь. Каска скрылась и я, похоже, впел пули в бруствер. У нас развернулась настоящая дуэль, только на неравных условиях: они знали, что я один, а мне было известно, что их трое. Теперь кто кого перехитрит, вернее, кому больше повезет. Но почему их все время трое, откуда они берутся?! Надо бы дозарядить и второй диск, но это означало, что я дам возможность фрицам снова взять меня на мушку, а это рискованно! Что делать? Если сейчас развернется огневой бой, то я снова через пять минут окажусь без патронов. Поколебавшись, я решил дозарядить диск, пока немцы ведут себя относительно спокойно. Запас патронов быстро уменьшался, а впереди не видно еще конца этого боя, и что-то не очень торопилось

наше командование оказать нам обещанную помощь. Мы вцепились в немецкую траншею на высоте, но не могли больше повторить атаки, для этого у нас было очень мало сил. Если мы потеряем двоих или троих ребят, то на высоте нам больше не удержаться, нас всего оставалось семь человек и на нашей совести еще лежали в траншее раненые, которых некому было вытащить из этой свалки. У меня снова два полных диска, в нишу я положил три гранаты – две лимонки и одну противотанковую, но в карманах осталось не более полутора десятков патронов.

Теперь нужно беречь боеприпасы, теперь каждый патрон на вес золота, да нет, пожалуй, больше – на вес жизни.

Но что делать? Из-за бруствера не выглянуть – фрицы непременно держат меня на прицеле. Три автомата это не шутки! Я решил воспользоваться не хитрым, но испытанным приемом. Взял лимонку, выдернул кольцо и, коротко размахнувшись, бросил ее в сторону противника. Конечно, полетела она не дальше, чем на 12-15 метров, но лимонка – оружие грозное, ее осколки летят далеко. Грохнул звонкий взрыв и в самый момент взрыва я выглянул из-за своего бруствера. Рискованно, это понятно – осколком своей же гранаты могло вцепиться, но бог миловал – я выглянул первым и взял на мушку край бруствера противника. Секунда и, словно ваньки-встаньки, выскочили три головы в касках, и тут же они напоролась на очередь из автомата. Я видел совершенно точно, что один немец ткнулся лицом в бруствер, и был еще виден край его каски, а я и в этот край ударил короткой очередью. Будут, гады, знать! Спрятались, затаились...

Прошло несколько минут, но немцы не показывались. Эх, если бы было нас здесь хотя б пятеро, можно было бы захватить их траншею. Там у них, похоже, еще блиндаж. Еще правее траншея большая и оттуда тянулся неоконченный ход сообщения, не успели его докопать и отсюда, из моего окопа, он хорошо виден, на отдельных его изломах даже дно этого хода видно.

Какое-то тревожное предчувствие не обмануло меня: сначала будто бы показалось, что-то мелькнуло в этом ходе сообщения. На секунду я оставил без внимания бруствер противника, и немцы словно почувствовали это – в то же мгновение протарахтела очередь «шмайсера». Земля брызнула крошками мне в лицо и снова чудо – успел укрыться, уцелел! Я протер рукавом шинели глаза и вдруг заметил, что в ходе сообщения мелькнула каска. Вновь что-то придумали, окаянные! Приподнять головы нельзя, но наблюдать за ходом сообщения я могу, он мне виден, а со стороны траншеи врага меня загораживает мой бруствер. Это немцы не учли, это они лопухнули. В ходе сообщения я видел, как мелькали то каска, то зад ползущего немца. Зачем он ползет? Что он собирается сделать? Под прикрытием своего бруствера я взял на мушку ползущего. А он все ползет, он все ближе. Немец выполз на тот изгиб хода сообщения, который мне был виден весь до самого дна, вот он голубчик, как на ладони. Он в каске, во френче, перетянутом широким черным ремнем, на ногах сапоги с короткими и широкими голенищами, в руках у него граната на длинной деревянной ручке. Может быть, это и был тот самый немец, что однажды уже подбросил под меня гранату? Он в каких-нибудь пятнадцати метрах от меня. Он пока не поднимает головы, иначе непременно увидел бы, что на него наставлен автомат. Немец остановился и быстро левой рукой отвернул от ручки гранаты металлический колпачок. Автомат у меня взведен, немец на прицеле, я не мог промазать с такого расстояния. Только бы не отказал автомат – тогда мне конец. Те трое не побегут ко мне, по крайней мере до тех пор, пока не взорвется граната.

Стрелять? Стоп. Спокойно. Из торца деревянной ручки гранаты вывалилась белая пуговица на белом шелковом шнурке. Немец дернул пуговицу, хлопнул сработавший в гранате взрыватель. Он привстал, чтобы размахнуться и бросить гранату и в этот момент увидел наведенный на него ствол автомата. Короткая очередь, выстрелов шесть-семь, и, клянусь, что в это мгновение я видел, как пули ударили в зеленый френч немца и от этих ударов полетела от ткани пыль. Немец не успел размахнуться, он упал в тесном ходе сообщения на шипящую гранату и через две секунды взрыв! Из темного хода сообщения вместе с толовой гарью, пылью и землей взлетели в воздух тряпки и куски всего того, что еще две секунды назад было живым человеком. В следующую секунду длинные автоматные очереди ударили по моему окопу, полетела земля с бруствера, посыпался песок за ворот шинели. Немцы неистовствовали, сумасшедший автоматный огонь продолжался минуты полторы непрерывно и прекратился только тогда, когда ударил по этим немцам трофейный пулемет из нашей траншеи. «Давно бы так, а то сидят там и не смотрят». Я осторожно выглянул из-за бруствера – никого. Странно... Может, у паразитов магазины пустые? Но вот показался снова край каски, солнце на ней блестит. Не выдержал и ударил очередью, каска спряталась. Промазал! Ладно, это еще ничего, сейчас главное – не давать им возможности высунуться, и за ходом сообщения посматривать нужно. «Эх, Ванька, двоих бы сюда посадить!» – посетовал я на Подосенова, хотя знал, что там, в траншее, вместе с Ванькой осталось только шесть человек, если за это время еще кого-нибудь не ранило. А там жарко, там у Подосенова захлебываются от злой стрельбы пулеметы. Там, наверное, погорячее, чем у меня.

Немцы не показывались сравнительно много времени, и вдруг из-за немецкого бруствера в мою сторону полетела какая-то короткая палка, один конец ее дымился, на нем сверкало белое пламя и разлетались в стороны белые искры, как у бенгальских огней. Это что-то незнакомое. Я ждал взрыва, сжался невольно в своем окопе, но взрыва не последовало. Но пока я ожидал этого взрыва, еще несколько таких горящих палок упало перед моим окопом. Одна оказалась рядом, она чуть не влетела в мой окоп. Я схватил палку, на конце ее шипело белое пламя, исходящее седым дымом, брызгами разлетались в стороны горячие искры. Дым был удушливо кислым. Я воткнул горящий конец палки в землю и пламя погасло. Что-то непонятное и странное оказалось в моей руке. Круглая палка длиной сантиметров в тридцать и в диаметре сантиметра два с половиной. Сделана из какого-то материала темно-коричневого цвета и запах напоминал чем-то копченую колбасу. Я выбросил ее из окопа, а остальные горели. Белый едкий дым полз в мою сторону, вокруг загорелась высушенная солнцем трава. Дымом заволокло все вокруг, черные плешины выгоревшей травы приближались к моему окопу, и почерневшая земля дымилась. Едкий дым щипал глаза, в горле першило. Придумают же, паразиты! Но если они этим огнем пытаются выкурить меня, то дудки! Это слабое средство против нашего брата!

А рядом шипят на земле горячие палки, и языки пламени слизали траву вокруг моего окопа, вся земля стала черной и дымилась, словно изнутри горела. Справа, там, где основная группа ребят, сплошной пулеметный и автоматный треск. Седловину, что внизу и сзади нас, немцы измолачивают минометным огнем. Что-то там происходит серьезное и злое. В сердце шевельнулась тревога: драпанут еще ребята, меня не предупредив, вот тогда мне уж верный конец. Но раздумывать некогда. В поседевшем от дыма небе я заметил стремительно летящий прямо ко

мне черный мячик. Граната! Шипящая смерть упала перед бруствером и грохнул взрыв, а потом еще и еще. Немцы забрасывали меня гранатами – что-то сейчас будет! Это все не зазря! Выглянул из-за бруствера, а те трое вылезли из своей траншеи, а один уже побежал ко мне. Рубанул по ним очередь, да видно поторопился. Они бегут и стреляют в меня и тоже мажут. Проклятый дым еще мешается – глаза дерет. Они бегут и на стволах их автоматов мерцают искры выстрелов, прямо в уши стегают оглушительные хлопки. Теперь все! Теперь уже кто кого! Первый немец уже совсем рядом и я ударил по нему короткой очередью, а потом по остальным. Первый споткнулся и упал на дымящуюся землю. Те трое стреляли в меня, я в них, но у меня окоп, у меня бруствер перед окопом. Еще один взмахнул руками... Ага, сволочи, умылись?! Умылись, гады! Стоп! Похоже, впереди больше нет никого. Впереди, всего метрах в пятнадцати, лежит немец. Каска свалилась с его головы, и светлые волосы на обугленной земле. Второй немец немного ближе к своей траншее, он, видно, ранен, сильно ранен. Он еще шевелится и вроде пытается ползти обратно к своей траншее. Прямо на него опускается мушка в черной прорези автомата. Снова короткая очередь! Все! Бог мой, это я его. Раненого... Это я его добил! Теперь он убит. Нет, здесь не рыцарский поединок! Этот бой не во имя чести и славы, он для того, чтобы кому-то выжить! У меня вроде бы затихло, но успокаиваться нельзя, они сейчас придумают еще что-то, им, видимо, очень мешает мой окоп и они не оставят меня в покое... А я один! А если ранят? Тогда все, здесь пощады никто не просит и никто ее не дает. Меня просто добьют и выбросят из окопа, а ребятам ударят во фланг, их тоже побьют! По нам не вели минометного огня, мы сошлись с противником очень близко, минометчики боялись случайно накрыть своих, но зато сзади трескуче и непрерывно рвались мины, взрывы следовали один за другим, там, внизу, сплошной грохот взрывов, а в небе не смолкает истошный визг мин. В бой ввязалась артиллерия, и снаряды кромсали передний край обороны нашей стрелковой роты за балкой, снаряды с коротким страшным визгом пролетали над высотой «Нефть». Откуда-то из-за высот, что впереди, ишаком взревел шестиствольный миномет. Тяжелые мины застонали многоголосьем над нами и на склоне нашей горы рванули тяжелые взрывы, черный дым шапками рванул в пыльное небо.

Мне вдруг показалось, что держать одному оборону на нашем левом фланге – дело ненадежное и рискованное. Я откровенно боялся ранения – из-под этого сумасшедшего огня мне не дадут уйти, меня добьют точно так же, как я сам добил раненого немца.

– Ва-анька! Подосе-енов! – закричал я.

В ответ хлестко ударил «шмайсер». Я крикнул еще несколько раз и Подосенов откликнулся. Сквозь треск выстрелов, грохот взрывов я расслышал охрипший Ванькин голос:

– Ты что? Ранен?

Подосенова я почти не видел – мешал дым.

– Ванька, я пока цел, но жмут, гады. Давай подкрепление!

– Чего-о?

– Подкрепление, говорю, давай, мать бы твою!

– Держись! Чего-нибудь придумаем!

Подосенов уполз куда-то по траншее. Сколько же времени мы здесь уже просидели? Солнце высоко. Сейчас никак не меньше часов одиннадцати. Не видно конца этому бою. Поставил в автомат последний диск... Нужно беречь патроны. Труба мне без патронов.

* * *

Еще несколько часов назад, когда злой, как сатана, Подосенов среди бела дня шагнул за бруствер траншеи переднего края и за ним пошли остальные ребята его разведгруппы, в траншее вместе с бойцами стрелковой роты остались Натынов, Ласточкин, политрук Попов и резервная группа разведчиков Суменкова, готовая двинуться за нами следом. Все видели как двенадцать человек разведчиков, развернувшись редкой цепочкой, пошли вниз в седловину между двумя не очень высокими сопками. Все, от начальника разведки бригады и до каждого солдата стрелковой роты, с затаенным дыханием, напряженно смотрели в спины идущим по нейтралке и ожидали их неизбежной гибели. Встало солнце, в его первых лучах стала ярко-рыжей гряда холмов, и только в балках еще сохранялась мутно-голубая дымка ночи...

Может быть, Натынова еще не оставила кипящая злоба. Может быть, эту злобу он подогревал нарочито и почти неосознанно, чтобы заглушить иные чувства и мысли – не так просто смотреть, как идут посланные тобой люди на верную смерть... Нет, каковы, а?! Все же было продумано, увязано с батальоном, со связистами, все было согласовано со штабом бригады, мало того, он сам пришел на передовую и не просто на передовую, а в самую первую траншею! Сегодня разведчики не имели права на неуспех! А что натворили эти сукины дети?! Они пошли по правой балке, за ними даже связь потянули, но снова это надоевшее всем, набившее оскомину «обнаружили, обстреляли, отошли!»! Что теперь он, начальник разведки бригады, лично организовавший поиск и наблюдавший за действиями подчиненных разведчиков, должен был докладывать начальнику штаба и в штаб корпуса? Снова объяснять причины неудачи? Нет, это могло кончиться для него фатальным исходом. Ладно бы уйти с должности с повышением, скажем, на должность командира батальона или его заместителя, а то ведь в резерв отправят да еще с такой аттестацией, что... А может быть, и не просто страх перед этой угрозой толкнул капитана отдать этот гибельный для подчиненных приказ. Может быть, его просто взвинтила, накалила до предела серия сплошных неудач.

Ну хотя бы кто-нибудь в штабе бригады или даже в роте прямо бы сказал о невозможности выполнить до тонкостей продуманную задачу, так нет же, все одобряли, все говорили «так точно», «слушаюсь», «будет выполнено», а на деле... На деле эти люди, которых он недавно еще сам называл разведчиками, подло подвели его – в который раз они возвращались, не выполнив боевого задания... Да, он действительно ставил этих долболобов на расстрел, он вначале попугать их просто хотел, но сгоряча конечно мог наделать такого, что и сам бы под трибунал мог угодить... Но зато вот сейчас он действительно проявил характер, на войне так и нужно! Шевельнувшийся было в душе страх за судьбу людей и запоздалое раскаяние он заглушил мыслями об обязательной для командира твердости, настойчивости и непреклонной требовательности к подчиненным, которые вдалбливались в него со времен училища. Сейчас он до боли сжимал зубы и смотрел неотрывно в бинокль, черное перекрестье которого неотступно следовало за спиной одного из идущих разведчиков.

Командир роты Ласточкин знал по опыту, что вот сейчас, возможно, через несколько секунд, ударят немецкие пулеметы и... И рота потеряет сразу двенадцать человек, не причинив при этом противнику ни малейшего урона. Ему было жаль

ребят, к которым он успел привыкнуть, но он ничего уже не мог поделывать. Он молчаливо согласился с приказом Натынова, хотя чувствовал, что ответственность за неоправданные потери и невыполнение задания снова ляжет только на его плечи. Хотя потери на войне это уж закон – без потерь война не бывает, война – она еще и не то списывала... Только вот все равно жаль потерять вот этак-то еще двенадцать человек, забодай их комарь! Ласточкину все-таки удалось убедить Натынова оставить на всякий случай резерв, не посылать на убой сразу всю роту. Ласточкин тоже смотрел в бинокль, и его перекрестье нервно дрожало на рыжем от солнца бруствере вражеской траншеи.

Замполит Попов видел, как шагали разведчики по нейтралке прямо днем на выжидательно молчавшую вражескую траншею, и метались у него в душе беспокойные мысли: «Пошли. Надо же, на смерть пошли! Конечно, твердость и требовательность командира на фронте – это незыблемый закон, но...» Что-то не нравилось Попову, сейчас ему мерещилось за твердостью командира опасное сумасбродство. Тревожило Попова то, что бойцы его роты пошли среди бела дня не в атаку, не в наступление, а тупо и покорно к своей гибели, шли на траншею, перед которой погиб полностью почти батальон. Тогда бойцы шли с поддержкой артиллерии, минометов, а сейчас шли молча и никто этого не видел... Да, были бои, были случаи, когда он сам поднимал бойцов в атаку, вел в рукопашный бой, но тогда было что-то другое... «Хватит, – про себя решил Попов, – сегодня же после боя пойду в политотдел и потом будь что будет... Все равно дальше фронта не пошлю» – решил в душе Попов.

Сашка Суменков был чуть в стороне от начальства, рядом с пулеметным расчетом, который изготовился к ведению огня по противнику. Он тоже неотрывно смотрел в бинокль за цепочкой своих товарищей. Он понимал, что сейчас может произойти и подозревал, что его группу оставили в резерве только для того, чтобы не обернулся тот бой полным уничтожением роты: одно дело потери, другое – уничтожение... Начальству не нравится, когда слово «уничтожение» применяется не относительно к противнику.

Ребята уже в седловине, там еще тень, и их серые шинели плохо заметны на фоне рыжей сухой травы... Вот они начали взбираться на склон высоты «Нефть», теперь они все стали намного заметнее – впереди них их же тени, они вышли на освещенный солнцем склон... Сейчас немцы ударят! В этот момент их бы прикрыть... Над бруствером вражеской траншеи торчит что-то похожее на ствол пулемета... Не стреляют, гады, подпускают ближе, чтобы бить наверняка. Суменков знал, что на этой высоте у противника самое малое пять или шесть пулеметов. Это на каждых двоих разведчиков пулемет! Это ж никаких шансов у ребят, на расстрел всей группы достаточно нескольких секунд. Суменков, пригнувшись, подошел к пулеметчику, который уже держался за ручки станкового пулемета и решительно сказал:

– Слушай, дядя, ну-ка дай я.

– Не могу! Не по правилам это.

– Не спорь, брат, это ж мои товарищи идут, я знаю, как их прикрыть, – настаивал Суменков.

И усатый пулеметчик вдруг перестал спорить. Он сам устроился вторым номером. Матерчатая лента с медными патронами уже была заправлена в приемник. Суменков чуть поправил прицел, решив ударить длинной очередью веером по срезу бруствера немецкой траншеи. Усатый пулеметчик осторожно смотрел вперед из-под козырька своей каски и тихо говорил:

– Что делают, что делают, а?! Врубят сейчас по ним – ни один дурак не уйдет.

Суменков молчал. Цепочка разведчиков шла, пока не прибавляя шага. Двенадцать человек, одни из них в шинелях, другие в коротких куртках и все без касок. Да, похоже, ни к чему она, каска, при пулеметной очереди в упор.

– Да что ж это деется, а?! – все приговаривал пожилой пулеметчик, – ох, и риковые ребята – на верную смерть пошли.

Суменков положил пальцы на гашетку пулемета.

Натынов тоже ждал пулеметных очередей со стороны противника, но его передняя траншея словно вымерла. Цепочка разведчиков находилась от нее менее, чем в ста метрах. Немцы молчали, хотя по всем правилам они должны были открыть огонь вот сию же секунду.

– Может, минное поле у них? – проронил Попов.

– Посмотрим, – выдавил Натынов сквозь сжатые зубы.

Напряжение у наблюдающих достигло крайнего предела, когда шагающие разведчики оказались метрах в пятидесяти от вражеской траншеи.

– Живьем! Живьем решили их брать, забодай их комарь! Может, уже пулеметами врезать, поддержать, забодай...

– Я тебе врежу, я врежу... И брось ты этого забодай комара, чтоб ты с ним провалился! – перебил Ласточкина Натынов.

Казалось, что разведчики в эти самые последние и решающие секунды замедлили темп движения, и Натынов стал материть Подосенова и сожалел, что послал этого пентюха, надо было другого послать... Прошло еще несколько секунд и наблюдавший Натынов вдруг торжествующе закричал:

– Ага-а! Смотри! Смотри! Ну, что я говорил, рывком, рывком, а!!! Вон, они в траншее уже, в рукопашную пошли! Видал?! Во, как надо, лейтенант, во, как надо! Потверже, порешительнее! Учись, лейтенант!

Настороженное затишье на сопке вдруг словно взорвалось сплошным автоматным треском, звонко захлопали взрывы гранат. С высоты рванулись в небо сигнальные звездочки ракет – белые, красные, зеленые, одна за другой взлетали яркие искры. Перестрелка стала настолько злой и активной, что даже здесь, на участке обороны стрелковой роты, засвистели и занули над траншеей шальные пули. Минут через десять немцы открыли сильный минометный и артиллерийский огонь. Мины и снаряды рвались в полосе нашей обороны, в седловине перед высотой «Нефть», в балке, что на левом фланге. Остро пахло сгоревшей взрывчаткой, грязно-серый дым разрывов стелился над землей и мешал рассмотреть то, что происходило на самой высоте, там, где сражались разведчики.

– Во, когда связь нужна! Где связисты, едрена вошь?! – строго спросил Натынов у Ласточкина.

– Какие там связисты! Один убит уже, а другой ранен. Телефонный аппарат – вдребезги.

– Чего ждешь?! Пошли на высоту связного!

– Не пройти. Огнем ее охватили...

– Я вот тебе охвачу! Быстро связного и чтоб не пустой пошел – пусть мешок боеприпасов ребятам тащит!

Связным роты у нас был молодой парень Вася Сальников – юнга с черноморского флота. Всячески подчеркивая принадлежность свою к морякам, он никогда не снимал с себя морской формы и уж если заставляли его надеть защитную гим-

настерку, то он подчинялся, но бескозырка на нем была бессменной. На сей раз он тоже был в маскхалате и с бескозыркой. Ласточкин понимал, что прорваться на высоту сквозь огневой вал разрывов опасно и сложно, но и выхода иного не было. Командир роты мог бы послать другого, но Вася в этом случае не смог бы понять своего командира и все равно пошел бы на высоту. Сальников набрал полный вещмешок патронов и гранат и бегом побежал вниз в седловину.

Мины стали рваться на нашей передовой, где оборонялась стрелковая рота, Появились первые раненые. Натынов с Ласточкиным укрылись в блиндажике с легким перекрытием, здесь создавалась иллюзия безопасности.

Примерно через полчаса Сальников вернулся, он притащил с высоты одного раненого разведчика и рассказывал, по-мальчишески взалхлеб, всем, кто его слушал:

– А там немцев набито – страсть! А Подосенов ихний пулемет поставил и ка-ак врежет из него, ка-ак врежет! Дрались в траншее. Селиванов ка-ак фрицу прикладом по башке даст, а у немца каска – автомат пополам, и они за грудки друг друга...

От Васи Сальникова начальству удалось узнать и другое, что внушало тревогу и беспокойство – среди разведчиков были уже убитые и раненые, на высоте оборонялось, по словам Васи, всего шесть человек, которые задействовали все трофейное оружие, которого оказалось много, но для своих автоматов у всех патроны кончались. После переданной информации в штаб бригады, комбат дал команду стрелковой роте:

– Отделение бойцов на высоту! Быстро, бегом! И доложить сейчас же.

Командир стрелковой роты с проявлением явного недовольства выполнил приказ комбата, и бойцы его роты с опаской пошли вперед – там вся высота была окутана дымом, там не смолкала бешеная пулеметная и автоматная перестрелка. Похоже, там горела сама земля, а в седловине, на самой передовой и левее в балке, плясали фонтаны разрывов снарядов и мин. Пройти сквозь это огненное кольцо было совсем непросто.

* * *

На высоте вся трава выгорела от этих палок-факелов, и земля стала черной. От едкого дыма слезились глаза, как на грех, слабый ветер тянул в нашу сторону и весь дым на нас. Огонь от горящей травы меня не пугал, вокруг моего окопа и травы этой оставалось мало – побило ее пулями да осколками, и дымом меня не взять. Здесь господа фрицы промашку дали – мы люди не очень изнеженные, и их дым для нас не был большой помехой. Беспокоило другое – в автомате последний диск и две гранаты осталось. Думает там что-нибудь наше начальство? Перебьют нас здесь, как цыплят. Со стороны немцев усилился минометный огонь, шестиствольные минометы давали залп за залпом. Все скаты высоты за нашей спиной опоясало огневое кольцо, от дыма и пыли не стало видно нашей передовой. А наши «самоварники» молчат. Фрицы что-то, видно, готовят, нужно быть начеку. Я попытался выглянуть из-за бруствера, понаблюдать за противником, но тут же получил такую автоматную очередь, что брызнувшей из-под пуль землей больно запырило глаза, еле их протер рукавом шинели, но самого не задело и в этот раз. Пока пытался проморгаться, оглушительно звонко треснула за бруствером окопа разорвавшаяся граната, следом за ней еще и в той стороне, где сидели наши ребята, тоже дробно захлопали гранатные взрывы. В ушах сплошной звон и отчаянная

боль. Что-то сейчас будет, непременно будет. Я успел только положить ствол своего автомата на бруствер и на долю секунды выглянуть из-за него. Сразу я не успел даже испугаться: четверо немцев бежали от своей траншеи к моему окопу, они на бегу стреляли из автоматов, и оглушительные хлопки этих выстрелов звенели в ушах. Кроме этих бегущих я уже ничего больше не видел и не представлял, что происходит там, где Ванька Подосенов, где наша основная группа. Трое с автоматами, один с винтовкой, к которой был примкнут штык-кинжал. Все они что-то кричали, и я разобрал только:

– Рус! Рус! А-а-а!!

В этой ситуации прятаться и маскироваться просто нелепо. Я прицелился и закатил очередь, рубанул ею по бегущим. Один упал сразу, как от подножки, второй уронил винтовку, пробежал еще шага два и упал лицом вниз. По мне тоже стреляли, но я не слышал ни визга пуль, ни их смачных ударов в бруствер, по-моему, я не слышал больше самих выстрелов. В какое-то мгновение я увидел, как двое остановились и вдруг побежали назад. Один из бежавших упал на бруствер своей траншеи – там его настигла пуля, но я в это мгновение не стрелял, только по сверкнувшим трассам я понял, что мне помогли наши ребята – ударили из трофейного пулемета. Молодцы, братухи! Мне сегодня пока везло: по всем правилам меня должны были уже убить или ранить, но слепое счастье было на моей стороне. Немец с винтовкой лежал от меня в каких-нибудь семи метрах, это каких-нибудь пять прыжков! Я еще стрелял, стрелял от дикой злости, огрызался огнем, как волк, загнанный в угол, и вдруг затвор хлопнул впустую, выстрела не последовало – задержка! Дернул рукоятку затвора, выбросил перекосившийся патрон на дно окопа... И стало вдруг по-настоящему страшно, всего три секунды на устранение задержки, но если бы она свершилась на несколько секунд раньше то все, меня бы уже не было на этом свете...

Я осторожно выглянул из-за бруствера: четверо немцев лежало на черной выгоревшей земле. Тот, что был с винтовкой и ближе всех к моему окопу, похоже, еще жив – царапает пальцами все еще дымящуюся землю. Добить и его? По всем правилам нужно добить. Они бы, гады, меня непременно добились, и я уже перешагнул тот страшный порог, за которым кончается все человеческое. Я было уже прицелился раненому в спину и... не выстрелил. Нет, мне было его не жаль – он бы в меня, раненого, непременно всадил свой штык-кинжал, я чувствовал, знал, что в диске моего автомата кончаются патроны. «Хрен с ним, он не опасен, он все равно подойдет сам до конца этого проклятого боя».

Контратака противнику не удалась, она была отбита. Потери немцев, вероятно, оказались для них чувствительными, и на какой-то период времени они затихли.

По всей нашей обороне гремели только одиночные выстрелы и короткие автоматные очереди. Зато минометы противника продолжали жестоко измолачивать подступы к нашей высоте, и сама высота «Нефть», наверное, была похожа на проснувшийся дымящийся вулкан. Немцы, видно, догадывались о том, что нас оставалось мало, и вот-вот кончатся боеприпасы. Они не снижали интенсивности артиллерийского и минометного огня и старались отсечь нас от своей передовой, но по нам они вели огонь только из пулеметов и из стрелкового оружия – мы были слишком близко к друг другу.

А в диске у меня осталось не больше тридцати патронов – это мало, это всего на четыре хороших очереди. Я немного отдышался и решил посмотреть за бруствер, нельзя сидеть молча, нельзя отдавать инициативу противнику – это дорого может

стоять. Я осторожно поднял, голову, но там, за чужим бруствером никого не увидел. «Обожглись, голубчики! Теперь отсиживаются! Умыл я их, ей Богу умыл! А ведь эти самые «непобедимые» тоже смертны и умеют бояться!» Злоба и злорадство не утихали в душе. Только вот плохо, что я оторван от ребят, это очень плохо...

Прошло некоторое время и над чужим бруствером снова показался край черной каски, солнце светило в глаза противнику, и на каске блеснуло его отражение. Не зевать! Я ударил короткой очередью, край каски мгновенно исчез, но эта короткая очередь стоила мне примерно пяти патронов... Нужно считать каждый выстрел. Тревожное беспокойство закрадывалось в душу. Теперь уже я сидел несколько минут, не показываясь из своего окопа. Но до бесконечности сидеть нельзя – мое молчание может быть истолковано немцами будто я ранен, убит или ушел из окопа. Мне нужно знать, что там происходит. Вот бы перескоп сюда! Плохо было и то, что я и представления не имел о том, что было там, за траншеей противника – мы не видели тылов друг друга... Я решил выглянуть резко, сразу, хотя бы на четверть секунды, так, чтобы те немцы, которые караулили мое неосторожное движение, просто не успели бы выстрелить. Я был почти уверен, что они побаиваются меня, их не могла не насторожить гибель их товарищей и, пожалуй, они считают, что я здесь не один. Это придало мне решимости. Я приготовил автомат, быстро выглянул из-за кромки своего бруствера. Вот они! И их снова трое в касках, и тот красномордый, оказывается, жив... Я не успел дать очередь – огонь трех «шмайсеров» заставил меня мгновенно пригнуть голову. Обошлось! Только одна пуля по касательной обожгла щеку, будто горячим железным прутом ударили... Крови нет... Надо же, еще бы самую малость – и будь здоров! Что же делать теперь? Они все равно не дадут мне головы поднять. Постой. Граната! Конечно, я их снова куплю на этом деле. Немцы народ более осторожный, чем наш брат, а я раньше высунусь – рискну! Свой осколок не тронет! Я взял лимонку, выдернул кольцо из запала и, не высывая головы, не глядя, швырнул гранату вперед. Хлопнул сработавший взрыватель, и в ту же секунду в бруствер ударила очередь немецкого автомата – караулят, гады! Взрыв! Застонали осколки, и в мгновение взрыва я высунулся из-за бруствера.

Впереди никого – попрятались, но через полсекунды появились все три физиономии в глубоких касках. Очередь! Заметил, как полетела земля с кромки вражеского бруствера. Головы исчезли. Еще примерно 8 или 10 патронов. И Ванька Подосенов что-то молчит, оно, конечно, понятно – там им самим не хватает. Осталось примерно полтора десятка патронов и одна противотанковая граната – это на самый крайний случай. Что ж, буду стрелять одиночными выстрелами – одиночный выстрел всегда точнее, но... Напротив из-за бруствера снова появляется край каски. Это дьявольская игра, которая заканчивается только смертью. Я не успел перевести автомат на одиночный выстрел – очередь! Каска исчезла, и в этот момент я перевел автомат. Попал? Шут его знает. Это не тир – здесь целиться почти не приходится! Откуда они там берутся и почему их все время трое, а то и пятеро?

– Федька! Федька-а!

Раздалось справа. Я укрылся за бруствер и посмотрел на наш правый фланг. На краю траншеи рассмотрел Мишку Белякова.

– Ты что?

– Ты живой?

– Интересуешься?

– Тебе Ванька пополнение посылает. Встречай!

По слабо дымящейся черной земле ко мне полз человек в шинели и с вин-

товкой. Это был уже пожилой усатый боец, видимо, из стрелковой роты. Полз он самым нескладным образом – не по-пластунски, а просто шел на четвереньках. Что же будет сейчас?! Его непременно заметят немцы и тогда...

– Эй, ты! Ниже ползи, ниже! – закричал я солдату.

Тот услышал, на секунду остановился, посмотрел на меня и, к моему ужасу и досаде, пополз снова на четвереньках, забирая не ниже по склону, а напротив в сторону противника.

– Ты, хрен усатый! Куда ползешь?! Левее бери, левее!

Солдат явно слышал меня, но, видно, растерявшись, не менял направления.

– Ползи левее, мать бы твою!

Бойцу оставалось проползти до моего окопа не более десяти метров, но в этот момент он вскрикнул и ткнулся головой в обожженную землю, с его стриженной головы свалилась пилотка... Эх, мать честная! Свалили мужика. Кричал ведь я ему. Не понял он что ли? Я выглянул над бруствером, а там видны две головы в касках. Один стреляет из винтовки по лежащему бойцу, чтобы наверняка добить его, а второй из автомата и тоже в лежащего. Нажал на спусковой крючок – выстрел! Стрелял в того, что с автоматом, но спрятались обе головы. Наверное, промазал, хотя с такого расстояния промазать трудно. А нашему бойцу крышка. Конец бойцу. Одна пуля на вылете выдрала из его шинели прямо на заднице клочок ткани, видно, насквозь его прошло, да из автомата еще добавили. Все, отвоевался солдат. И уже ни стопа, ни крика, и мне к нему подползти невозможно. Однако я попробовал, выкатился из своего окопа немного под уклон и уже тогда пополз к лежащему. Шага два до него осталось, когда новая автоматная очередь взметнула с земли черную золу и глухо ударила в тело убитого. Я тут же отполз назад.

Нет, сейчас мне не вытащить убитого и не завладеть его винтовкой. Убитому теперь уже все равно, а вот его винтовка мне могла бы здорово пригодиться. Пришлось смириться, сейчас этого сделать невозможно – запросто прихлопнут. Пришлось вернуться в свой окоп. Сейчас те немцы, наверное, караулят меня, ожидая, что я появлюсь возле убитого, разумеется, туда повернуто и их оружие. Стараясь быть незамеченным, я ужом вполз в свой окоп, поставил свой автомат снова на очередь, на мгновение высунулся из-за бруствера и ударил короткой очередью. Вроде одной рукой взмахнул... Или показалось мне? Сколько же патронов осталось в диске? Вышиб диск, открыл крышку, а там в улитке всего три патрона... Что теперь делать? Сидеть молча в окопе? Этак дождусь, что подползут сюда немцы и пристрелят меня как куренка. Довоевался! Запевай теперь... Как это случилось, я и сам не знаю, но от отчаяния или от одури я и вправду запел привязчивую песенку Медвинского:

*С Одесского кичмана
Бежали два уркана,
Бежали в сад поповский на тишок,
Узрели они драку,
Как поп лупил собаку...*

Что же все-таки делать? Я поставил автомат на одиночный выстрел, быстро привстал, а напротив тоже только один немец с автоматом. Выстрел! И мы оба укрылись каждый за своим бруствером. Премазал? Конечно, промазал – стреляя

не целясь, стрелял только для того, чтобы немца напугать, показать ему, что я живой и все еще готов к бою. Я еще дважды повторил этот прием: стрелял одиночным выстрелом, и вот уже непоправимо все! Патронов в диске больше нет. Осталась только одна единственная противотанковая граната. В отчаянии я лихорадочно шарил по карманам шинели и брюк и вот удача – нашел еще три патрона. В этот момент мне показалось, что немцы оживились, их огонь стал сильнее. Я выбил диск из автомата, взвел затвор, снизу вставил патрон прямо в патронник и выстрелил вперед не целясь. Так я повторил еще несколько раз и снова патроны все. На дне окопа я нашел втоптаный в землю патрон и его израсходовал.

– Подосенов! Ва-анька! – в отчаянии закричал я в надежде, что откликнется кто-нибудь из моих товарищей.

А там грохотал напряженный бой, и моим товарищам сейчас было явно не до меня, да и неизвестно мне было, кто там из ребят уцелел и кто яростно отбивается от противника. А время бежало, мне нужно было что-то предпринять, но вот в тот момент я оказался практически безоружным и не знал, что мне делать. Тогда от отчаяния я решил просто снахальничать: я приподнялся над бруствером со вскинутым автоматом. Две немецкие каски мгновенно скрылись в своем окопе. Ага, паразиты, испугались! Не сделав выстрела, я тоже укрылся от врага. А это, похоже, не «Викинги», те понахальнее и намного позлее. Снова потекли минуты. Я еще раз кричал, звал Подосенова, но горячка боя захлестнула ребят, они либо не слышали меня, либо не могли отвлечься. Выхода у меня не было, и я решился снова пойти на пустой обман противника, напугать немцев наставленным на них пустым автоматом. Нужно было быстро привстать с наведенным автоматом над бруствером, но только показалась моя голова, как раздались раскатистые автоматные очереди, земля брызнула от пуль, что-то ударило по пилотке и она слетела с головы на край окопа. Я быстро пригнулся. Ни хрена себе! Взял пилотку, вначале не заметил, а потом разглядел на ней пулевую пробоину... Вот ведь чертов переполох, еще бы самую малость...

– Подосенов, мать бы твою! – отчаянно закричал я.

– Ну, чего тебе? Чего блажишь? – послышался хриплый голос Подосенова.

– Давай патроны! Скорее давай!

С патронами дело было плохо у всех, но Ванька понимал, что если я не удержусь, то всю группу обойдут с фланга. Ни секунды не раздумывая, Подосенов высыпал из кисета табак – дорогую вещь для солдата, положил в кисет автоматные патроны и крикнул мне:

– Лови!

Тяжелый мешочек, словно граната, взлетел в воздух и шлепнулся на землю метрах в полутора сзади моего окопа. Осторожно вжимаясь в землю, я вытянулся и достал кисет с патронами, стал торопливо заряжать автоматный диск. Конечно, диск неполный, в нем меньше половины патронов, но и то хлеб! Что теперь? Меня наверняка караулят, они уже прицелились и успеют открыть огонь первыми. Они, видно, догадались, что у меня на исходе патроны. Я выглянул слева из-за бруствера – вон они, по грудь высунулись! Очередь! За дрожащей струей пороховых газов не успел рассмотреть как следует, но немцы спрятались. Охота! Смертельно опасная охота друг на друга, которая не могла закончиться вничью. Я стрелял экономно, короткими очередями по три-четыре выстрела, но и при таких условиях патроны кончались.

Собственная беспомощность порождала тревогу, и я беспокойно оглядывался

по сторонам в надежде найти какой-нибудь выход. Тут я заметил, что снизу по склону высоты ползет наш ротный связной Вася Сальников, которого в роте звали просто юнгой за его молодость. Я узнал его по бессменной бескозырке с ленточками, которые он почему-то держал в зубах. Он полз прямо на мой окоп, был уже рядом и я крикнул ему:

– Прикройся моим бруствером! Осторожно!

Васька волочил по земле вещмешок и когда подполз, столкнул этот мешок прямо ко мне в окоп.

– Вот, бери. Ребята уже взяли, а это я тебе приволок. Бери все, что там есть, а мешок отдай, я снова пойду, – говорил Вася Сальников.

Я разгружал мешок, а Вася рассказывал, не отрывая от земли подбородка и все время глядя вперед в сторону противника:

– Бьют гады так, что просто нет никакой возможности. Командир стрелковой роты помощь послал человек десять, так до вас только трое добрались – под налет попали и все.

– Не трое, а двое добрались.

– Трое, это точно.

– Вон он третий-то. Видишь пятки? Уже с час лежит. Рядом, а не достать его.

– Интере-есно. Это который же из них?

– Откуда мне знать. Усатый дед в обмотках.

– Да они там все в обмотках.

– Слушай, Васенька, полежи-ка здесь, браток, в случае чего прикрой меня огоньком, пока я диски набью.

– Угу, давай, – Сальников понятиво кивнул головой.

Он лежал на открытом месте чуть позади окопа, а я набивал диски, рассовывал патроны по карманам и, конечно же, интересовался, как «там», что слышно у Ласточкина? Нам еще долго загорать здесь?

– Хрен их знает, – говорил Сальников. – Матерятся они там, а подойти к вам, я ж говорю, нет никакой возможности – долбают так, что света не видеть.

– А ты как же?

– Повезло...

– Ты поглядывай, Васек, поглядывай! Здесь до немцев метров тридцать – это самое большое. Не зевай, браток!

Я торопился, проклятые патроны падали в улитке, а ставить их на место было неудобно – палец в улитку не лез, но все-таки я зарядил оба диска, до упора набил их патронами и в карманах много, четыре гранаты в нише окопа – теперь войну хоть сначала начинай.

– Молодец, Васек, теперь жми до роты, да возьми ближе к балке, там вроде обстрел потише. Еще приползешь?

– А как же! Я своих не брошу. Ты держись здесь, а насчет помощи я там скажу.

Наш юнга пополз обратно, а я решил в который раз повторить прием с гранатой. Ничего иного у меня не оставалось. Швырнул тротильный стаканчик он и рванул недалеко от моего окопа – сильно здесь не размахнешься. Сразу после взрыва выглянул из-за бруствера. Вон они, вылезают, показались из-за укрытия каски и стволы автоматов, но их снова трое! Наваждение какое-то. Я стрелял первым длинной очередью. Расстояние здесь пустынное – промазать трудно. Заставил я их убраться... А мне просто необъяснимо и по-дурацки везет, иным и не объяснишь... Как непостижимо медленно тянется время. Часов у меня нет, но заметно,

как солнце сошло с зенита и греет спину, словно лето вернулось. Только небо от дыма белесое и черная земля до сих пор еще слабо дымится. У Подосенова снова сплошной автоматный треск – там закрутилось, сейчас и у меня надо ждать...

Из немецкой траншеи летит круглая, по форме похожая на нашу лимонку, граната. Она упала где-то посередине между мной и немцами, даже к ним ближе. Теперь не зевай! Взрыв!.. Звонкий взрыв гранаты. Я рискнул и не спрятался в окоп – пронесло! Бог миловал! Вслед за взрывом тут же появились двое немцев в касках. Они повторили мой прием, но напоролась на очередь моего автомата. Один успел все-таки выстрелить, но, видно, поторопился и промазал. Оба исчезли за бруствером. Мне показалось, что задел я одного, правда, я тоже стрелял, почти не целясь. Немцы дали несколько очередей вверх, решив, видимо, просто напугать меня... Нет, сегодня эта крылатая фортуна пока что на моей стороне.

Прошло время. Немцы больше не показывались, а у Подосенова не стихала лютая перестрелка. От меня это совсем рядом, но за изгибом траншеи я плохо видел ребят, не мог понять, что там происходит и это меня беспокоило. Неожиданно с нашей стороны, оттуда, где занимала оборону стрелковая рота, длинно и глуховато застучал станковый пулемет. Стреляли явно в мою сторону, чуть левее меня. Пули взвизгнули, запели неподалеку. Я посмотрел туда и вскоре заметил двух немецких солдат. Они обходили меня слева по открытому месту, с той стороны, откуда я их почему-то совсем не ждал. Их заметили с нашей передовой и, видимо, поняли, что я не видел маневра врага. Огнем станкового пулемета они заставили немцев залечь, вжаться в землю, а потом поспешно отползти назад. Мне было плохо их видно, к тому же я побаивался высоко вылезать из-за бруствера, просто дал пару коротких очередей по мелькавшим слева от меня каскам и задницам.

Не прошла у немцев эта попытка – это им не 41-й, а октябрь 42-го года, теперь нас не возьмешь дурным нахрапом.

Тут я заметил, что со стороны Подосенова ко мне ползет человек с автоматом, ползет сноровисто, по-пластунски и резво у него получается. Полз боец в каске – значит, не разведчик, у нас касок не было, мы шли на врага с открытым забралом. Вот он рядом уже, еще несколько секунд – и боец натренированно свалился ко мне в окоп. Парень в телогрейке, на ремне запасной диск к автомату. Лицо мне показалось немного худощавым, а глаза серые и насмешливые.

– Здорово!

– Привет, – ответил я. – Ты кто будешь-то?

– Карасев я. Автоматчик.

– Значит, все-таки проскочили?

Я имел в виду то огневое кольцо, которым окружили немцы нашу распроклятую сопку. Карасев понял меня и ответил:

– Выходит, прорвались. Ваш политрук повел разведчиков и автоматчиков, вот и прорвались. Меня сразу к тебе, а то, говорят, ты здесь как сирота.

– Ну, молодец. Вдвоем-то веселее, одному здесь скучно что-то.

– Как у тебя здесь обстановочка-то?

– Весь день так, что переночевать негде. В общем, сейчас сам увидишь. Немцы здесь шагах в тридцати. Головы без хитрости не поднять.

– Ладно, сейчас исхитримся. Зовут-то тебя как?

– Федькой. Так вот, впереди нас немецкая траншейка, и все время там трое фрицев торчат. Здесь между нами, на нейтралке, трое уже валяются, а их все равно трое. Ничего понять не могу.

– Чего делать-то будем?

Карасев это спросил так, что почувствовалось, что он признает мое старшинство в этом окопе. Что ж, на его месте я поступил бы так же.

– Я сейчас шурану гранату, и как только она грохнет – оба автомата на бруствер, чтобы фрицев опередить. Сильно не вылазь. Они, гады, только того и ждут, чтобы мы по дурусти высунулись. Как увидишь, бей их и не давай им головы поднимать.

Карасев оказался парнем понятливым и смелым. По всему было видно, что это для него не первый бой, и в бою он товарищ надежный. В карманах у Карасева оказалась пара лимонок – теперь у нас боеприпасов – дай бог! Чего там скрывать, присутствие товарища придавало силы и уверенности. Я взял гранату, выдернул кольцо из взрывателя и швырнул ее вперед, стараясь забросить дальше. Тут же ударила по нашему брустверу автоматная очередь и мгновенно оборвалась... Взрыв! И одновременно с этим взрывом мы с Карасевым оба изготавились к стрельбе. Опоздав на полсекунды, над немецким бруствером показались два немца, две головы в касках. В то же мгновение, словно сорвались две хлесткие, торопливые очереди наших автоматов, и тот немец, что был слева, вдруг схватился за лицо руками и, откинув голову, упал в траншею. Молодец Карасев, хорошо парень стреляет! Теперь мы их задавим огнем.

Мы стреляли одновременно, стреляли по очереди, чтобы пока стреляет один, другой мог бы дозаряжать быстро пустевшие диски. Инициатива теперь была, бесспорно, на нашей стороне. Немцы, используя наш прием, бросали гранаты, но мы всегда опережали их с открытием огня из автоматов. Немецкие минометчики пробовали забросать нас минами, но те рвались ниже нас, а когда две мины рванули ближе к немецкой траншее, минометчики от нас отстали. Справа по нам начал вести огонь немецкий пулемет, но его пули коротко цвикали над нашими головами, не причиняя нам вреда. Наша позиция оказалась необыкновенно удобной, и совсем не случайно этот окоп был отрыт именно на этом месте. Потом замолчал и тот пулемет, видимо, группа Подосенова поработала с тем пулеметчиком.

А время шло. Бесконечно долгий и жестокий день подходил к концу. У нас с Карасевым удручающе быстро таяли боеприпасы. Настырный Васька Сальников приползал еще раз, но на сей раз много принести боеприпасов он не смог. Дело, похоже, клонилось к тому, что мы должны были продержаться здесь дотемна. Мы с немцами вцепились друг в друга с таким остервенением, бой достиг такого накала, когда ни одна из сторон уже не могла оставить занятых позиций, не могла оторваться от противника, и сам отход мог обернуться гибелью для отходящих, и особенно для нас.

Долгое время мы не позволяли немцам и носа показать из-за бруствера, конечно, и сами не зевали, потому что из вражеской траншеи вылетала то граната, то горящая палка-факел, и едкий дым сносило в нашу сторону. Больше всего нас беспокоил ход сообщения, который тянулся от второй линии обороны противника, и ничем не прикрытый левый склон нашей сопки.

Однажды немцы попытались предпринять еще одну контратаку, но напоролись на такой плотный огонь автоматов, что откатились назад с большими потерями.

У меня кончились патроны в диске, я решил его дозарядить, пока установилось относительное затишье, пристроился в углу нашего окопа, а Карасев вдруг радостно сообщил:

– Вон, едрена корень, еще к нам пополнение ползет. Похоже, что дадим мы фрицам прикурить!

Молодой парень в пилотке, в летнем обмундировании, двигая перед собой автомат, по-пластунски благополучно дополз до нашего окопа, но тут на краю окопа он вдруг неожиданно приподнялся и по-дурацки спросил:

- Можно к вам, что ли?
- Прыгай, мать бы твою!

Парень прыгнул, но тут же охнул и схватился за бок. Мы с Карасевым даже не разобрали толком, откуда ударила автоматная очередь.

- Что, влели?
- Похоже, в бок, – морщась, ответил прибывший парень.

- Карасев, смотри за фрицами, я сейчас перевяжу его. Ну-ка, вались на дно, вались прямо под ноги Карасева. Снимай ремень.

Для троих наш окоп был явно тесен. Парень задрал гимнастерку с нижней рубашкой. На нижнем белье ярко-красные пятна крови, но крови немного. Пуля роторвала ему кожу, похоже, и ребро задела, такое ранение не считалось опасным. Перевязочный пакет у парня был, и я управлялся, как мне показалось, с этой перевязкой довольно ловко. Правда, парень морщился, и я его успокаивал:

- Потерпи малость. Ранение у тебя пустяшное и все по твоей дури. Тоже мне, джентльмен нашелся, разрешение он спрашивает! Видишь окоп – не раздумывай, прыгай хоть на головы. Ни хрена, стерпим.

Парню было на вид лет около двадцати, но так получилось, что мы и имени его спросить не успели, отложили это на потом, а получилось нескладно. Немцы усилили автоматный огонь, и Карасев один еле успевал от них отбиваться. Похоже, из хода сообщения ударили по Карасеву очередью, он пригнулся, а как только стал приподнимать голову, заработал еще очередь из противоположной траншеи. Наше положение осложнилось.

- Ладно, заживет до свадьбы, а сейчас потерпи малость, а если уж очень саднит, то выкатывайся осторожно из окопа и вниз по склону, – предложил я новому парню, но тот мотнул головой:

- Нет. Мы еще повоюем. Я ему, гаду, еще не так вкачу!

- Ну тогда давай, смотри вот за этим ходом сообщения – похоже, тебя и задела оттуда.

Парень также оказался из роты автоматчиков, мужик он был также сметливый, стрелял расчетливо, экономно, но со стороны этого хода сообщения больше уже не прозвучало ни единого выстрела. Наступило время, когда мы отважились не просто выглядывать из-за своего бруствера, но решили рассмотреть подробнее, что там у них за траншея и почему в ней не убавляется фрицев. Карасев с этим новым парнем повели сильный автоматный огонь, а я взял лимонку, выдернул кольцо, вылез из окопа и, быстро вскочив на ноги, швырнул гранату, стараясь закинуть ее в немецкую траншею. В короткое мгновение, пока в воздухе еще кувыркалась граната, я успел заметить, что в левом ее конце у немцев землянка, а от траншеи, вглубь обороны, уходит ход сообщения. Там набилось немцев много. Разобрать ничего больше я не успел – граната взорвалась, чуть перелетев эту траншею.

- Чего там? – спросил Карасев.

- Ребята, нужно повторить этот опыт. Много разглядеть не успел, но, похоже, немцев там набилось, как вшей в подштанниках.

Это нам показалось подозрительным, и Карасев предложил немного выждать молча, а когда фрицы начнут вылезать, ударить по ним тремя автоматами, забро-

сать гранатами и в этот момент постараться рассмотреть все как следует. На сей раз мы решили выскочить из окопа с Карасевым вместе под прикрытием автоматного огня нашего раненого парня и, если будет возможность, ворваться в траншею противника. Что говорить, замыслы у нас были богатырские.

Мы приготовились к стрельбе, но молчали, ждали появления немцев. Они не заставили себя долго ждать и в этот момент мы открыли огонь из трех автоматов. Каски мгновенно скрылись за бруствером, но противник, уже приученный к однообразию наших действий, видимо, не ожидал от нас такого нахальства. Раненый парень не переставал вести огонь по брустверу вражеской траншеи, да с таким еще расчетом, чтобы земля сыпалась на каски вражеских солдат, а мы с Карасевым в это время выскочили из окопа, пробежали несколько шагов вперед и стали бросать гранаты, стараясь попасть ими в траншею. И одна граната влетела прямо к немцам. Лимонка – граната страшная, ее взрыв способен натворить много бед. Взрывы гранат, раскатистый автоматный треск, снова болью ударил по ушам. В этот короткий миг нам удалось рассмотреть такое, что напрочь лишило нас надежд на успешное завершение задуманного плана. По длинному ходу сообщения, что от траншей врага уходил вниз на обратный скат высоты «Нефть», сплошной цепочкой поднимались вражеские солдаты, многие несли на плечах пулеметы. А у подножья высоты, где рос редкий терновый кустарник, стояли два грузовика, из которых прыгали на землю немецкие солдаты. Откуда-то прогремела пулеметная очередь, черная обгоревшая земля полетела брызгами под нашими ногами и мы, не сговариваясь, бросились назад к нашему окопу. Все это произошло настолько быстро, что мы и опомниться не успели. Карасев вытирал пилоткой пот со лба и говорил:

– Все точно. Блиндаж слева, ход сообщения снизу идет, и траншея от него к нашим ребятам. И фрицев много, никак не меньше сотни. Надо бы предупредить наших-то.

Я тоже понимал, что немцы подготовились капитально к новой атаке и еще неизвестно, сможем ли мы выдержать ее с нашими оставшимися силами. Надо было предупредить ребят о грозящей опасности, чтобы не обернулась она трагической неожиданностью.

– Карасев, продержитесь здесь минутки две, я ребятам скажу, а то ведь они ни хрена не чувствуют.

Карасев понимал, что предупредить ребят нужно, даже сам предлагал это, но мне показалось, что мое решение не вызвало у него большого восторга. Он помолчал секунду, а потом махнул рукой и сказал:

– Ладно, давай ползи. Может, гранатку оттуда прихватишь, а то у нас одна противотанковая и патронов осталось – кот заплакал.

До траншеи ребят я дополз быстро, не влезая в траншею, крикнул:

– Ребята, Подосенова сюда!

Несмотря на разговаривающую снова стрельбу, меня расслышали, но вместо Подосенова к краю траншеи подошли Попов и Суменков Сашка.

Попов весь черный от сажи, как негр какой, без фуражки, в руках взведенный автомат.

– Ты что? Ты зачем из своего окопа ушел? – спросил Попов.

– Товарищ политрук, мы там с ребятами вылазку сделали, обратный склон высоты видели.

– Ну и что?

– А то, что у подножья две грузовые машины с пехотой разгружаются и по ходу сообщения поднимаются на высоту по крайней мере человек тридцать, пулеметы несут.

– Сколько пулеметов?

– Сосчитать не успели, но не меньше шести.

– А как это вы все рассмотрели? – подозрительно спросил Попов.

– Да мы сами хотели в их траншею заскочить. Гранатами их закидали, выскочили, значит, вот и увидели...

– Погоди! – перебил Попов, – сам видел?

– Все точно, товарищ политрук, автоматчик Карасев тоже видел, подтвердить может.

– Вас там трое? Боеприпасы есть?

– Трое. Только один уже ранен, а боеприпасов мало, по полдиска на брата и граната только одна.

– Зубами держитесь! Понятно? Чтоб никакой паники! Боеприпасы берегите, сейчас ничем не помогу, но как только юнга появится, первым делом к вам пришло. Все понял?

– Все.

Я пополз обратно к ребятам, пополз так, чтобы не достали меня огнем немецкие автоматчики. Бог миловал – дополз. Карасев чуть заметно усмехнулся и проронил:

– Молодец, мужик. Я было подумал, что тебя свои ребята там оставят. Он деликатно не произнес слова «там останешься».

– У них там тоже не очень. Боеприпасов не принес. Велено экономить, а возможность будет – подбросят. А предупредить их – предупредил.

Нам ничего не оставалось, как строго экономить патроны. Решили стрелять только прицельными короткими очередями не более чем в 3-4 выстрела, а последнюю противотанковую гранату пока беречь на самый крайний случай. Мы еще надеялись, что к нам успеют притащить боеприпасы, может, и подкрепление какое окажется. Мы снова надеялись на слепую удачу, потому что иного нам уже не оставалось.

Солнце пошло к горам, день приближался к концу, нам еще продержаться бы часа два, от силы три, и тогда нам поможет ночь, она всегда была нашей верной союзницей.

От непрерывных разрывов снарядов и мин над нашей передовой и по балке, что была внизу за нашей спиной, стелился грязно-серый дым, из которого взвивались столбы черного, как сажа, дыма от разрывов реактивных мин шестиствольного миномета. В небе не смолкал трубный вой этих мин, визг снарядов и обычных мин, который час нашу сопку охватывало непроходимое огненное полукольцо сплошных разрывов, а на вершине высоты, где находились мы, после активной ружейно-пулеметной стрельбы, вдруг наступило непривычное затишье. После сплошного автоматного треска отдельные короткие очереди казались и действительно были затишьем, в котором опытные солдаты безошибочно угадывали предгрозовое затишье и ожидали лютую схватку.

Примерно через полчаса в золотисто-голубое небо со стороны противника полетели красные искры сигнальных ракет. Немцы подали сигнал, и мы все его тоже поняли. Всякие разговоры прекратились, все напряженно ждали атаки. И она началась. Все вокруг взорвалось бешеным треском пулеметов и автоматов.

Над противоположным бруствером показались, было, немецкие каски, мы открыли огонь, но сбоку, откуда-то справа, внезапно ударил по нас пулемет, да так, что земля полетела с нашего бруствера, а мы все трое невольно пригнули головы. Я ожидал, что этот пулемет сейчас будет подавлен огнем наших ребят, но тут увидел, что в нашу сторону полетел буквально град гранат. Черных кувыркающихся в воздухе точек появилось множество. Немцы начали своеобразную артподготовку. На земле затрещал обвал гранатных взрывов, серый дым застелил землю, а гранаты продолжали лететь, от хлестких разрывов, словно ватой, заложило уши, над нами пели осколки и коротко, зло взвизгивали пули. Мы стреляли по гребню вражеской траншеи, не позволяли немцам выглянуть из-за бруствера. Вдруг со стороны обороны противника донеслось многоголосое: «А-а-а!», «Ур-ра-а-а!».

Сволочи, по-нашему кричат! Снова вокруг оглушительные, сплошные взрывы гранат, сумасшедший треск пулеметных и автоматных очередей.

Дальше все произошло чудовищно быстро, неуправляемо, стихийно и страшно.

– Драпают! Смотри, наши тикают! – закричал раненый автоматчик.

Мы посмотрели в ту сторону и увидели сквозь дым и пыль взрывов, как из траншеи, где занимали оборону Попов, Подосенов с основной нашей группой, вниз по склону, к седловине, побежали наши ребята. Они бежали, пригнувшись, почти не стреляя в сторону противника, который, видимо, преследовал их. Сомнений не было в том, что противник вышиб наших ребят из траншеи и теперь они бежали по совершенно открытому склону к седловине, в сторону переднего края обороны нашей стрелковой роты. В этот момент немцы прекратили минометный огонь, а пушки стреляли куда-то в глубину нашей обороны.

Ничего еще толком не осмыслив, инстинктивно поняв и почувствовав катастрофу, я крикнул раненому:

– Тикай, едрена мать!!!

Мы с Карасевым буквально выкинули его из окопа, он откатился к склону, вскочил на ноги и побежал. А из противоположной траншеи вдруг выскочило сразу несколько немецких автоматчиков и бросились бежать к нам, стреляя из автоматов. Карасев ударил по ним короткой очередью, а я схватил противотанковую гранату, вырвал чеку на тряпичной петле и крикнул Карасеву:

– Беги!

Карасев среагировал мгновенно, он выпрыгнул из окопа, а я уже больше ничего не видел, кроме бегущих ко мне нескольких немцев, они бежали кучно, я видел их раскрытые в сумасшедшем крике рты, сине-зеленые мундиры, каски, белые алюминиевые пуговицы, потные красные лица, они стреляли, но я уже ничего не слышал и не замечал. В голове не было мыслей, а мышцы, нервы сами стерегли момент, когда нужно было бросить им навстречу эту тяжелую смерть. Я размахнулся и бросил гранату! Тут же выкатился из окопа, а сзади грохнул тяжелый взрыв. Я уже не видел этого взрыва, я просто бросился бежать вниз по склону. Сзади все время стреляли, но я не слышал свиста пуль, просто по ушам били оглушительные хлопки выстрелов, пули били по касательной в землю и на ней оставался пыльный, мгновенный след, словно стегали землю невидимым большим кнутом. В какое-то мгновение я заметил слева бегущих наших ребят, по ним тоже стреляли и кто-то упал. Правее меня бежал Карасев, а сзади вдогонку стреляют, стреляют и бог весть, что спасало нас в эти мгновения. Через несколько секунд я поравнялся с раненым автоматчиком, мы побежали рядом и я крикнул ему:

– Добежишь?

– Добе...

Что-то звонко щелкнуло в воздухе, рядом со мною! Я увидел, будто в замедленном кино, как пилотка автоматчика вдруг сорвалась у него с головы, подпрыгнула вверх и закрутилась в воздухе. Автоматчик, имени которого мы так и не успели узнать, взмахнул обеими руками, выронил автомат и стал падать вперед. Мне что-то брызнуло прямо в лицо. Автоматчик упал, и я вдруг увидел, что у него на голове не было затылка, вместо него была огромная бледно-розовая полость – внутренняя полость черепа.

Разрывная в затылок – и его мозги брызгами разлетелись в воздухе. Я было остановился, но перегонявший меня Карасев обернулся, ударил куда-то назад очередь из автомата, и я услышал его сумасшедший вопль:

– Беги, мать твою!!!

Я побежал. Каким-то чудом нас с Карасевым удерживали ноги от падения на довольно крутом склоне этой проклятой высоты «Нефть». Мы бежали много правее нашей основной группы, скатывались в балку, где росла кукуруза. Она уже недалеко, только почти вся она была побита и посечена осколками, измочаленные, порубленные стебли и листья валялись на серой земле.

Мы были уже у самого подножья высоты, но в нас все стреляли, и огонь был сильным, однако на нашей стороне было ничем необъяснимое солдатское счастье. Несколько раз я успел оглянуться. Я видел на склоне высоты бегущие за нами следом фигурки и понял, что нас преследуют немцы, они отставали от нас, но их было много и они стреляли. Я тоже дал по преследователям несколько коротких очередей, но они не остановили врага, наш ответный огонь был слаб и неприцелен. Впереди нас бежал, пригнувшись, какой-то незнакомый боец в каске. Впереди совсем невысокий продолговатый холмик, как небольшой отрог от высоты, мы все трое бежали к нему, чтобы укрыться от огня. Мы почти поравнялись с незнакомым бойцом, когда он внезапно упал, в падении перевернулся на спину и в его темных глазах были ужас, страдание и отчаяние. Он ранен. Конечно, ранен! Не обмолвившись ни словом, мы с Карасевым вместе схватили раненого под руки и бегом поволокли его к тому невысокому холмику. Все трое хрипели, и в глазах темнело: у нас – от сумасшедшего бега, у раненого – от того, что он начал захлебываться собственной кровью. Сзади нас не смолкал треск пулеметов и длинные автоматные очереди. Наконец вот он бугор, мы скатились по обратному его склону и Карасев крикнул:

– Перевязывай его! Я прикрою!

Раненый, похоже узбек, коротко, отрывисто дышал, с уголка его губ стекала ярко-красная струйка крови. Пуля вошла в него чуть выше поясицы и вышла возле правой ключицы. У входного пулевого отверстия пузырилась кровавая пена. Я задрал раненому гимнастерку, вытащил у него из кармана перевязочный пакет и стал перевязывать. А Карасев стрелял. Нас преследовало более десяти человек немецких солдат, теперь они почти не бежали и стреляли с короткой остановки, приставив автомат к животу, вокруг тонко и коротко свистели пули, срикошетивши о землю, стонали и гудели в воздухе.

Карасев стрелял расчетливо, короткими очередями не более четырех выстрелов в каждой. Молодец этот Карасев, надежный и смелый он парень, с таким воевать можно! А у меня с перевязкой что-то не получалось: руки противно дрожали и все движения их были резкими и нескладными, бинт скрутился веревкой и ничего я с ним не мог больше поделать. А тут еще Карасев закричал:

– Федька, подмогни, подмогни маленько!

Я все понял. Схватил автомат и крикнул раненому:

– Браток, потерпи минутку.

Потом бросился на этот бугорок и на бегу успел перевести автомат на одиночный выстрел – знал, что патронов в диске осталось с гулькин нос. Немцы были близко, некоторые метрах в сорока, примерно, троих из преследователей уложил Карасев. Я прицелился в самого близкого немца. Целиться было непросто – с нашего бугра земля летела от пуль, но я выстрелил и теперь увидел отчетливо, как немец, словно надвое, переломился и свалился набок, Карасев тоже стрелял. На открытом месте немцы были неплохой мишенью. Я выстрелил еще – промазал, еще – и свалился второй. Остальные залегли и повели огонь лежа.

– Карасев, валяй ты перевязывай, а я этих подержу. Перевяжешь – крикни.

Карасев не стал спорить. Он перевязывал раненого и получалось у него ловчее, чем у меня. А я стрелял теперь расчетливо и зло. Вон он! Приподнялся на локтях, прицеливается... Я нажал на спусковой крючок выстрела. Еще выстрел! Немец ткнулся лицом в землю, его каска блестит на солнце, но он больше не шевелится. И вдруг в этот момент пулемет! Наш пулемет «Максим», с противоположного края балки ударил длинной очередью. Видно патроны в его ленте были вперемежку с трассирующими, и я видел, как зеленые молнии впились в землю там, где лежали немцы. Ага!! Один из немцев не выдержал и побежал назад. Я прицелился ему в спину. Выстрел! Еще выстрел!! Немец споткнулся и упал. Ага!! Мое злорадство не было долгим – откуда-то с высоты ударил немецкий пулемет, бил разрывными да так, что фонтаны земли брызнули с нашего бугра. Я скатился под уклон. На меня обернулся Карасев, лицо у него серое и все в мелких, точечных брызгах крови, он не шевелил губами, но глаза его спрашивали: «Что?»

– Как у тебя?

– Вроде перевязал. Два пакета ушло. Здорово его! – ответил Карасев.

– Потасили!

– Фрицы где?

– Их пулеметчики держат.

Мы снова под руки поволокли раненого. Прошли вдоль склона и повернули к курузному полю. Сумасшедшая стрельба начинала понемногу стихать. Нас больше не преследовали, и мы старались быть осторожными с несчастным, захлебывающимся своею кровью человеком. Но наши нервы были еще до предела напряжены, мы не отошли от горячки боя.

Между тем, бой затихал, и этот страшный день вроде бы подходил к концу, в балке не то небольшой туман, не то еще дым ползет. Шапки холмов еще золотит солнце. По высотам, занятым нашими войсками, немцы продолжали вести методический минометный огонь. Тяжелые разрывы оглушительно громко, эхом перекатывались по балке. Мы оба начинали чувствовать чудовищную усталость и шли больше, не маскируясь, в нас не стреляли, кажется, что сама смерть сегодня устала от своей страшной работы.

После ближнего жестокого боя эта балка нам показалась самым безопасным местом на земле, и мы не чувствовали обманчивости этого впечатления.

– Пойдем туда, к дороге. Может, подводу поймает, – сказал я Карасеву и кивнул головой в сторону противоположного склона балки.

– Ага, – согласился Карасев, – а то не дотащим мы его.

Раненому было плохо. Мы пробовали брать его к себе на спину, но он начинал

громко стонать, кашлять, мы волочили его под руки и этак он, видно, страдал. Его, конечно, нужно было положить на повозку и скорее, скорее! Мы прошли с Карасевым совсем немного, метров пятьдесят и вдруг сквозь еще звенящую боль в ушах я расслышал, что меня кто-то окликает по фамилии. Вначале мне это вроде почудилось, но крики повторились.

– Подожди-ка, – сказал я Карасеву.

Мы осторожно положили раненого на землю, Карасев остался при нем, чтобы случаем не потерять в этой изломанной кукурузе, а я пошел на этот крик.

Метрах в пятнадцати от нас на покалеченных стеблях кукурузы лежал наш разведчик Курочкин.

– Курочкин, ты? Ранен? Куда тебя?

Раненый Курочкин лежал на боку, пытался приподняться на локте и, преодолевая боль, отрывисто говорил:

– В обе ноги. Не могу больше. Федька, не бросай!

Я крикнул Карасеву, чтобы он тащил раненого узбека, а я потащу Курочкина.

– Не жди меня, тащи, а то он захлебнется кровью!

Карасев парень на редкость крепкий, жилистый, он взвалил раненого к себе на спину, ухватил его за руки и, слегка пошатываясь, пошел по разбитому кукурузному полю к дороге. Я финкой разрезал штанины Курочкина. Обе ноги у него прострелены и, как нарочно, обе пули в колена навывлет, а крови немного. У Курочкина один перевязочный пакет, один у меня. Курочкин не стонал, морщился, стиснул зубы и терпел. Мне была знакома острая боль при простом ушибе коленного сустава, а здесь они оба прострелены, и кости, и коленные чашечки, и сухожилия – видимо все вдребезги. Курочкин побелел от острой боли, и лицо его покрылось мелким бисером пота. Похоже, отвоевался солдат.

– Когда ж тебя садануло? – спросил я у товарища.

– На самом краю этой вот... ой! Потихе ты... этой кукурузы. Видать из пулемета. Вначале полз. На одних руках полз, потом выдохся. А тут ты, я тебя сразу узнал. Без ног хреново, подох бы я здесь. Здесь никто не ходит. Мне повезло.

– Ни хрена себе везение! Ну, теперь держись. За шею мне хватайся.

Я закончил перевязку с трудом взвалил Курочкина себе на плечи и пошел к дороге наискосок, к тому месту, где дорога по склону балки выходила наверх. Карасева я потерял из вида, но от дороги был уже недалеко. Прошел еще метров сто и услышал стук колес повозки. Недалеко от меня через балку катила пароконная повозка, похоже, в ней были раненые. Кони шли рысью, ездовой погонял их, решив, видимо, сходу взять небольшой подъем и поскорее уйти из этого опасного места.

– Эй, стой! – закричал я ездовому.

Он явно видел меня, видел, сукин сын, что я тащу раненого, но не стал притормаживать. А я боялся, что он сейчас разгонит лошадей, вылетит за край балки, я его потеряю из виду, и тогда поминай его, поминай как звали...

– Стой! Стой, тебе говорят! – крикнул я еще раз, но ездовой не реагировал...

Что тут со мной случилось, я и сам объяснить не мог. Только я быстро опустил на землю Курочкина, снял затвор автомата с предохранителя и выстрелил одиночным выстрелом над лошадьми.

– Стой! Пристрелю суку!

Испуганный ездовой натянул вожжи, повозка остановилась.

– Ты что? Ты что, спятил?! Видишь, у меня раненые?! – закричал ездовой.

– А у меня кто, хрен ты моржовый! Ты куда, сволочь, от раненого тикаешь? Пристрелю тебя, гада, и скажу, что так и было!

– А ты не дави на горло! Много вас здесь, стрелков, развелось. Тоже умник! Остановить повозку на виду у немцев! Да еще стреляет! – огрызался ездовый и не слезал с повозки, чтобы помочь мне, а меня теперь и это начинало бесить.

– Ты у меня, гад, на виду у ихнего фюрера остановишься! Я тебя научу свободу любить! А ну, помоги мне, падла!

Ездовый прыгнул с повозки, но проявил он этакую прыть, по всей видимости, не потому, что проникся чувством солдатского долга, а просто не хотелось ему стоять на этом месте. В повозке раненых было всего четверо, там же лежал и раненый в грудь узбек – лицо у парня из смуглого стало серым и губы посинели. Ездовый поправил сено, на котором лежали раненые и стал пристраивать Курочкина, а тот, торопясь, для чего-то, расстегивал нагрудный карман гимнастерки.

– Ну, вот и порядок! Теперь прощай, брат Курочкин. Не поминай лихом. Похоже, отвоёвался ты, так что не увидимся больше, прощай!

– Спасибо тебе, Федька. Прощай, браток. Там, в роте, скажи про меня... – говорил Курочкин и все шарил чего-то у себя в нагрудном кармане.

А ездовый тем временем устраивался поудобнее в повозке, он шевельнул вожжами и кони тронулись...

– Федька, погоди-ка, вот он, вот он где.

Курочкин протягивал мне наполовину сточенный химический карандаш и все говорил:

– Федька, кореш, я тебя в жизнь не забуду. Вот, возьми на память. Тебе он сгодится. Ничего у меня больше нет. Возьми, браток.

Я шел еще рядом с повозкой и взял карандаш у Курочкина. Для солдата химический карандаш – это немалая ценность, и мой товарищ, с которым мы прошлой ночью шли в головном дозоре, с которым вместе прошли много боев, отдавал мне на память последнее, что у него было.

А у Курочкина глаза как-то подозрительно заблестели, и у меня комок в горле...

– Прощай! – крикнул Курочкин.

Лошади пошли снова рысью, и я сразу отстал от повозки...

– Прощай, Курочкин! – крикнул я вслед повозке.

Потом перебросил за спину автомат и тяжело, еле переставляя негибающиеся ноги, пошел по дороге.

Мне нужно было найти своих ребят. Не принято в роте возвращаться поодиночке. Этот сумасшедший день вымотал всех ребят до самого крайнего предела. Почти сутки сплошной, напряженный бой, такой бой, когда покурить или помочиться невозможно, не говоря уже о том, что за все время ни глотка воды и ни корки хлеба. Честно говоря, ни есть, ни пить даже не хотелось от тяжелейшей усталости. В душе оставалась единственная забота – добраться как-нибудь до расположения роты. Эта дорога к Лакисово была единственной, и я был уверен, что именно здесь повстречаю своих товарищей.

Позади еще хлопали отдельные выстрелы, которые сейчас казались совершенно безвредной и бесполезной игрой.

Я понимал, что в этот день я только чудом остался жив. За этот долгий бой и длительную смертельную дуэль с врагом у меня в душе что-то перевернулось. Я окончательно и бесповоротно перестал быть в душе ребенком, юношей. От боя к бою черствело сердце, я стал видеть и понимать всю ненадежную хрупкость человеческой жизни, непредсказуемость судьбы. Теперь, как и остальные закаленные ребята, я отлично знал запах крови и пороха, стал понимать, что в смертельной

схватке способен преодолеть противника или, во всяком случае, недешево отдать свою жизнь. Вместе с этим пришло осознание собственной ответственности за свои поступки. Кажется, я по-настоящему стал мужчиной. Сразу мне трудно было еще во всем разобраться, все понять, оценить, у меня не было ни сил, ни времени, чтобы осмыслить все чувства, они просто отложились в подсознании и лишь одно я знал наверняка: я стал другим и, доведись мне теперь встретить кого угодно из моих родных и товарищей по «гражданке», они бы тоже заметили во мне разительную перемену.

Памятный день, 19 октября, заканчивался, оседала золотистая пыль над дорогой, развеялся дым по балке, порозовело предвечернее небо. Тут я заметил группу людей, сидевших возле дороги у нескольких кустов терновника. Среди сидевших были Ласточкин, Ванька Подосенов с перевязанной бинтом головой и без пилотки, бинт на нем почернел от пороховой копоти, а пятна проступившей крови стали бурыми. Рядом с ним сидел и смолил сигарку Костя Кудряш, у него тоже голова перевязана, только бинт белый и пятно крови на нем красное – это его, видно, цапнуло когда с высоты драпали. Здесь же были Мишка Беляков, Боев, Сальников, Бельтюков, другие ребята и в компании разведчиков мой новый боевой товарищ – автоматчик Карасев и с ним еще двое или трое из взвода автоматчиков.

Увидев меня, Ласточкин произнес:

– Вот еще один, забодай его комарь, сейчас все соберутся.

Оказывается, разведчики поджидали у дороги отставших ребят.

– Ты ранен? – спросил меня Ласточкин.

– Да нет.

– А чего шинель и морда в крови?

Только тут, заинтересовавшись, ребята рассмотрели, что пилотка у меня прострелена (это я знал), на шинели две пулевые пробоины, но, что главное, вся шинель, лицо, пилотка, были забрызганы кровью, к сукну прилипли непонятные грязновато-белые липкие ошметки и клочки человеческих волос.

– Что это? – спросил Подосенов, а я и сам толком не знал.

Внес ясность в это явление автоматчик Карасев:

– Братцы, так это ж... – он на минуту смолк, а потом сказал, обращаясь ко мне, – так это ж мозги на него выбросило. Парень, наш автоматчик, с ним с этой высоты бежал и ему разрывная в затылок ка-ак вцепит, ну а мозги, кровь, волосы – все на Федьку.

Да, действительно так, я вспомнил, что на меня словно брызнуло чем-то.

– Вот это да-а! – протянул Селиванов.

– Чего только на этой проклятой войне не случится! – добавил кто-то из ребят.

И действительно, расскажи кому – пожалуй, не поверят, а ведь было это, было и в том поклясться готов!

Я повалился с ребятами на пожухлую, остывшую к вечеру траву и впервые со вчерашнего дня закурил. Сигарка прилипла к пересохшим губам, обжигала пальцы. Со слов ребят я узнал, что потери у нас были большими, эта разведка боем дорого обошлась нашей роте и взводу автоматчиков. Сейчас на переднем крае в стрелковой роте оставался Суменков с небольшой группой, чтобы ночью вытащить тех, кто остался на склоне высоты «Нефть». Тяжелая история произошла с нашим политруком Поповым. Смелым и горячим был он мужиком. Узнав от Сальникова, что осталось на высоте всего семеро разведчиков, Попов настоял на том, чтобы командир роты послал к нам на помощь отделение стрелков, но в седловине между

высотами это отделение попало под шквальный огневой налет артиллерии и минометов противника и так уж получилось, что из восьми бойцов роты на высоту прошли только трое, остальные полегли порубленные осколками. Тогда Натынов связался с комбатом и тот передал для усиления разведки полное отделение автоматчиков. Попов сформировал группу, человек в шестнадцать, из числа резервной группы разведчиков, в которую влились прибывшие автоматчики. В какой-то момент эта группа проскочила сквозь вражеское огневое кольцо, потеряв всего троих. Попова, оказывается, неотлучно сопровождал Хорьков. По словам ребят, этот Хорьков дрался там, на высоте, с противником без всякой придури, наравне со всеми. В то время очень тяжело пришлось группе Подосенова, попавшей под сильный пулеметный огонь, поэтому на левый фланг мне в помощь выделили только двух автоматчиков.

Когда немцы перешли в свою последнюю атаку, у наших ребят почти не осталось боеприпасов, трофейные пулеметы молчали уже давно – были расстреляны все пулеметные ленты. Отразить вражескую атаку было практически нечем, к тому же немцев было во много раз больше, чем наших ребят. Наша оборона дрогнула. Многие оставили траншею и побежали вниз. Попов что-то кричал, грозил пистолетом, но в сплошном грохоте боя никто уже не слышал его голоса. Удержать людей было невозможно. Попов выскочил из траншеи последним, он бежал за Хорьковым. Политрук еще оборачивался, стрелял в преследовавших немцев из автомата, и уже за седловиной настигла его вражеская автоматная очередь. Хорьков прибежал один, и на вопрос «Где Попов?» ответил, что тот убит наповал в седловине. Взбешенный Натынов сгоряча хотел тут же пристрелить Хорькова за то, что тот оставил тело Попова. Но этих тел на склоне проклятой высоты было чрезмерно много. Пулеметчики стрелковой роты своим огнем остановили преследователей и отогнали их. Под прикрытием нашего пулеметного огня и минометной батареи из седловины удалось вытащить троих раненых и Попова. Хорьков то ли соврал, то ли ошибся, но политрук был еще жив, однако был без сознания – три пули прошли ему грудь, одна пробил шею. Его торопливо перевязывала девушка-санструктор, но все видели, как последние искорки жизни угасают в этом человеке. Еще не закончили перевязку, а голова Попова уже беспомощно свалилась набок и из закрытых глаз вдруг выкатилась слезинка. Он перестал дышать.

Впоследствии разведчики еще долго вспоминали своего политрука и судачили о его гибели, однако, мало кто осуждал Хорькова. Да и действительно, в той обстановке и другой вряд ли что-нибудь сделал...

Сидя у края дороги, некоторые ребята, еще не остывшие от горячки боя, вспоминали его перипетии и возбужденно говорили. Громче всех раздавался голос Карасева:

– А он ка-ак врежет очередь – фриц мордой в бруствер. Будь здоров! Нет, с вами жить можно, ребята вы, что надо, свои в доску!

Вспоминали ребята только что пережитое, удивлялись сами, как в этой каше уберегли свою голову и, как я заметил, очень сдержанно принимали похвалы.

Правда, никто теперь не сомневался, что бить немцев мы можем и теперь умеем их бить, только нам бы побольше организованности, взаимодействия с другими частями... Было на душе и горько от больших потерь. Сложили головы отличные, испытанные ребята. Жаль было несчастного Арабова, жалели ребята скромного, застенчивого и отважного Курочкина и такого же Дубинина. Горько было на душе

и от сознания того, что на высоте мы все-таки не удержались, выкинули нас немцы оттуда и что-то еще по этому поводу скажет наш непредсказуемый Натынов.

Начало быстро темнеть. К нам подошли еще двое разведчиков. Нужно было идти дальше, но Ласточкин еще все чего-то тянул. Становилось прохладно. Синий вечер пригасил последние краски вечерней зари, грозовые тучи громоздились на высокие горы, а сзади нас с высоты «Нефть» полетели первые осветительные ракеты.

– Ну, кончай ночевать! Подъем! – скомандовал Ласточкин.

Разведчики поднимались с земли тяжело, сказывалась усталость. Интересно, дадут нам хотя бы денек на отдых, чтобы отоспаться? А под ногами поплыла белесая и бесконечная лента дороги. Разведчики шли нестройной группой, кто-то продолжал курить.

В расположении роты Осейкин хлопотал возле кухни.

– А ну, хлопцы, налетай! Рубай компот – он жирный!

Ужинали уже в темноте, напились пахнувшего жиром чая. Вместе с нами по-братски ужинали автоматчики. Я так и не спросил ребят, насовсем их нам отдали? Вообще они ребята стоящие, особенно Карасев.

С Мишкой Беляковым мы заученно постелили одну шинель на сено, накрылись другой шинелью и еще сверху плащ-палаткой и словно провалились в непроглядно глубокий сон.

Кажется, снилась мне красная физиономия в глубокой черной каске, выглядывающая из-за бруствера. Я стрелял в нее, а немец хмурил свои белесые брови и целился в меня – и я отчетливо видел черную дыру в стволе его автомата.

* * *

Прошло несколько дней. Погода снова испортилась. Дождей не было, но небо затянуло ровной серой пеленой облаков. В горах, даже у нас в Лакисово, по утрам на плащ-палатках и на пожухлой траве появлялся седой иней. Ночами было холодно, и мы стали всерьез подумывать о том, чтобы копать землянки.

Не гремели больше бои в районе Малгобека, и на участке какое-то странное затишье. Так продолжалось несколько дней, но утром мы почувствовали какую-то тревогу. По дороге замельтешили конные и пешие офицеры, зачистили автомашины, но на передовой вроде все оставалось по-прежнему: как писали в сводках – «ружейно-пулеметная перестрелка и освещение переднего края ракетами». И солдатский беспроволочный телеграф к середине дня сообщил: под Эльхотовом началась заваруха. Эльхотовы ворота словно прорубил беспокойный Терек между крутым и лесистым склоном Змейских гор и тоже крутых, но голых скатов Сунженского хребта. Здесь проходили железная и шоссейная дороги от Эльхотово к Орджоникидзе и к Махачкале и Грозному. Это были ворота к сердцу Кавказа – к столице Осетии городу Орджоникидзе, к Дарьяльскому ущелью и на юго-запад к Баку.

Танковые и пехотные части вермахта, поддержанные большим количеством авиации, вначале попытались прорваться к этим воротам, но были остановлены перед Эльхотовом. Все их атаки были отбиты. Тогда всю тяжесть удара немецкое командование перенесло на Малгобек, чтобы взять его и по долине Алханчурт выйти к Грозному. Моздокская степь задрожала и застонала от сотен танков и самолетов. В одной из атак на Малгобек двинул танковый клин из 150 тяжелых танков. Десятки самолетов в день делали до тысячи вылетов и обрушили на обороняющих

Малгобек морских пехотинцев более тысячи тонн авиабомб. Черный дым стелил над степью и над горами, и солнце тусклым красным диском едва пробивалось сквозь его завесу. Фашистам удалось захватить развалины Малгобека, но было потеряно много людей и боевой техники. Наступление фашистских частей захлебнулось. Одновременно отборная немецкая дивизия «Викинг» повела наступление на слабую, обескровленную оборонительную полосу нашей бригады в районе Верхнего Акбаша и Нижнего Курпа. Противнику удалось захватить Илларионовку, но к перевалу немецким частям выйти не удалось.

Впоследствии стало известно, что фюрер был в бешенстве. Его главной целью летней кампании было выйти к берегам Волги, помимо стратегических соображений он руководствовался соображениями престижа – он сам обещал немецкому народу, что уже осенью 1941 года он будет на берегах Волги. О, эти штабные бездарные стратеги! Они подвели его. К берегам большой Волги, разделившей Россию на две половины, он вышел только осенью 1942 года – на год позже. Но Паулюсом он доволен. Газета «Фёлькишер беобахтер» поместила снимок утомленного боем немецкого солдата, который черпает каской воду из Волги в самом Сталинграде, в городе, который носит проклятое имя его врага, врага упрямого и упорного. Он сумел сколотить тот противоестественный союз Англии, Америки с коммунистами России. Но это еще ничего не значит. Америка за океаном, а Англия выучена Дюнкерком* – она не сунется на континент. Теперь главная задача – Кавказ. Если вермахт достигнет нефтеносных районов Кавказа, то не замедлит вступить в войну Турция. Иран поднимется на Индию, а танковые части фюрера войдут в Каир не с запада, а с востока. И тогда мир преклонит колени перед Германией, перед ним – фюрером немецкого народа. Но кто мог предположить, что этот чванливый генерал Лист, возглавлявший группу армий «А», так бездарно застрянет на пороге свершения стратегического замысла фюрера? Фюрер не беспокоился об открытом левом фланге Листа – в калмыцких степях от колодца до колодца двадцать километров. Это мертвая пустыня и пусть она такой остается. Но здесь, на пороге Орджоникидзе, отличные дороги, богатые станицы, способные обеспечить солдат вермахта всем необходимым. Естественно, русские понимают безвыходность своего положения и будут драться с отчаянием обреченных, но именно поэтому здесь не должно остаться ни одного советского солдата – они должны быть уничтожены. Практически осталось еще одно усилие, один концентрированный удар – и на юге с Советами будет покончено. Кавказ станет немецким, Турция и Иран пополнят ряды союзников... нет, не союзников, а сателлитов вермахта. Рухнет весь восток, он станет послушным рейху.

За танковыми частями Листа уже изготовился к прыжку на Тегеран, Багдад, Карачи специально подготовленный корпус. Теперь все зависит от одного мощного удара... Но этот Лист! Фюрер был в бешенстве – эта штабная крыса Лист топчется на месте! Он осмеливается топтаться на месте, когда у русских нет не только подготовленных оборонительных рубежей на Кавказе, нет даже сплошной линии фронта. Лист взял Моздок, но завяз перед каким-то грязным городишком – Малгобек. Лист беспомощно топчется у Эльхотово. Он, как слепой щенок, топчется мордой куда придется. Он завяз под Новороссийском, завяз под Туапсе. Альпийские стрелки поставили немецкий флаг на Эльбрусе, на высочайшей горе Кавказа и всей Евро-

* Дюнкерк – город на берегу Ла-Манша, где в мае 1940 года были блокированы гитлеровцами французские войска и Британские экспедиционные силы.

пы – это правда, но что дальше? Ведь не для этого Листу отданы лучшие танковые и пехотные соединения вермахта.

Лист был отозван в Германию. Лист изжил себя. На его место был поставлен Клейст – генерал, пользующийся особым доверием фюрера. Опытный и напористый Клейст заверил, что еще в этом году немецкие танки будут заправляться бакинской нефтью. Он был уверен в успехе, тем более ему было известно, что командующим советскими войсками у русских был генерал Петров, самый непопулярный генерал, к которому Сталин не питал доверия. Сталин поручил своему самому одиозному министру Берии, который являлся по существу вторым лицом в политической иерархии русских, контролировать действия Петрова. Это почти наверняка закончится тем, что Сталин руками Берии сам снимет Петрову голову. Достаточно малейшей неудачи и с Петровым будет покончено, а эту неудачу Клейст обеспечит Петрову. Клейст был сторонником таранных мощных ударов. Он решил не повторять ошибок своего предшественника. Мощный бросок вперед, удар всеми силами – вот залог успеха. Достаточно проломить слабо подготовленную оборону в Эльхотовых воротах – и Алагир, Беслан, Орджоникидзе, Грозный будут захвачены. Слабая оборона русских развалится, как карточный домик. Их нужно будет жать к Махачкале, к Дербенту и к Баку. Берия держит две или даже три дивизии МГБ в районе Дарьяла. Пусть они там и сидят. Наступает зима, и одним пехотным полком Клейст запрет эти дивизии в ущельях, а основные силы двинет на юг...

Обо всем этом достоверно и точно впоследствии расскажут историки. А пока в двадцатых числах октября стало точно известно, что немецкое командование стягивает большие силы к Эльхотову. В районе Вознесенской, Малгобека, Лакиново, Верхнего Курпа и Илларионовки противник пытался атаковать наши части незначительными силами и, скорее всего, это была тактика отвлекающих ударов. Петров, видимо, разгадал намерения Клейста. К Эльхотовым воротам стягивались артиллерийские части «Катюш», ночью копали траншеи и противотанковый ров, даже зенитные пушки ставили у дорог для борьбы с танками.

Небо было безнадежно серым. Горы большого Кавказа уперлись в эту ровную скучную серую пелену и растаяли в ней. Было сухо, сравнительно тепло, но видимые горы Змейка, Заманкул, Курп побелели от выпавшего там снега. Снежная пелена с каждым днем опускалась все ниже и ниже.

В один из таких серых дней небо наполнилось напряженным, дрожащим ревом авиационных моторов. Двухмоторные Ю-88, Хейнкели-111, пикирующие бомбардировщики Ю-87 большими партиями, от 20 до 40 самолетов, обрушили страшные бомбовые удары по Орджоникидзе, Гизелю, Беслану, Алагирю, но основная тяжесть удара пришлось по Эльхотовым воротам. Как только небо освобождалось от самолетов, так в тот же момент открывали огонь сотни пушек и минометов. Место примерно в два километра шириной и километра три в глубину превратилось в ад, где сама смерть устроила свою свирепую пляску. Фашисты молотили бомбами, снарядами и минами этот участок земли несколько часов подряд. Небо стало черным от вздыбленной земли и дыма. От грохота разрывов дрожали горы, и когда противнику показалось, что в узком проходе между горами не осталось уже ничего живого, когда вода в Тереке стала мутно-желтой, только в этот момент была отдана команда «Вперед!» трем танковым дивизиям и пехотным частям.

Первой на позиции русских пошла 13-я танковая дивизия вермахта, лучшая дивизия на Южном фронте. В головном танке был сам командир дивизии. Он ко-

мандовал танковым экипажем и вел за собой все 230 танков. Он не закрыл люка. Он стоял в башне, высунувшись из нее по пояс. Он был уверен в себе и своих танкистах. Успех обеспечен! В Эльхотовых воротах живых солдат противника больше нет. Вперед! «Гот мит унс!»...

Наши солдаты всю ночь долбили каменистую почву, оборудуя огневые позиции для пушек, траншеи, углубляли противотанковый ров. Сюда стягивались бригады, отдельные полки, артдивизионы. Солдатам некогда было спать, некогда перекурить, руки покрылись кровавыми мозолями, но, уже наученные войной, они зарывались в землю.

Над Эльхотовыми воротами несколько дней подряд появлялась «рама» – двухфюзеляжный и двухмоторный самолет-разведчик. По нему стреляли из всех видов оружия, но он казался неуязвимым.

В серое октябрьское утро небо наполнилось гулом десятков самолетных моторов.

– Воздух! Воздух! – пронеслось по траншеям.

Первая партия юнкерсов засыпала нашу передовую градом бомб. Не успели юнкерсы отвернуть, как загрела артиллерия. В небо летели камни, земля, какие-то доски, палки. Земля стонала, дрожала, как в лихорадке и, казалось, сами траншеи выворачиваются наизнанку. Партии самолетов сменяли друг друга. В Эльхотовых воротах стало темно, как ночью, и нечем было дышать. Воздух сгорел, остался один кислый запах взрывчатки и тяжелый, густой, приторный запах человеческой крови. В огненном аду горели автомашины и в огне звонко лопались патроны; тонко ржали, металась ошалевшие лошади и падали, срезанные осколками. Солдаты лежали на дне траншей и окопов, уткнувшись в землю, или смотрели округлившимися от ужаса глазами в смертоносное небо, и никто уже не обращал внимания на убитых. С большим трудом удавалось перевязать раненых и оттащить их в относительно безопасное место за какой-нибудь камень. После нескольких часов этого ужаса, сквозь сплошной дым, чад и грохот донесся накатывающийся тяжелый гул танковых моторов.

– Танки! Танки! – раздались голоса.

Оставшиеся в живых люди готовили противотанковые гранаты, наводчики уцелевших пушек прилипли к прицелам. Из-за завесы пыли и дыма, наконец, появились танки. В переднем танке, высунувшись по пояс из люка, стоял немец. Танков было много, они выли моторами, скрежетали гусеницами, и гарь взрывчатки перемешалась с черным дымом выхлопных труб танковых моторов.

– ...Прямой наводкой, броневой... – слышалось на огневых позициях.

Звонко ударили первые выстрелы противотанковых пушек. Из-за отрогов гор, из-за лесопосадок взревели «Катюши», и огненный смерч взметнулся к небу, рвал в клочья железо, пожирал все живое среди наступающих.

Термитный снаряд брызнул снопом ослепительно белых искр на броню ведущего танка и человек, стоявший в люке, упал вниз, в темную утробу железного чудовища. Второй снаряд попал в моторное отделение танка и из всех щелей и пробоин пополз дегтярно-черный дым. Тяжелый ствол его пушки с набалдашником на конце шевельнулся, пополз вниз и тупо устался в землю. Рев, грохот, скрежет, визг металла и огня, не смолкая, бушевал более часа в горловине Эльхотовых ворот, и наступило то время, когда огонь стал стихать, а танки попятиться назад к Эльхотову. Эту передышку, минутное затишье наши части использовали для того, чтобы вывезти раненых, доставить на огневые позиции снаряды, патроны, гранаты. По

дорогам неслись взмыленные лошади, подпрыгивали на воронках подводы, летели ошалелые шофера, едва успевая объехать разбитые пушки, воронки, окопы.

Фашистское командование вело перегруппировку сил, подтягивало резервы. Командир 13-й танковой дивизии был убит, сгорело более двадцати танков, пехота понесла тяжелые потери.

За этот тяжелый день в горловине Эльхотовых ворот было отбито пять атак. Земля почернела от гари и пропиталась кровью, и только ночь приостановила активные действия танков и пехоты, но не остановила кровопролитие. Десятки ночных бомбардировщиков врага засеяли Эльхотovy ворота и дороги, ведущие к ним, касетными бомбами с «хлопушками». Артиллерия и минометы вели всю ночь активный методичный обстрел наших позиций, и только с рассветом наступила полная предгрозовая тишина. Еще дымили на дорогах подожженные машины, еще ездовые ошалело хлестали измученных лошадей, когда небо вновь наполнилось гулом моторов. И второй день начался страшным боем: горели оставшиеся деревья, горело железо, горели камни. Черный дым стелился по земле и уже не было слышно отдельных выстрелов и взрывов – все слилось в сплошной обвальнyй грохот.

Тяжелые, страшные потери несли обе противоборствующие стороны. У нас почти не было авиации, во всяком случае, немцы имели абсолютное превосходство в воздухе, но нас выручали «Катюши» – своим огнем они сметали с лица земли все живое. Но наступил такой момент, когда создалась все же реальная угроза прорыва нашей обороны. К исходу вторых или третьих суток боев почти опустели траншеи и огневые позиции артиллеристов и минометчиков. Нет, справедливости ради следует сказать, что там, в горловине Эльхотовых ворот, не было отступавших, там были только убитые. Раненых и тех было мало, потому что покалеченных людей было невозможно вытащить из ада, большинство из них было добито осколками, пулями, сгорело в пламени огнеметов.

В это тревожное время наша бригада сдала каким-то другим частям свой участок обороны и сосредоточилась в районе Старого Батакюрта. Разведротe было приказано выйти к Беслану и занять оборону от подножья Сунженского хребта до окраины города в нескольких дзотах, оборудованных кем-то из железнодорожных деревянных шпал и земли. Три или четыре дзота были изолированы друг от друга и расположены в ровном, как летное поле аэродрома, поле. Где-то в середине этого поля оказался дзот, в гарнизоне которого оказались, кроме меня, Мишка Беляков и Витька Золотов.

Витька Золотов пришел в роту под Лакисовом в числе пополнения. Невысокого роста, худощавый, в худых растоптанных кирзовых сапогах. Весь его вид – золотая коронка, наколки на руках и его блатная песня – заставляли меня относиться к нему настороженно: второй Хорьков объявился. Но Золотов вел себя совсем по-другому. В отличие от Хорькова он не рыскал по чужим вещмешкам, не жрал украдкой, охотно делился с товарищами и сухарями, и табаком.

В своем дзоте мы расположились рано утром. К обеду должен был прибыть наш обоз. Местом его расположения должна была стать посадка по краю железной дороги, что шла от Беслана до Орджоникидзе. Обжили мы свой дзот быстро. Слева от нас, примерно в полутора километрах, Беслан – одноэтажные домики, голые деревья, разбитый бомбами элеватор; справа, километрах этак в двух с половиной, невысокие серые горбы Сунженского хребта. Амбразура дзота смотрит на север – в ту сторону, откуда должен двигаться враг. Большого Кавказского хребта не видно – его заслонили серые тучи. Над нами изредка принимался моросить мелкий осен-

ний дождь, но в дзоте было сухо и довольно тепло. Вход мы занавесили плащ-палаткой. Пулемета у нас не было, поэтому пулеметная полка в дзоте перед щелью амбразуры служила нам столом. Все трое мы понимали, что если по этому полю пойдут немецкие танки или бронетранспортеры, то они прежде всего разнесут в щепки эти дзоты, потому что их видно со всех сторон, они ничем не заминированы и пригодны только для того, чтобы проводить тактические учения для танкистов по теме «Уничтожение долговременных огневых точек противника». Единственное, на что мы надеялись, так это на стойкость наших частей, которые ведут где-то бой и не должны пропустить сюда вражеские танки.

Днем, часов в одиннадцать или двенадцать, две большие группы немецких бомбардировщиков Ю-88 подвергли жестокой бомбежке северную окраину Беслана и подножье Сунженского хребта. Мы сидели в дзотах, матерились от бессильной злобы, смотрели как размеренно и спокойно сбрасывали бомбы немецкие самолеты. Они, подлетая с севера к Беслану, сбрасывали часть бомб, потом продолжали лететь на юг. Где-то далеко разворачивались и на обратном пути, не ломая своего боевого построения, сбрасывали остальные бомбы. Над Бесланом вздымались плотные клубы дыма и земли – там что-то горело. Также грохотало от бомбежки у Сунженского хребта и черный дым стелился по земле.

– Во дают, во дают, гады! Где ж наши-то сталинские соколы, мать бы их за ногу! – негодовал Беляков.

Часа через полтора Миша Беляков взял котелки, закинул автомат за спину и пошел в условленное место, где должен был уже расположиться наш обоз и подтянуться вся рота. Мы с Витькой Золотовым скучающе смотрели в амбразуру на совершенно гладкое и безлюдное поле. В горах уже снег, а здесь мелкая морось и грязно-рыжая, давно увядшая трава.

– Вить, ты до войны где жил? – спросил я, чтоб чем-то развеять надоевшее скучное однообразие.

– С Саратова я. Слышал такой город, гражданин начальник?

– Я тебе не начальник и тем более не гражданин. А не хочешь, так не говори. Обидел невзначай – прости, ведь я так просто. В роте все про всех знают, кроме Хорькова.

– Ты меня с этим гадом не равняй. Голову на отсечение даю, что этот гусь в лагере стукачом был. Знаю, видал я таких. А обидеться – что ж... не обиделся я. Вам с Мишкой могу сказать: сидел я до войны, до осени 41-го. За что, про то рассказывать долго. 58-й статьи боялся, однако дали другую. Как простого урку судили – и в лагерь. За Байкалом был. Многих из нас добровольцами на фронт послали и сразу с ходу в атаку. Провоевал я недолго, ранили. В госпитале провалялся. Из госпиталя вышел – и к вам в бригаду. В госпитале от матери письмо получил: на отца, на среднего брата похоронку получила. Старший воюет, где – неизвестно, письма от него вроде еще не получает. Вот и вся история. Одно скажу: на советскую власть у меня никаких обид нет, на нашу городскую власть у меня злости хватает. После войны разбираться станем, что там к чему, а сейчас некогда.

Помолчали. Еще одна судьба. Непростая судьба, изломленная, а воюет парень здорово – ни своей, ни вражьей крови не щадит.

– Ты вот скажи мне, – снова начал Золотов, – у начальства котелок варит или нет? Это поле заминировать нужно было, а наши дзоты – тьфу. Метров на пятьдесят танк подойдет, как шарахнет по амбразуре прямой наводкой – и будь здоров!

Торчим мы на этом поле как чирьи на заднице, а начальство себя тешит – меры приняты, оборона обеспечена...

– Вон, топают, – скоро услышал я его голос и понял, что топают Беляков, значит, сейчас будем обедать.

Минут через пять послышался голос Белякова. Он передавал котелки Золотову, а сам причитал:

– Ну дела, ну дела! Это ж надо. Вот и знай, где тебя стукнет...

Оказывается, вся наша рота пришла в место назначения без приключений, а обоз попал под бомбежку на дороге, когда спускался с гор в долину. Одна осколочная бомба взорвалась рядом с повозкой. Убит старшина, тяжело ранен ездовой. Повозка в щепки, все добро – в куски, обе лошади погибли. Остальные уцелели. Отделались легким испугом, как протокольно выразился Беляков.

И еще новость: в Беслане элеватор и паточный завод разбили. Патока течет, как смола. Ребята в роте сшаромыжничали – притащили пару ведер. Я пробовал – ничего, сладкая.

– Вот! Это по моей части. Давай рубать, и я в командировку за патокой. Не будет возражений? – предложил Золотов.

Возражений не было. После обеда он перебрросил за спину автомат и отправился прямо к Беслану.

– Эй, друг, а котелки? – крикнул я Золотову.

Но тот только рукой махнул:

– Их полдня еще мыть надо. А где я их вымою?

И ушел. Его не было долго. Наступили сумерки и пришла моя очередь топтать за ужином. По дороге я вытер котелки увядшей сырой травой, уже в роте вымыл их теплой водой.

Осейкин повторил мне рассказ Золотова. От него я узнал, что Рябчунов назначил старшиной роты Медвинского. Анатолий воспринял это назначение с неохотой, но приказ есть приказ.

Одна поисковая группа направлялась к Бруту, другая еще дальше – к Алагирю. Нужно было на месте уточнить обстановку. В работу включился снова шофер Чижик на своей посеченной осколками полуторке. В Брут и дальше к Эльхотовым воротам поехала разведгруппа тоже на машине. В общем, начались заботы. Что происходит в Эльхотовых воротах, в роте не знали. Этого, очевидно, не знало и командование бригады, поэтому туда и покатили разведчики. Батальоны бригады еще были в горах и обстановку, конечно же, знать было нужно.

А я отправился снова в свой дзот. Когда вернулся, на месте был уже и Золотов. Амбразуру ребята загородили доской, на пулеметной полке горел огарок свечи, а на полу стояло оцинкованное ведро, до краев наполненное янтарной патокой. Сверху на ее поверхности какой-то белый налет вроде очень тонкой пены. Этой патокой было вымазано все: шинель Золотова, плащ-палатка, загораживающая вход, пол, приклады автоматов. Все было липким, к чему бы не притронулся.

А Золотов и Беляков были довольны:

– Жора, рубай компот, он жирный, – снова на каком-то блатном жаргоне заговорил Золотов.

Мы поужинали, и так как солдат не бывает абсолютно сытым, мы стали мочать хлеб в ведро с патокой и есть. Потом, когда хлеба осталось мало, мы ели патоку

ложками и закусывали маленькими кусочками хлеба. Патока бесконечной ниткой тянулась с ложки, была тяжелой и немного сладкой.

Всю ночь и все наступившее утро нас извела отрыжка тухлыми яйцами.

– Ни хрена себе угощенище! – негодовал Золотов

* * *

Утром Беляков принес завтрак и передал приказание командира роты оставить дзот и всем прибыть в расположение роты.

В роте снова уйма новостей – вернулись обе разведгруппы. Ребята рассказали, что Алагир все время бомбят, много пожаров, население бросает дома и уходит в горы. В районе Эльхотовых ворот наши вроде пока держатся, но оттуда повозка за повозкой везут раненых. Раненые говорят, что драться почти некому, все окопы и траншеи перепаханы артиллерией, на дню отбивают оставшиеся солдаты до пяти танковых атак. Танки идут массированно, их поддерживает бомбардировочная штурмовая авиация, огонь вражеской артиллерии и минометов головы не дает поднять. Нередко раненые преувеличивают тяжесть обстановки, но солдатское чутье нам подсказывало, что в Эльхотовых воротах идет тяжелый, страшный бой и у нас не было уверенности, что без достаточной помощи части, обороняющие Эльхотovy ворота, выдержат танковый натиск врага. А батальоны нашей бригады тем временем подтягивались к Беслану, располагались на его окраинах, рыли окопы по берегу мутного и стремительного Терека и недоумевали по поводу того, почему нашей бригадой не затыкают горловину Эльхотовых ворот.

Наступил ноябрь, и первый его день принес тревожную весть, перевернувшую нашу относительно спокойную жизнь, продолжавшуюся несколько дней. Немногочисленные раненые рассказывали, что горно-стрелковые части фашистов якобы прошли какими-то тропами через Змейские горы. И в тот момент, когда танковая лавина противника вновь обрушилась на нашу передовую, батальон немецких автоматчиков скатился с гор и ударил во фланг и в тыл нашим обороняющимся частям. Тяжелые бомбы разрушили противотанковый ров, артиллеристы, атаковавшие с тыла, отбивались от автоматчиков. Артогонь ослаб, немецкие танки ворвались на нашу передовую, давили гусеницами наши пулеметы и пушки, разворачиваясь над траншеями, заваливали их землей вместе с живыми, ранеными и убитыми солдатами и заваленную траншею утюжили гусеницами.

Действительно, в горловине Эльхотовых ворот не было отступивших, были погибшие. Говорили и о том, что, несмотря на весь ад этой танковой атаки, фашистам удалось прорваться только левым берегом Терека, а на склонах Сунженского хребта продолжали упрямо держаться какие-то наши части.

Уже через несколько часов танковая лавина и мотопехота фашистов захватили город Ардон и неудержимо двигались в сторону большой станицы Архонская, к Майрамадагу, к Орджоникидзе.

Солдаты батальонов нашей бригады продолжали спешно окапываться по берегу Терека, чтобы пресечь попытки противника прорваться к Беслану, Назрани, Карабулаку, т.е. преградить врагу путь к сердцу Осетии городу Орджоникидзе и в Дагестан.

Перед самым обедом в роту прикатил Чижик. Его промасленная, лоснящаяся телогрейка была порвана, из дыр торчала серая вата, сапоги в грязи, щеки давно

небритые, глаза красные, воспаленные. Видно, парень давно не спал, долго носился по дорогам. Рябчунов быстро сформировал небольшую разведгруппу во главе с Суменковым. Шесть разведчиков, в том числе и я, быстро пообедали и полезли в кузов выносливого ГАЗика.

– Бегом, хлопцы! – подгонял нас Рябчунов. – Автоматы на предохранитель. Суменков, проверь!

Это предупреждение не было лишним: Чижик носился по дорогам, как сумасшедший. Если машина резко подпрыгнет на ухабе, то не поставленный на предохранитель затвор автомата непременно отойдет от толчка подпрыгнувшей машины назад и тогда, если он зацепит патрон, автомат выстрелит и пуля пойдет туда, куда обращен ствол автомата.

Чижик действительно гнал машину на пределе ее технических возможностей. Нас подбрасывало и швыряло в разные стороны. Очень скоро мы подкатили к каким-то домикам и остановились. Из кузова вылезать не велено. Около одного дома стоял маленький юркий «Виллис».

Только здесь мы узнали, что наша группа должна сопровождать командира бригады полковника Добровольского. Я слышал это имя, но в лицо командира бригады видеть как-то не приходилось. Суменков пошел в дом докладывать, а мы послушно сидели в кузове.

Минут через пять из дома выскочил Суменков, крикнул что-то Чижик и полез к нам в кузов.

Из дома вышел высокий худощавый полковник (петлицы на длинной кавалерийской шинели с четырьмя шпалами) и, не торопясь, сел в «Виллис» рядом с шофером. На заднем сидении расположились два каких-то майора, в кабину к Чижик сел старший лейтенант. «Виллис» тронулся, за ним наш ГАЗик. Мы катили по шоссе на дороге, изуродованной воронками, проехали Беслан, по деревянному широкому мосту переехали Терек, и катили какими-то ухабистыми дорогами на север, туда, где от земли в небо поднимались тяжелые, темно-свинцовые клубы дыма и пыли. Звуков боя мы не слышали из-за надрывного стопа мотора, грома и треска кузова и колес. Потом «Виллис» свернул на прямой, как струна, проселок и мы покатали прямо к тому дыму. Проехали по тому проселку километра три и остановились у невысокого кургана. Машины сразу же ткнулись моторами в придорожный невысокий кустарник.

Из «Виллиса» вылезли офицеры и взобрались на вершину кургана. Мы тоже попрыгали на землю. Подниматься на курган нам было неприлично и мы остановились на его склоне метрах в десяти от командира бригады. То, что открылось нашим глазам, было непонятно и страшно. Там, впереди, километрах в двух с половиной от нее был совхоз «Рассвет». В серой ровной степи рассыпаны белые домики, высокие безлистные метелки тополей, голые сады – все было, как декорация на огромной сцене. Но над «Рассветом» стояли сплошной грохот и рёв. На окраине совхоза от разрывов снарядов повисла сине-свинцовая туча. Земля дрожала даже здесь, на кургане. Трассирующие снаряды кромсали эти беззащитные белые домики, где метелки тополей. Где-то справа от нас непрерывно звенели выстрелы пушек. В подблочной вышине вдруг появлялись дымные трассы снарядов, которые по наклонной стремительно неслись к «Рассвету». Эти трассы вонзались в землю и мгновенно от земли взлетали вверх черные фонтаны взрывов.

– От дают, от дают! – не выдержал кто-то из разведчиков.

Потом со стороны Орджоникидзе невысоко над землей появилась стая бомбардировщиков в сопровождении маленьких, юрких истребителей. Бомбардировщики, летевшие с нашей стороны, сбросили бомбы на совхоз «Рассвет», и серые, и черные клубы разрывов взметнулись к серому небу, и земля вздрогнула от этого бомбового удара.

– Так это ж наши самолеты пробомбили! – высказал предположение один майор.

Добровольский молчал. Другой худощавый, подтянутый майор посмотрел на первого и, не улыбаясь, строго и холодно ответил вопросом:

– По вашему мнению, наши самолеты сбросили бомбы как раз туда, куда только что была немецкая артиллерия?

– Но самолеты летят с нашей стороны от Дзауджикау! – майор произнес это непривычное название, похоже, бывшего города Орджоникидзе.

На всех новых топографических картах привычное название столицы Северной Осетии «Орджоникидзе» было заменено на новое «Дзауджикау». Где-то я слышал разговор, что на берегу Терека, вырывающегося из Дарьяла в равнину, было древнее горское поселение Дзауджикау. Потом на месте этого поселения или рядом с ним была выстроена царем крепость Владикавказ. После революции, уже в тридцатых годах, город был назван именем известного соратника Ленина, видного политического деятеля Орджоникидзе. И вдруг на тебе – уже не Орджоникидзе, а Дзауджикау. Однако, народ привык к первому названию города и именовал его по-прежнему. Переименование города мои товарищи молчаливо относили к каким-то проискам Берии, которого не уважали и не любили, как остальных известных народу вождей и государственных деятелей того времени. Интересно: кто, за что и почему невзлюбил Серго Орджоникидзе, кто стал вдруг заинтересован в том, чтобы само имя Орджоникидзе постепенно забывалось бы народом? Этот вопрос тоже следовало бы отложить на послевоенное время, но кто-то был нетерпелив и спешил уже сейчас выбелить имя старейшего члена ленинской гвардии. Вряд ли Сталин. Скорее всего, этот непонятный выскочка Берия... Но и над этой загадкой не пришлось ломать голову. От тяжелой стаи бомбардировщиков невесть зачем отделились две точки – два истребителя, на бреющем полете понеслись над дорогой прямо на нас. Добровольский не двинулся с места. Истребители неслись еще бесшумно, стремительно увеличиваясь в размерах. Потом послышался пронзительный звенящий свист и над нашими головами промелькнули два мессершмитта. Узкие крылья, тонкий фюзеляж мелькнули черными молниями, но все мы отлично рассмотрели черные кресты на крыльях и силуэты истребителей.

– Что ж, других доказательств в вашем споре не требуется, – обронил Добровольский.

– Немецкие танки уже уютжат «Рассвет». К вечеру они могут оказаться у Кирова и Нарта.

– Разведчиков пошлите в этом направлении. Вечером доложите мне результаты, – обратился комбриг к сухощавому майору и, не спеша, стал спускаться с кургана. А сухощавый майор Прокопчук подошел к нам и, обращаясь к Суменкову, ставил задачу так, чтобы ее слышал и понял каждый из нас.

– Противник ведет бой за «Рассвет», обороняющиеся там наши части вряд ли продержатся долго. Ваша задача – разведать обстановку в районе севернее Кирова, в Нарте и результаты доложить ночью. О полученной вами задаче я поставлю в известность Натынова и Рябчунова. Задача ясна?

– Так точно, – ответили мы немного вразнобой, но дружно.

– И еще – шофер ГАЗика доставит вас в район Нарта, дальше уже будете действовать самостоятельно.

– Ну вот, начинаются дни золотые, – заключил Суменков, когда «Виллис» со всеми офицерами запрыгал по дороге. Он посмотрел на топокарту и скомандовал:

– По местам!

Мы быстро залезли в кузов ГАЗика и снова запрыгали в ошалелой тряске. Мы сворачивали с одной дороги на другую и вскоре выскочили к сравнительно небольшому селению – Нарт. На окраине Чижик резко тормознул и остановил машину. Хлопнула дверца кабины, вылез Суменков и мы выпрыгнули из кузова.

– Давай, Чижик, езжай, как я тебе говорил, пока совсем не стемнело.

– Добро. Ни пуха вам!

– Пошел ты к черту!

Заскрежетал стартер, мотор фыркнул. Чижик развернул машину и помчался, подбрасывая задними колесами комья черной земли, назад к Беслану.

Осетинское селение Нарт словно вымерло. Весь день жители слышали отзвуки грозного боя в районе «Рассвета», они знали, что это означало. Это было эхом надвигающейся неотвратимой беды и ее ждали в каждом доме... Мы прошли настороженно примолкнувшим селением и направились на север в Кирово. Стемнело, когда мы подошли к поселку. Теперь мы видели непрерывные ракеты, слышали пулеметную стрельбу, взрывы снарядов где-то левее и даже позади себя. От Кирово мы повернули по какой-то дороге влево. Как мне показалось, прошли километра три и вышли к реке. Правее разглядели мост и на другом берегу слева – черные силуэты какого-то поселка. Как ни странно, мост никем не охранялся. Внизу шипела на перекате какая-то горная река.

Кто-то спросил:

– Терек?

– А черт его знает, здесь этих рек прорва, и все вроде Терека, – ответил Суменков.

Осторожно остановились перед незнакомым поселком, послушали.

– Да нет здесь фрицев. Они бы мост не оставили без охраны. Ох, и везет нам, дуракам, дай бог не сглазить, – заключил Суменков и первый пошагал к поселку.

В первом крайнем домике, в который мы постучали, дверь нам открыла пожилая седоволосая женщина в черной одежде. Она впустила нас в дом. На столе посередине большой комнаты горел тусклый фонарь «летучая мышь» с закопченным стеклом, окна комнаты занавешены тряпьем, стены и углы помещения тонули в темноте. Женщина вопросительно смотрела на нас.

– Здравствуй, хозяйка, – поздоровался Суменков.

– Здравствуйте. Кто вы? – тихо спросила женщина.

– Мы бойцы Красной Армии, не бойтесь нас. Мы пришли узнать, были здесь фашисты или нет.

– Вы от них уходите?

– Мы ищем их.

– Поздно вы пришли их искать. Утром были мотоциклисты. Их было немного и они уехали. А к вечеру пришли ваши солдаты. Они были в доме напротив.

– А сейчас?

– Откуда мне знать? Я не выхожу из дома.

– Спасибо, хозяйка. Пошли, ребята!

Мы постучались в дом напротив. Вначале нам никто не открывал, а потом пронзительный громкий женский голос спросил сквозь дверь:

– Кто там? Чего вам надо?

– Мы свои, хозяйка, открой дверь на минутку, – попросил Суменков.

– У меня и так уже полный дом солдат. Идите напротив.

– Нам нужно поговорить с солдатами.

– Утром поговорите.

– Хозяйка, открывай быстро и не вводи меня в грех. Я командир.

За дверью зашумела отодвигаемая задвижка, лязгнула щеколда и в темном провале сеней чуть угадывалась невысокая женская фигура.

– Проведи нас к солдатам. Где они?

Заскрипела какая-то дверь и в темени обозначился тусклый светлый квадрат. Здесь на столе горела маленькая плошка, словно лампадка. В комнате пахло табаком и грязными портянками. На темном полу еле угадывались двое спящих солдат. Один сидел за столом, ворот его гимнастерки был расстегнут, в зубах самокрутка. На столе перед ним лежала винтовка. Увидев входящих, боец встал, взял в руки винтовку и то ли машинально, то ли с умыслом направил на Суменкова свое оружие. Мы с Золотовым щелкнули взведенными затворами автоматов.

На полу завозились, кто-то стукнул прикладом винтовки о досчатый пол. Один из наших ребят чиркнул спичкой. Дрожащее пламя осветило встающих с пола еще двух бойцов.

– Кто такие? Документы! Кто старший? – грозно спросил Суменков.

– Что надо? Вы сами-то кто? – хриплым голосом спросил солдат, сидевший за столом.

– Встать, как положено. Я сейчас разъясню, кто мы такие. Документы? Кто старший, спрашиваю!

В голосе Суменкова зазвучала уже нешуточная сталь.

– Ну, я старший, чего шуметь-то.

Боец за столом трезво оценил обстановку: нас было больше, мы были с автоматами и вообще, он правильно решил, что лучше с нами не спорить. Он положил винтовку, расстегнул нагрудный карман гимнастерки и вынул из клеенчатой обертки свою солдатскую книжку.

Разведчик Савельев снова посветил спичкой и Суменков, хмыкнув, недоверчиво произнес, возвращая документ:

– Саперы, значит. И что ж вы, голубчики, здесь делаете?

– Да вот командир взвода, значит, оставил нас...

– Зачем это он вас оставил?

– Да этот проклятый мост рванем.

– Ты всегда так брешешь?! Нам сразу вас шлепнуть или в ОКР «СМЕРШ» для начала спровадить?

– Не имеете права! Мы вам не подчиняемся и вообще... Кто вы сами-то будете?

– А мы вот с такими как вы, дезертирами и предателями, разбираемся. Специальный заградотряд мы. Видал, как брешет? – кивнул головой Суменков. – Мост они здесь, в хате, взрывать собираются!

– Ну что, что шуметь-то зазря, – вставил поднявшийся с пола боец. – Мы три ночи не спали, трое суток корки хлеба во рту не было. Мы из самого Ардона отхо-

дим. А здесь на мост наткнулись. Трех за толом послали. Давно уже, через час-другой придут. Чего шуметь-то? Можем вообще плюнуть и пойти назад. Хрен с ним, с мостом! Может, вы сами того хотите, чтоб мост-то целехонек остался!

Ситуация... Похоже, не врут ребята и документы у них в исправности. Да и положение-то действительно такое. При драп-марше какие могут быть порядки – неразбериха одна!

– Ладно, давай, кончай ночевать, – все еще злился Суменков. – Вы хоть знаете, что немцы-то уже позади вас?

– Нет, позади, похоже, нет никого, а вот слева немцы. Еще днем бой был. Расшибли они наших и дальше поперли. Вот мы и подумали, что мост в этом месте оставлять нельзя.

– Что за река здесь? Терек?

– А хрен его знает.

Прислонившись к косяку двери стояла низкорослая женщина.

– Хозяйка, что за река у вас здесь? Терек? – спросил сапер. Это был уже пожилой солдат, обросший жесткой щетиной.

– Нет, это не Терек. Это Фиагдон, – ответила женщина.

«Бог ты мой, сколько же здесь рек и речек, и все они быстрые, с ледяной водой» – подумалось мне.

– Давно здесь сидите? – более миролюбиво спросил Суменков сапера.

– С вечера сидим. Командир взвода подмогу обещал.

– Что ж вы, сукины сыны, в дом забились? Вы знаете, что здесь днем немцы были?

– Откуда?

– Оттуда! Они спать разлеглись! Побьют всех здесь и не пикнете.

– Не можем больше. С ног валимся. Говорю, могли бы и мимо моста пройти – хрен бы с ним, с мостом. Все равно около него пережат мелкий, пожалуй, и машина пройдет...

– А речка глубокая здесь?

– Не знаем. По-моему, не глубокая, но быстрая, сволочь.

– Бросьте в хате сидеть. Побьют вас. Впереди, похоже, ни одного нашего солдата нет. Уходите за реку и караульте мост. Так вам самим безопаснее, пентюхи!

– А вы что?

– Мы... Это наше дело. Но сидеть здесь не будем. Пошли, ребята.

Суменков повернул к двери и мы за ним. На улице темень, сырой ветер и где-то по сторонам еле пробивающийся сквозь какой-то туман отблеск редких ракет. Мы пошли по левому берегу реки, вниз по ее течению.

Где-то сзади нас и впереди слышался короткий перестук немецких пулеметов. Ориентироваться в адской темноте было трудно, в основном только по шуму реки. Шли осторожно, часто останавливались, вслушивались, но то ли шум реки, то ли сырой туман скрадывали звуки, мы ничего подозрительного обнаружить не могли. В одном месте наткнулись на густые заросли кустарников, взяли влево по кромке зарослей, прошли, как мне показалось, не менее полкилометра, спустились в неглубокую сухую балку. Чтобы не потерять главный ориентир – реку, хотели было повернуть назад, но внезапно с другой стороны этой балки послышались надсадный вой мотора и какие-то голоса. Мы насторожились, но в криках не могли разобрать ни единого слова. Перешли балку, и здесь стон мотора слышался явственнее, крики отчетливее. Ни у кого не оставалось сомнения, что кричат: «Раз, два – взяли!»

Мы подошли ближе и кто-то из наших разведчиков окликнул:

– Эй, чалдоны, вы кто такие?

Голоса смолкли и мотор заглох. Тишина какая-то подозрительная наступила, но эта тишина, возникшая внезапно, безотчетно насторожила, но не успела породить осознанного чувства опасности.

– Кто такие? – строго спросил Суменков и в ту же секунду хлопнул выстрел ракетницы. Ракета не успела вспыхнуть, только белый светлячок стремительно рванулся в небо, а мы уже упали на землю.

Желтовато-белый ослепительный свет разлился над нами. Ракета шипела и падала сзади нас. В ее свете мы тоже успели рассмотреть большую крытую машину, человек пятнадцать солдат у ее кузова, а на брезенте черный крест, окантованный белой краской. Кто-то из ребят вкатил длинную автоматную очередь, и тут же темнота лопнула искрами и треском выстрелов, в небо одна за другой летели ракеты. Я, как нас учили, мгновенно откатился в сторону и тоже ударил очередь по мотору, по шинам, по стрелявшим в нас людям. Эта встреча, сумасшедший автоматный огонь были внезапны, неожиданны, и мы не выдержали и побежали назад к балке. Нас преследовали и непрерывно стреляли, но солдатское счастье и на сей раз было на нашей стороне – никого не задела пулей.

– По краю балки в цепь! – закричал кто-то громко, видимо, Суменков, но я не узнал его голоса.

Позади нас стало расплываться оранжевое копотное пламя загоревшейся автомашины. В свете пламени мы видели, что она еще больше накренилась, видимо, мы пробили ей скаты. Разгоравшееся пламя служило нам ориентиром. Разведчики залегли по краю балки, прикрываясь ее откосом, и шесть автоматов открыли дружный огонь. В свете очередной ракеты и разгоревшегося яркого огня увидел, как один из преследователей взмахнул руками и упал на бок. Кто-то еще закричал, и мы ударили снова. Но в это время в кромешной темноте справа от нас сверкнули вспышки выстрелов. Пули смачно зашлепали по земле, зазвенели, тонко завывали, срикошетив о камни. То было ясно, что нас стараются обойти по балке, и мы побежали наискось к другому ее краю. При всполохах ракет мы падали на землю и лежали среди злобно визжащих пуль. Когда очередная ракета гасла, мы снова бежали. Выбрались на другую сторону балки и побежали в сторону реки. В нас стреляли непрерывно, нас преследовали, но темнота спасала нас. Мы бежали по какому-то лугу или полю, сухая высохшая трава и ползучие плети на земле цеплялись за ноги, мешали бежать. Нас упорно преследовали, а мы огрызались короткими очередями и эти очереди держали противника на расстоянии.

Еще немного, еще метров сто пятьдесят и вот она, белая от пены река. Страшно: совсем темно, за спиной горит машина – вот и весь источник света. Земля и небо словно из сажи и сзади только колючие искры выстрелов.

– Савельев, попробуй реку! – прокричал Суменков.

Савельев сполз с невысокого каменистого обрыва, шагнул в воду.

– Холодная, сволочь! – расслышали мы его голос.

Правее нас и перед нами взвились в небо сразу две ракеты. Мы ударили на встречу преследователям длинными очередями.

– Давай за Савельевым, река неширокая! – снова крикнул Суменков, и мы полезли в воду. Вода действительно оказалась мелкой: под ногами большие камни, некоторые опасно качаются. Вода буквально обжигает холодом кожу, сбивает с ног, брызжет пеной, шумит меж камней. Вдобавок темень, не видно, куда шага-

ешь. Я шагнул и провалился в воду по пояс, между двумя камнями, через которые летела стремительная вода. Мгновенье – и вода сбила меня с ног, я окунулся и меня тут же больно ударило о камень. Я попытался схватиться за камень руками, но поток перекатился через голову, сорвал пилотку и второй раз я ударился уже спиной и боком. Меня несло течением, и я все никак не мог зацепиться. Глотнул воды, закашлялся, ноги беспомощно перелетали через какие-то камни и, наконец, дно – ноги почувствовали небольшой галечник. Я рванулся что было сил и, наконец, выскочил из стремнины, сделал несколько шагов и снова провалился по пояс, нога попала между двух камней, больно ушиб колено, но вытащил ногу. Еще несколько шагов и вот он, берег. С трудом выбрался по осыпающимся камням и глине.

– Федька, Федька! – кричал кто-то и, судя по всему, бежал по берегу ко мне.

– Здесь я.

– Живой?

– Вроде.

– Давай помогу. Я гляжу, а тебя уже крутит!

Дорогой мой Золотов Витька.

С другого берега стреляли, но огонь был редким, пули взвизгивали в стороне, а мы, искупавшись в ледяной воде, торопились прочь от берега.

Немецкие солдаты больше нас не преследовали. Вдали еще виднелся огонь догорающей немецкой автомашины, а мы шли по ровной степи. Было нестерпимо холодно. Табак, спички – все промокло. Но люди все были целы.

– Этот проклятый Терек! Ну куда от него. Одежду бы отжать, – ворчал кто-то.

Но мы шли и шли по черной темени. Суменков не делал привала, справедливо полагая, что лучше всего найти какой-нибудь дом. С одежды ручейками стекала вода, вода хлюпала в ботинках и в сапогах, и каждый, мучимый водой и холодом, невольно прибавлял шаг.

– Стой, кто идет? – вдруг раздалось из темноты.

Впереди на фоне неба чуть виднелось что-то черное, не то копна, не то шалаш какой.

– Свои.

– Пропуск!

– Пропуск ему... А ты ответ-то знаешь? – спросил кто-то из ребят.

– Стой! Стрелять буду!

– Курок. Отзыв?

– Какой курок, какой тебе курок?! Стой! – снова раздалось в темноте.

Все-таки потом разобрались. Оказались действительно свои, только пропуск они знали еще вчерашний. В ночной непроглядной темени, в ровной, как стол, степи, стояла 76-миллиметровая пушка. Огневая была мелкая – еще необорудованная. Пушка стояла почти не окопанная. Рядом на небольшом островке кустарника чуть виднелись снарядные ящики, тут же на земле спали артиллеристы.

Услышав нашу перебранку с часовым, ребята проснулись. Командир расчета представился Суменкову. Молодой общительный парень угостил нас табаком, дал прикурить.

– Да вы что, правда купались? – удивился старший сержант, командир расчета.

– Купались. Стрельбу слышал? Ракеты видел?

– Я видел, – подтвердил часовой. – Должно, на передовой, или это вы набаламутили?

– Во чудо-то! – не выдержал Золотов. – Да знает ли твоя голова, что впереди вас ни единого нашего солдата нет?

– Как это нет? – в свою очередь удивился командир расчета.

– Так вот, браток, – и нет никого. Вы и есть та самая передовая. А потому ушами здесь не хлопайте. Во дела! Там, в поселке, саперы дрыхнут, здесь артиллерия думает, что впереди нее пехота оборону держит! – покачал головой Суменков.

Тягостное молчание длилось недолго. Суменков посоветовал командиру расчета поднять ребят и на всякий случай хотя бы окопы вырыть, снаряды укрыть. Старший сержант сказал, что позади них, метров триста, дорога на Нарт.

Обсушиться нам удалось только в Беслане. Не пришлось нам и двух часов вздремнуть, как пришлось снова идти в Нарт. По чьим-то данным, в Нарте противник.

В Нарт мы пришли в сумерки. Пожилая осетинка попросила нас набить штук пять уток.

– Все равно, если придут немцы, то побьют и птицу, и нас, – заключила женщина.

С нами на сей раз в группе был и Хорьков. Эту деликатную задачу поручили ему. Через минуту прогремела автоматная очередь, и послышалось всполохное квоктанье кур.

Мы попросили сварить подстреленных уток, а сами, не теряя времени, пошли к Фиагдону. Мы получили ориентировку, что в Фиагдоне противник – но это необходимо было проверить. Судя по задачам, которые мы выполняли, командованию обстановка была не ясна, связь нарушена. Противник мощным танковым тараном проломил оборону в Эльхотовых воротах, занял Дигору, Ардон, Алагин, Рассвет. Танковые и пехотные соединения врага рассекли нашу оборону. Часть наших войск оказалась прижата к горам, а наша бригада укреплялась по берегу Терека, хотя огромное пространство от Нарта до Беслана никем не оборонялось, кроме забытых богом и командованием случайных подразделений.

Вышли из Нарта и опять наткнулись на какую-то неширокую речку. Почти стемнело. Усилился ветер. Появились разрывы в тучах, в которых заблестели звезды. Мы шли вдоль невысокого берега речки, дошли до брода. Здесь в речку упиралась проселочная дорога, черной полосой она вылезала из воды на противоположный берег и уходила куда-то в потемневшую степь.

– Ну что, хлопцы, давай, вперед в воду, – не скомандовал, а просто сказал Суменков, ни к кому не обращаясь.

Золотов шел в головном дозоре. Он первым подошел к воде, посмотрел на перекат, вернулся, сел на землю и начал разуваться.

– Ты что, разуваться собираешься? – удивился я.

– Угу. Боюсь ножки промочить, – невозмутимо ответил Золотов.

И тут произошло что-то совершенно неожиданное. Хорьков тоже сидел на земле. Он вдруг поднялся и, коротко размахнувшись, кинул в середину реки гранату-лимонку. В воздухе щелкнул, как выстрел, сработавший запал.

– Ложись! – крикнул Авдеев и бросился на землю.

Я свалился за небольшой камень. Хлестко ударил взрыв.

– Ты что, уркаган, сдурел? – грозно наступал на Хорькова Авдеев.

– А что я, а что? Сами говорили – не летят из воды осколки, – оправдывался Хорьков и пятился от наступавшего на него Авдеева.

– Оставь этого дурилу, – примирительно сказал Суменков. – Если вернемся, я с ним сам изучением оружия займусь.

Мы перешли эту речку наткнулись на другую. Ребята дико матерились, вспоминая и войну, и Гитлера, и господу Бога, который устроил на земле так, что где воды не найдешь, а где одни сплошные Тереки...

На сей раз нам далеко пройти не удалось. Впереди нас, очевидно, был поселок Фиагдон. Там горели дома, слышались выстрелы. Из черной степи вдруг затарахтел немецкий пулемет. Красные искры трассирующих пуль рассыпались по степи левее нас. Небо полыхало пламенем осветительных ракет. Сомнений не было: фашисты, вероятно, еще днем захватили Фиагдон и их ударные части продвинулись далеко на юг, в сторону Орджоникидзе или Дзауджикау, как теперь он значился на картах. Порыскав по степи, часам к трем ночи мы вернулись в Нарт и постучались в дверь знакомого дома. Пожилая осетинка ждала нас. Пока мы выжимали мокрые портянки, переобувались, потом вымыли руки, женщина накрыла стол. На тарелках лежали куски вареной птицы, маринованный чеснок, какая-то очень острая подлива. Сама хозяйка за стол не садилась. Она обслуживала нас, непрошенных гостей.

– Где ваша молодежь, где мужчины? – любопытно спросил кто-то из бойцов.

Женщина вздохнула, помолчала и ответила:

– Те, кто может воевать, воюют. Остальные ушли.

– А вы почему остались?

– Это мой дом. В доме должен кто-то оставаться.

– Не боитесь?

– Что мне, старой, бояться? Смерть и так стоит за моими плечами. А потом, я думаю, что если придут немцы, они, конечно, все будут грабить. Ну не станут же они воевать со старухой! На земле нет мужчины, который может поднять руку на старую женщину.

– Ой, мать ты моя родная, – вздохнул Савельев, – живешь ты по своим горским законам и думаешь, что весь мир таков. Я уважаю ваши законы и ваш народ, но у фашистов совсем другие правила. Они не считают нас за людей, мы для них хуже скотины. Поостереглась бы ты, мать. Уходи в Беслан. Отгоним немцев – вернешься. Хочешь, мы проводим и поможем тебе.

Женщина помолчала и при свете коптилки было видно, как губы ее скривились в горькой усмешке.

– Не сердитесь на старую женщину, – тихо сказала она, – сколько времени вы бежите от немцев, сколько осталось у него народа... Не надо меня провожать. Я никуда не уйду, я лучше умру у своего дома. Вы кушайте. Вам нужно много силы, чтобы прогнать врага. Кушайте!

Да кусок жирной утки застрял в горле от слов осетинки. Если подумать – права она. От Львова до Орджоникидзе драпаем и еще утешаем ее. Зря она нас кормит, не заработали мы этих уток. Видимо, не одному мне пришли в голову эти невеселые мысли. Суменков резко поднялся, вытер рукавом телогрейки губы, о какую-то тряпку руки и коротко бросил:

– Кончай ночевать. Пошли!

– Ты что, начальник, дай доест! – запротестовал Хорьков.

Но ребята уже поднялись, поблагодарили хозяйку, загремели оружием и пошли к двери.

– Имей в виду, мать, бои здесь будут тяжкие, только шею фашистам мы здесь ломаем.

От россыпи звезд на небе вроде и на земле стало чуть светлее. Мы пошагали снова к Беслану. Все бы закончилось тихо и без приключений, никто из разведчиков уже не вспоминал о нелепой выходке Хорькова с гранатой. Он плелся позади всех. Неожиданно кто-то заметил в руках Хорькова что-то большое и белое. Оказалось, он украл у старой осетинки еще пару гусей, предварительно открутив им головы. Нечего не сказать – ловко и быстро у него это вышло. Что было делать... Прошагали уже километров шесть.

– Сволочь ты, Хорьков! – заключил Савельев. – Ни совести, ни соображения у тебя ни черта нет. «Спасибо» должен сказать, что старуха накормила тебя. А ты... Как ты ей в глаза смотреть будешь?!

– Ну что, что?! Опять на Хорькова! На хвост соли я вам насыпал? Да что там все про глаза мне голову морочишь! Не буду я смотреть в ее зенки!

– Заткнись, гад! Схлопочешь ты у меня. Я тебе голову откручу и все скажут, что так и было. Понял? Проститутка паршивая...

Витька Золотов побелевшими руками уже вцепился в свой автомат и его тупой ствол угрожающе уставился своим черным глазом в грудь Хорькова. Тот оторопело замолчал и отступился шага на два.

– Золотов! Перестань, не связывайся с дерьмом! – строго сказал Суменков.

Золотов молча повернулся спиной к Хорькову и молча пошагал за Суменковым.

Стало светать. Чуть поодаль, позади разведгруппы, шагал Хорьков и упрямо тащил двух белых птиц.

* * *

До завтрака нам удалось поспать часа два. После завтрака была политбеседа о текущем моменте и о борьбе с танками. Текущий момент ясен: союзники восхищаются нашим мужеством и воюют с Роммелем* в Африке. Судя по всему, там сил у фашистов чуть меньше, чем здесь, в Северной Осетии. Тяжелые бои под Туапсе и под Сталинградом. Вот это пахнет тревогой: прохлопаем – так бог весть как дела да и вся война обернется. Ну, а у нас так все прямо богатыри и непонятно, чего мы драпаем. Всем нам должны выдать пол-литры с зажигательной жидкостью. Если танк на тебя лезет – плюнь и не волнуйся. Подпускай его метров на пятнадцать-двадцать спокойненько так, как на перекуре, зажигай спичку, подпали специальный шнур и кидай пол-литру в танк. Попадешь – конец танку, не попадешь – зажигай другую спичку и не торопись, куда он, этот танк денется!

Интересно, тот, кто сочинял эти инструкции, живой немецкий танк видел или нет? Он на тебя, сволочь, кинется - из пулемета сечет, пушкой рубит, а ты с пол-литрой!

* * *

Рота наша по-прежнему располагалась в посадочке у железной дороги. День стоял солнечный, ясный, и Казбек в синем небе снегами сверкает, и без бинокля видно, как на его острой вершине седая прядь развеивается – метель метет. Перед обедом в роту прискакал Натынов, о чем-то поговорили потихоньку с Рябчуновым, а потом собрали всю роту.

* Роммель – немецкий генерал-фельдмаршал и командир войск Оси в Северной Африке.

– Ну, орлы, работки теперь вам хватит, – объяснял Натынов. – Немцы взяли Рассвет, Фиагдон, Санибу. Бои идут на подступах к Гизели, а это, считай, почти окраина Орджоникидзе. В Гизели моряки дерутся – эти не подведут, эти не то, что некоторые... Есть сведения, что противник уже на окраине станицы Архонской, занял МТС. Не исключено, что его передовые части, автоматчики сегодня уже прочесывают станицу. Ваша задача: проникнуть в Архонскую и постараться выбить противника из МТС. Из данной станицы за вами следом начнут движение батальоны бригады. Будут направлены две разведгруппы: первый взвод поведет Надирян в район южной окраины Архонской и МТС; второй взвод – на северную окраину и в район мельницы поведет Рябчунов. Если противника в станице нет – немедленно послать каждой группе связных, Рябчунову подобрать место для расквартирования роты. Если в станице противник – дать серию красных ракет и завязать бой. Батальоны пойдут за вами. Понятно?

– Так точно, понятно.

– Если понятно, действуйте.

Натынов ушел. Рябчунов приказал обозу во главе с Медвинским и с больными разведчиками оставаться пока на месте. Разведчикам выдать сухой паек на сутки и по 200 грамм вина. Вино приказал не пить до завтрашнего обеда.

Наученные опытом боя за высоту «Нефть», мы старались по возможности больше запастись боеприпасами. Пообедали на скорую руку и пошли. В каждом взводе, представлявшем теперь разведгруппу, было человек по 15-17 – это все-таки сила.

Солдат на подъем быстр, а разведчик – тем более. Шагали двумя группами к Беслану. Впереди шагал Суменков – он на местности ориентируется здорово. В нашей группе были Авдеев, Бельтюков, Селиванов, веселый молодой парень в матросской бескозырке, Пашка Давыдов – трепач и балагур.

Солнце склонилось к зубчатой шапке высоких гор, они стали загадочно синими, словно вырезанными из бумаги, только их снеговые шапки по всей нескончаемой цепи сверкали голубым и золотистым огнем.

Шли быстро. Любое наше промедление могло кончиться для нас плохо. Если немцы в станице, то они организуют оборону по окраинным садам и домам и встретят огнем. А если их еще там нет, ну, тогда зацепимся мы.

Надирян шагал и тихо напевал свою любимую песню. Мы шли по притихшим узким улочкам Беслана, громко разговаривали, а город притаился, затих в напряженном ожидании крупных событий. Многие дома разбиты, другие стоят, явно покинутые хозяевами. На улицах воронки. Побеленные стены домов, как оспинами исковырены осколками. Навалены телеграфные столбы, на дороге перепутанная спираль проводов. Тяжелая, страшная картина, и видели мы ее уже в Плановском, в Эльхотово и вот теперь здесь, в Беслане...

Прошли город, вышли на его западную окраину. Здесь поле, а за ним гремел беспокойный взлохмаченный Терек, перекатываясь через скрытые под водой камни. По берегу Терека окопы, и их все копают – трудятся наши бойцы. Через Терек деревянный мост. У моста, как положено, охрана. В стороне по бокам дороги противотанковые пушки, на поле огневые зенитчиков.

– Стой, документы! Что за часть? – строго спросил незнакомый старшина.

– Слушай, дорогой, ты документы спрашивай у тех, кто от фронта идет, а кто к фронту – тем широкая дорога. Понял, да? – сразу же закипятился Надирян.

– Нет у нас документов. И не мешай, старшина, – веско и решительно заявил Рябчунов. – Документов нам не положено носить с собой. А все справки можешь в штабе навести. Рябчунов моя фамилия, не забудь. Я командир роты. Понял?

Старшина посмотрел на всех нас каким-то скрытым недоверием и боязнью и как-то неуверенно произнес:

– Виноват. Приказ у меня, товарищ старший лейтенант, проверять здесь вот...

– У нас тоже приказ – и не проверять, а воевать. Не мешайтесь, старшина!

Старшина отошел к краю перил, а мы застучали каблуками по деревянному настилу.

Как ни чудно, но разведчики очень часто попадают в нелепые ситуации: то какой-нибудь заградотряд задерживает группу при возвращении, то требуют документы невесть зачем, когда их приказывают сдавать, даже письма оставлять у писаря. Правда, некоторые ребята, тоже неизвестно почему, документы не сдают и это происходит без всяких последствий.

Мы снова пошагали полем. Поле не очень большое, и километра не будет, а за ним широко раскинулся поселок Фарн. Поселок, видно, новый – дома одинаковые, крытые шифером, садов мало, улицы неширокие.

– Вот слушай, ребята, я вам один анекдот расскажу, – начал Надирян. Он был молодым, очень общительным и хоть неопытным, но очень хорошим парнем:

– Однажды Карапет говорит своей жене: «Дорогая, я командировка Тбилиси поехал, ты меня три дня жди, из дома не выходи к соседу Ашоту, ворота совсем не открывай». Понимаешь, Карапет был старый и хитрый, а Ашот – молодой и нетерпеливый...

Я понял, что армянские анекдоты, как веселые сказки Шахерезады – не имеют конца. Конец смешной очередной сцены обязательно был началом последующей. Надирян рассказывал громко, восторженно, первый смеялся заразительным веселым смехом...

Мы прошли притихший Фарн и совершенно было непонятно, живет кто-нибудь в этом поселке или нет. И здесь воронки, перепутанные провода, убитая лошадь со вздувшимся животом и растопыренными ногами. От Беслана до Архонской километров двенадцать, километрах в двух с половиной этот Фарн, а дальше ровная степь, подернутая синеватой предвечерней дымкой, золотистое закатное небо и потемневшие, загадочные, остроконечные горы. Разведчики шли молча, и только Надирян все не мог закончить рассказ своего веселого анекдота. Где-то впереди раскатисто гремели далекие взрывы – кто там продолжал воевать, даже начальству было непонятно.

– Тихо, Надирян, давай послушаем, – сказал Рябчунов.

Все сгрудились у края дороги и молча слушали отголоски боя. Замерцали в небе первые ракеты.

– Вот они где, субчики. Пошли вперед.

Вышли на край сухой балки, дно которой, поросшее травой, было усеяно белыми камнями. На противоположном крае снова остановились, прислушались. Взрывы снарядов, ленивые дежурные пулеметные очереди стали слышны ближе, но впереди никто не заметил ничего подозрительного.

– Давай, в балке привал десять минут. Надирян и Суменков, со мной. Пошли, посмотрим.

Командиры ушли наверх, а мы под крутым, но совсем неглубоким склоном

устроили перекур. По моим подсчетам прошли мы более половины дороги, но пока не встретили ни своих, ни противника. Нечего сказать – обстановка! Такая станция и оказалась без присмотра!

Откуда мне было знать, что фашистские войска, вырвавшись за Эльхотovy ворота, встречали незначительное сопротивление разрозненных, не имеющих надежной связи частей. Танковый таран противника опрокинул жиденькую оборону в районе Алагира–Ардона. Танки переползли по найденным бродам реку Ардон, смяли отчаянно сопротивлявшиеся наши части в совхозе «Рассвет», в Дзуарикау, им удалось форсировать Фиагдон. Основные силы противника двигались по дороге Дзуарикау, Майрамадаг, Нижняя Саниба, Гизель. Танковые и пехотные части противника были контратакованы морскими пехотинцами в районе Майрамадага. Тяжелые бои гремели в районе ниже Санибы и Гизели. Несмотря на отчаянное сопротивление наших частей, противник овладел поселком Гизель и перестрелка гремела уже в двух-трех километрах от окраины Орджоникидзе. По северной окраине уже вели огонь немецкие минометы.

Командующий немецкими войсками Клейст все резервные части, все танки сосредоточил на острие своего всесокрушающего клина. Но уже с рубежа Дзуарикау–Рассвет фронт прорыва сузился до опасных пределов, и фланги защищались растянутой жидкой цепочкой. Правда, Клейсту доложили, что у русских больше нет резервов. От Эльхотovy ворот до Гизели оборонялись отдельные группы солдат, не обеспеченные связью. Клейст мог бы повернуть свои войска на Брут, на Беслан, но это мелкие цели. Город Орджоникидзе, столица северной Осетии – вот цель. Цель – дорога на перевал Крестовый через Дарьял, дорога на Грозный. О, здесь будет о чем докладывать фюреру.

Командующий закавказским фронтом генерал Петров, в свою очередь, прилагал все силы, чтобы ликвидировать прорыв, остановить врага, во что бы то ни стало удержать Орджоникидзе, то бишь город Дзуаджикау.

Резервов по существу не было. Берия держал свои хорошо укомплектованные части в районе Балты, но Петров не имел права распорядиться ими. Он представлял, какую информацию получила ставка о положении дел на Кавказе. Петров постоянно чувствовал растущее недоверие к себе со стороны Верховного и это недоверие умело подогревалось весьма влиятельными людьми. Поди объясни, что у него, у Петрова, во много раз меньше сил, чем у стоящего неподвижно центрального фронта, нет подготовленных оборонительных рубежей. Петров мог полагаться только на собственные, очень ограниченные силы. Прорыв к Орджоникидзе противник обеспечил тараном из двухсот танков, нескольких мотодивизий, наступление поддерживали более двухсот самолетов и это не считая двух румынских дивизий. Если бы только половину таких сил имел Петров, фашисты никогда бы не прорвались через Эльхотovy ворота, более того, он бы повел войска в наступление.

Сейчас, оставив всего лишь одну дивизию на участке от Эльхотова до Малгобека, Петров пошел на страшный риск: снял две бригады и бросил их на прикрытие открытого фланга от Дарг-Коха до Гизели и Ногира. Нужно удержать Дарг-Кох, Брут, Нарт, Беслан, Архонскую. Одна бригада была еще на марше, другая стянула батальоны у Беслана и сегодня ночью прикроет ими Архонскую-Нарт. Дальше будет видно.

Отлично действовал дивизион «Катюш»: своим губительным огнем они накрыли фашистские части на переправах через реку Ардон, в районах Дзуарикау, Фиандона, Гизели. Одна реактивная установка каким-то образом осталась у фашистов в тылу. В этом случае расчет обязан был взорвать машину и уже своими силами прорываться из окружения. Расчету отставшей машины повезло: вначале их немцы просто не заметили. Проселками они выбрались к населенному пункту, который был только что занят противником, за ним, за этим поселком, были уже свои. Расчет, сохранив полностью боевой заряд на направляющих «рельсах», на полной скорости ворвался в занятый противником поселок и в упор, можно сказать прямой наводкой, стал пускать мину за миной. Хвостатые, чудовищные огненные кометы летели вдоль улицы, рвались со страшным грохотом, рассыпая вокруг тысячи раскаленных, сокрушающих осколков и миллионы огненных брызг. Немцы бросились бежать и только уже вдогонку послали несколько бесполезных пулеметных очередей. «Катюша» вырвалась к своим. Случай необычный, но ни одного солдата невозможно было в чем-либо упрекнуть. Артиллеристы, пехотинцы, минометчики, экипажи редких танков, летчики дрались самоотверженно и зло, и то был главный резерв генерала Петрова.

Об этом, к сожалению, стало известно много позже. А в те часы разведчики закончили короткий перекур и снова пошли вперед по обочине дороги. Справа от дороги увидели древний невысокий, метров семь-восемь, курган. Залезли на него. В последних закатных отблесках увидели светлую полосу реки и утонувшую в вечерней темноте станицу Архонскую. Ракеты летели там, за станицей. Неужто там нет противника? Редкая удача. Видно, Клейст тоже выдыхается.

Рябчунов пытался в бинокль рассмотреть подробности, но, увы – стемнело.

– Теперь осторожно, смотреть в оба. Я иду справа от дороги, Надирян – слева. Выслать вперед головные дозоры и не отпускать их от основной группы больше чем на пятьдесят метров.

Дальше шли молча. Черная тень станицы приближалась. Там ни огонька, ни собачьего лая, ни одного звука. Где-то бьет пулемет, взлетают редкие ракеты. Левее, дальше к Гизели, гремит бой, там грохочет артиллерия, непрерывно летят ракеты и служат нам хорошим ориентиром.

Все ближе невысокие заборчики из каменного плитняка, черные крыши и черные силуэты деревьев. На горах погасли отблески вечерней зари, и только великан-Казбек еще на вершине хранит какое-то призрачное, странное, розоватое сияние; оно, это сияние и крупные дрожащие в небе звезды, чуть освещают местность. Зацепиться бы. Хоть за один забор зацепиться, тогда легче – есть укрытие. Только бы не вспыхнула сейчас вот ракета, только бы не резанул длинной очередью пулемет вот сейчас, в ту же самую минуту. Осталось до первого забора всего метров сто пятьдесят, сто... Вот он, первый заборчик, совсем рядом. Без команды развернулись цепочкой и тяжело бежим вперед... Стоп. Вот он, милый. Холодные камни пятнами стоят сплошной стеной высотой по пояс. За забором видно какой-то огород и сад. Тихо. Всё! Теперь зацепились! В случае чего, нас теперь тоже не так легко выкурить – мы тоже кусаться умеем. Недолго раздумывая, мы перемахнули через этот забор, прошли огородом, садом. Рядом затаился домик с камышовой крышей, она закрыта ставнями, жиденькое крылечко. Калиткой вышли в узкую улочку. Взяли вправо, снова вышли на дорогу. Но здесь улица широкая, очень широкая и

идет чуть под откос. Архонская разделена неширокой, но быстрой речкой. Журчит вода на перекате. Мост деревянный целый. Обшарили вроде всё, противника нет. Во многих домах жители, даже малые дети. Жители перепуганы, бой гремит где-то рядом. Днем по Архонской из пушек лупили. Несколько домов разбито, но немцев никто не видел. Проверили мост – ни мин, ни взрывчатки не обнаружили. Да и что этот мост минировать, когда рядом с мостом перекат и совсем неглубокий брод. Так что, разрушенный мост – не задержка.

На другой стороне Архонской обстановка такая же. Вышли на юго-западную окраину. Снова тихо. Впереди неубранное кукурузное поле, за ним примерно в полукилометре, а то и меньше, черные силуэты каких-то невысоких строений. По словам жителей окрестных домов, это и есть МТС. Здесь, по мнению Натынова, совершенно точно засели немцы. Но пока не вяжешься в бой, определенного ничего сказать нельзя. За МТС, стоит лишь перейти неширокое выпаханное поле – нефтебаза за длинной посадкой вдоль какой-то дороги.

– Как пойдём? – просит совета Надирян.

– Темно. Ни шута не видно. Пошли развернутым строем. И давай поторапливаться, – советует Авдеев.

Его поддерживают, он мужик опытный. Действительно, поторапливаться нужно – ноябрьские ночи длинные, а здесь ночь пролетела как-то незаметно, даже пока по станице бродили. Шапка Казбека снова зарумянилась, только теперь с другой стороны. Скоро, очень скоро рассвет. Нужно торопиться. Вся разведгруппа разворачивается редкой цепочкой, Надирян с Авдеевым посередине.

– Пошли. Вперед, ребята, – тихо говорит Надирян.

Они с Авдеевым идут прямо по дороге, я топаю по кукурузному полю. Кукуруза какая-то низкорослая и негустая, но стебли трещат под ногами. Строения все ближе. Уже можно рассмотреть одноэтажное длинное здание, дверь, по обе стороны черные квадраты окон на светлой стене. И тихо: ни ракеты, ни выстрела. Осталось перебежать по открытому лугу до здания всего метров пятьдесят, и мы почти уверены, что в помещении нет немцев. Если бы они были, то непременно бросали бы ракеты, обстреливали местность из пулемета короткими дежурными очередями. Эти пулеметы мы слышим, ракеты видим, они взлетают недалеко от нас, но явно где-то за МТС. Теперь мы бежим, быстро, одним броском вперед и как можно быстрее.

Авдеев первым взлетел по трем ступенькам крыльца и что есть силы рванул ручку двери. Дверь неожиданно легко открылась. Авдеев отскочил от неожиданной легкости назад, но потом его сапоги загрохотали по темному коридору. Никого! Обошли все здание, за ним что-то вроде сарая без стен, длинная камышовая крыша на столбах, под крышей сложен кирпич, рядом под открытым небом какие-то бочки железные, бороны, еще что-то в темноте и видно плохо.

– Вроде никого нет, – шепчет Бельтюков.

Действительно. Говорили, что МТС занята немцами, а здесь пусто, и в спальне их нет. Наваждение какое-то. Может, их выбил отсюда кто-нибудь. Но вроде следов боя не видно. Стало светать. Золотистым светом загорелись снежные вершины гор, а Казбек засверкал своими снегами на почти черном предрассветном небе. Красиво... Эх, кабы не война!

Решили перекурить и подумать, что делать дальше. Лучшего места для перекура, чем само помещение МТС и придумать трудно.

Вошли в какую-то дверь. У окна ободранный письменный стол, по сторонам еще две двери, на одной табличка: «Главный инженер», на левой двери – «Директор». Что-то милое, ушедшее и совсем довоенное звучит в этих словах.

Собрались в кучу, расселись на стульях и клеенчатом диване. Савельев уселся в директорское кресло за большим письменным столом. Закурили. В чуть посветлевшую комнату заглянул где-то замешкавшийся Авдеев. Своей грузной фигурой бородатый великан загородил всю дверь. Он тщетно высматривал местечко, где бы ему пристроиться.

– Товарищ Авдеев, я еще занят. Подождите в комнате секретаря. Я вас вызову, – солидно произнес Селиванов.

Авдеев что-то проворчал и действительно вышел из кабинета директора, а ребята дружно покатались со смеху. Селиванов, почувствовав, что нашел смешную тему, продолжал весело дурачиться. И откуда что бралось у него – артист и только. Он нашел карандаш в пластмассовом стаканчике на столе, постучал им по зеленому сукну письменного стола и солидно вымолвил:

– Хватит, хватит, товарищи. Пошутили и хватит. Наше производственное совещание считаю открытым. Нам необходимо разобрать два вопроса: об итогах уборочной и подготовке к весенней пахоте.

За окном светлело. В кабинете стоял синий табачный дым, со стены с укоризной смотрел с портрета прищуренными глазами забытый портрет Сталина. Ребята занимало дурачество Селиванова и все невольно подыгрывали ему.

– Итак, товарищ Подосенов, почему на полях кукуруза осталась? Только не оправдывайтесь, не надо, не сваливайте на технику – ее всем не хватает, но все же отчитались и план перевыполнили, а у вас что?

Подосенов затянулся сигаркой и важно произнес:

– Отчитаться и я могу, мне это раз плюнуть, а та проклятая кукуруза с подсолнечником как стояла так и стоит и у нас, и у соседей. Ей, кукурузе, что? Она и до весны будет, с нее бы пример брать...

– Вот так всегда, – перебил Селиванов. – Что теперь район скажет, что мы на районном собрании скажем? Товарищ Надирян, вы что на районном собрании предложите?

Младший лейтенант и веселый парень Надирян поддержал шутку и неожиданно ляпнул:

– Ай, дорогой, я предложу избрать почетный президиум.

– Правильно, товарищ Надирян. Хоть один умный нашелся. А то послушаешь Подосенова, так и вправду подумаешь, что нужна кому-нибудь эта кукуруза, когда мы все на великом пороге и со знаменем. Вы это учтите, товарищ Подосенов! Товарищ Золотов, а вы что задницей крутите? Что штаны протираете, как у вас с подготовкой?

– У меня уже две пол-литры подготовлены.

– Молодец, товарищ Золотов, предлагаю от имени и по поручению по двести грамм тяпнуть, тем увереннее мы справимся с полученной задачей. Товарищи, кто воздух испортил? Что это за шуточки? Вы где находитесь?! Откройте окно, кто там поближе.

Окно распахнули. В комнату пошел холодный, чистый воздух.

В углу на тумбочке стоял старый телефон без диска. Селиванов наклонился,

взял трубку и в этот момент раздалась оглушительная пулеметная очередь, зазвенели разбитые стекла, посыпалась известковая штукатурка.

– Так! – прокомментировал Селиванов. – Товарищи, разрешите объявить перерыв для подготовки резолюции...

Ребята вылетали из комнаты на улицу и осторожно выглядывали из-за углов. Подосенов махнул мне рукой и мы, пригнувшись, побежали к сараю с кирпичом. Едва добежали, как по кирпичу ударили пули, красная пыль поднялась, полетели кирпичные крошки.

– А это из автомата саданули, это где-то здесь близко, и нас они, сволочи, видят.

Едва Подосенов выглянул из-за кирпича, как снова у него над головой ударили пули. Он мгновенно спрятался. Я обошел сложенный кирпич с правой стороны. В меня не стреляли – очевидно, не видели. За мной уже бежали, пригнувшись, Авдеев, Бельтюков. Надирян заряжал ракетницу и стрелял в небо. Высоко у нас над головами вспыхивали яркие красивые звезды и там, в зените, они теряли канувшие в лету розовые капли.

Наш сарай с кирпичом закончился, и метрах в двадцати мы увидели второй такой же. Там стояли и лежали на боку какие-то железные бочки и были сложены штабелями ящики. Авдеев обогнал меня и бросился бежать к тому сараю. И тут произошло что-то очень быстрое и непонятное. Я побежал за Авдеевым, тот уже добежал до сложенных ящиков, и вдруг из-за штабеля выскочил здоровый немецкий солдат, он был в пилотке с автоматом в руках. Секунда и... непостижимо быстро Авдеев отскочил в сторону и ударился спиной о штабель с ящиками. Стопка ящиков, поставленных друг на друга, качнулась, и верхние полетели вниз. Какой-то ящик ударил Авдеева по голове и отлетел прямо на рослого немца. Тот на мгновение инстинктивно поднял автомат, чтобы загородиться от ящика, и в ту же секунду Авдеев пустил короткую очередь. Все произошло за какие-нибудь две-три секунды. Я подбежал к Авдееву и тут по бочкам ударили автоматными очередями. Бочки загудели и зазвенели от пуль.

– Вон они! Бей их! – закричал Авдеев.

В конце сараев был еще небольшой штабель пустых ящиков и там замелькали человеческие фигурки. Из нескольких автоматов мы ударили по ящикам. Пули пробивали их, послышался крик раненого, и мы увидели еще двоих немцев, которые убегали через неширокое поле к посадке.

– Бей по ногам их!

Затрещала скороговорка наших автоматов, из-под ног немцев брызнула земля, и один из них упал, другой продолжал бежать. Еще несколько очередей – споткнулся второй и упал вниз лицом. Раненый пополз по открытому полю и что-то гортанно кричал. Двое разведчиков бросились за раненым, выскочили на открытое место и тут из недалекой посадки, за которой тоже виднелся то ли сарай, то ли еще что, длинной очередью ударил пулемет. Один из разведчиков упал, скошенный этой очередью, а на нем еще вздрагивала ватная куртка от бивших в нее градом пуль. Второй успел отскочить назад и залечь за ящиками.

– Уйдет, гад!

Бельтюков с колена ударил длинной очередью по уползающему немцу, тот выгнулся, а потом беспомощно уткнулся лицом в черную, как смоль, землю.

Немецкий пулеметчик еще долго молотил уже безжизненное тело нашего товарища, а мы ничего не могли сделать и не могли вытащить его назад.

– Давай назад! – крикнул Авдеев. Он схватил за ворот тужурки кричавшего раненого немца, у которого оказались перебиты ноги, и бегом потащил его, прикрываясь штабелями кирпича к дому МТС.

Пулемет бил, не умолкая, звенели от пуль простреленные бочки, крошился кирпич, и красная пыль стояла над штабелями, со стены здания МТС сыпалась штукатурка.

Мы укрылись за зданием МТС, по углам залегли ребята с автоматами наготове. Фашисты открыли минометный огонь. Мины рвались у сараев, взрывами раздирало пустые железные бочки и звук взрыва усиливался, больно отдавался в ушах. Несколько мин рвануло в кукурузе за нами, и черный дым разрывов стелился над кукурузным полем.

– Во дают, во дают, мать их в бога! – ругался Вовка Золотов.

Значительно правее нас, на окраине станицы, тоже слышалась перестрелка – это, очевидно, Рябчунов со своими ребятами тоже ввязался в бой.

Раненый немец стонал, покачивая головой, на рукаве его френча тоже была кровь. Разведчики перевязали ему простреленные ноги, распоролы финкой рукав. Пуля разбила ему локоть – ранение болезненное. Немец не сопротивлялся, не отказывался от помощи. Это был рослый, худощавый парень лет двадцати. Он что-то лопотал по-немецки, но никто не понимал его слов.

Надирян послал двух связных обратной дорогой с задачей доложить об обстановке. На листке бумаги он лаконично написал: «В Архонской противник не обнаружен, силой до взвода пехоты пытался овладеть МТС, отбит с потерями. Взят «язык», но сильно ранен. Наши потери – один боец убит».

Раза два под аккомпанемент сильного минометного обстрела, сплошной пулеметной и автоматной трескотни фашисты поднимались в атаку, добежали до штабелей кирпича, но были отбиты и скрывались за вторым сараем. «Нейтралка» между двумя сараями была шириной не более 20-25 метров.

Шли часы. Светило невысокое, осеннее и ослепительно яркое солнце. Правее нас, на окраине Архонской, что-то загорелось, дым сносило в сторону. Впереди нас задымилась железная бочка, а через минуту-другую от них повалили клубы густого черного дыма. Пламя перекинулось на ящики, на камышовую крышу сарая. Черные пепельно-серые космы дыма переплетались, перепутывались и их сносило в сторону. Немцы, видимо, ушли со своих позиций, но откуда-то из-за посадки, не умолкая, бил немецкий пулемет. Он бил явно вслепую, бил по зданию МТС, по кирпичам, пули взбивали пыль с дороги, которая шла мимо МТС к станице, пули рикошетили, ныли.

У нас появилось еще трое раненых, один тяжело – осколком мины. К середине дня вернулись наши оба связанных. Нам на помощь пошли два взвода автоматчиков и ПТР-овцы с четырьмя длинными ружьями. Они рыли по краю кукурузного поля окопы, устанавливали ружья.

Командир роты автоматчиков сообщил, что можно ожидать танковой атаки, поэтому лучше всем окопаться, а не бегать дураками вокруг дома.

Я разглядел чуть правее горящего сарая какой-то блиндаж. Было бы здорово, если там окажутся и окопы. Прикрываясь дымом, я пополз туда и увидел оборудованную землянку. Внутри никого не было. На полу стояло какое-то ведро. Оказалось, что ведро полно гусиного жира со шкварками – царское блюдо! Счастливый и довольный я побежал с ведром к ребятам. Но не успел пробежать и двадцати

шагов, как, явно по мне, ударил пулемет. Оглушительные выстрелы раздавались так, будто стреляли в упор и со всех сторон. Место было совершенно открытое, и единственное, что меня спасало в некоторой степени, так это дым от догорающего сарая. Ничего не оставалось делать, как только бежать, как можно скорее за штабель с кирпичами. Я бросил злополучное ведро с драгоценными шкварками и побежал. Удачно, слава Богу. Ушел, ушел от окоянного пулемета. Это не всегда так может получаться. Опыт подсказывал, что такой фокус обычно удается в одном случае из двадцати пяти. Повезло.

– Ты что там носишься! Сдурел что ли?! – набросился на меня Бельтюков.

– Блиндажик там вроде.

– Пустой?

– Пустой. Ведро там со шкварками нашел, да бросить пришлось, жалко.

– Да, шкварок и правда жалко. Целое ведро! – сокрушенно вздохнул Бельтюков.

Нас оставалось всего человек десять, да трое потащили в Архонскую раненых. Хорошо, что автоматчики подошли. После полудня пришел приказ оставить МТС автоматчикам, а нам отойти на окраину Архонской, ближе к мосту через реку. Туда должна прибыть основная группа Рябчунова. Честно говоря, я обрадовался такому обороту дела. Слишком плотным был огонь пулеметов на этом пятачке вокруг МТС.

Противник определенно откуда-то вел наблюдение и хорошо видел нас, а мы никак не могли обнаружить его наблюдательный пункт, поэтому и прижимали нас огнем. Как только прибежавший связной передал нам приказ командира, мы пожелали успехов автоматчикам и пошли через кукурузное поле, где засели пэтээровцы. Кукуруза была здесь низкорослой, редкой, много стеблей лежало на земле. Высокие листья выцвели под яркими лучами солнца, стали совсем белыми и, конечно же, немецкие наблюдатели обнаружили нас сразу. В воздухе раздался раздирающий визг падающей мины, и тяжелый удар взрыва раздался на самой дороге. Мы залегли, но не успели подняться, как раздался снова визг и оборвался звонким раскатистым взрывом. Застонали вокруг осколки, это уже впереди нас. Вилка! Дальше лежать нельзя – накроет, непременно накроет.

В воздухе раздался визг очередной мины, а я бросился немного в сторону, где заметил окоп пэтээровца, старательно вырытый букой «Г». В окопе два бронбойщика, ствол длинного ружья с квадратным набалдашником на конце ствола был направлен в сторону дороги. Я бросился рыбкай в тот окоп бронбойщиков и за мной Мишка Беляков. Бронбойщики тоже прятали головы от осколков. Окоп был мелким, узким – мы с Мишкой еле втиснулись. Теперь у меня не было никакого сомнения, что нас всех отлично видели. Немецкий корректировщик, видимо, был опытным – мины рвались все ближе. На нас сыпалась земля, срезанные осколками куски стеблей и кукурузных листьев. Видимо, минометная батарея вела по нам огонь, все кукурузное поле заволкло едким дымом взрывчатки. Визг мины и взрыв следовали часто, один за другим, и в этом огне среди разгулявшейся смерти не было возможности выскочить из окопа и бежать к станции – это верная смерть.

Но и немцы не без греха. Они, видимо, прозевали, когда к нам подошли автоматчики, как расположились у дороги бронбойщики. Они увидели наш неосторожный отход и приняли его за всеобщее бегство русских из МТС. Внезапно зло, густо вспыхнула автоматная перестрелка за зданием МТС. Звонко, со стоном осколков рвались гранаты, захлебывались злобным лаем скорострельные немецкие пулеметы.

Нас прекратили обстреливать, но перестрелка разгоралась где-то во дворе МТС. В ушах звенело от близких взрывов, но все равно я услышал чей-то крик, какую-то команду. Я увидел, как наши ребята, пригнувшись, быстро побежали обратно к МТС и даже двое бронбойщиков со своим длинным и нескладным ружьем. Мы с Беляковым побежали тоже, забежали в помещение МТС и еле узнали его – все засыпано известкой, белой пылью, стены в пулевых пробоинах, в покривившихся рамах ни единого стекла. Сюда же прибежали бронбойщики и кто-то из автоматчиков им крикнул:

– Не подходи, не подходи к окну – срежут. Бой из глубины комнаты. Вон, в посадке какой-то низкий куст видите? Там же у них пулемет. Стегани, стегани туда!

Бронбойщики прилаживали ружье на отодвинутом столе секретарши, а автоматчик резко повернулся, чтобы выбежать в дверь, и наткнулся на меня, ударив в грудь каской.

– А, черт скаженный, что ты носишься?! – в сердцах ругнулся я, а автоматчик поднял на меня лицо. Из-под каски смотрела перемазанная сажей и перепудренная известковой пылью чья-то знакомая физиономия.

– Федька, ты?! Живой?!

Я всмотрелся: конечно, он – Карасев.

– Карасев, ты? Давно пришли?

– Привет, друг. Только пришли и сразу в бой, сходу. А ты?

– Мы с ночи здесь. Видать, опередили немцев на какие-нибудь полчаса.

– Ладно! Может, еще увидимся.

Карасев побежал в одну сторону, я к своим ребятам – в другую.

В треск автоматов впился оглушительно звонкий выстрел ПТР, второй, третий. И пулемет действительно замолк. Стало легче.

Перестрелка кипела у МТС еще минут тридцать и стала постепенно затихать. Немецкие танки не показывались, а минометчики стали бить по небольшой посадке правее МТС. Для нас появилась возможность отойти на окраину станицы. На сей раз мы отходили осторожно. Немецкие наблюдатели не заметили нас. Прошли первые дома, здесь было тихо. Правда, дома все вроде пустые, только у дверей остались, очевидно забытые, косы золотого крупного лука и гирлянды красного перца. В какой-то улочке встретились с разведчиками группы Рябчунова – Хорьковым и Максименко.

– А мы вас ищем, – весело крикнул Хорьков. – Давай за нами, а то Рябчунов матерится зверски.

Постепенно прошла первая взвинченность боя и на смену ей пришло ощущение тяжелой усталости: невольно вспомнилось, что перед этим ночь не спали – были в поиске, и перед этим тоже, и вот сегодняшняя ночь давно прошла и день заканчивается, а мы в сутки спим не более двух часов и слава Богу если перекусить пару раз придется.

Просторный дом вместил всех разведчиков. Хозяев не было, а раз не было, то, по неписаным военным правилам, дом все считали бесхозным – занимай его и живи. Мы достали свой сухой паек, выпили вино и свалились на пол спать. Я уснул сразу, едва только коснулся пола. Мне показалось, что я и глаза едва успел закрыть, как почувствовал, что меня кто-то тянет за ногу. Пытался отбиться – не выходит. Глаза с трудом открыл и увидел помкомвзвода Купоросова – широкоплечий скуластый парень с татарским разрезом узких глаз.

– Вставай, бегом вставай. Разлегись тут, как у тещи!

– Ты что, чего тебе?

– Вставай, тебе говорят, танки!

– Какие еще танки? – спросонья, плохо соображая, что-то говорил я, но сам уже привычно вставал. Поднимались другие, подвязывали торопливо к поясному ремню запасные набитые патронами автоматные диски, насыпали патроны в карманы. Кто-то успел притащить боеприпасы. Минут через десять мы уже бежали к северной окраине станицы, вышли в поле. Пришли в какую-то сухую неширокую балку. Здесь этих балок было множество – шириной метров пятьдесят, глубиной не более двух-трех метров. Дно балки усеяно белыми камнями, края крутые.

– Окапывайся, ребята! И давайте по левому ее краю, чтоб балка за спиной была, – скомандовал Рябчунов.

Это, пожалуй, правильно. По балке можно переходить с места на место незаметно для противника, в случае танковой атаки, тогда надежнее, когда овраг за спиной. Правее нас окапывались саперы. На всю нашу группу человек в двадцать было не более пяти маленьких лопат – это плохо. Вот саперы – ребята запасливые, выручили.

Минут через двадцать окопы были готовы, брустверы замаскированы сухой травой. У нас за спиной совсем недалеко шла грейдерная дорога Архонская–Нарт. Наша задача не допустить здесь прорыва танков и автоматчиков.

День догорал. Перед вечером неожиданно по балке ударили немецкие минометы. Десятка два мин взорвались в поле на другой стороне балки, в самой балке, не причинив никому вреда. После обстрела из-за дальней посадки показался бронетранспортер и примерно взвод автоматчиков.

– К бою! – пронеслось по окопам.

Бронетранспортер находился от нас метрах в двухстах, он шел очень медленно, за его броней укрывались пехотинцы. Он шел на оборону саперов, но те терпеливо молчали. Метрах в ста пятидесяти с бронетранспортера ударил крупнокалиберный пулемет. Бил трассирующими. Зеленые стремительные огни, как молнии, сверкнули над балкой, автоматчики развернулись цепью, бежали трусцой за бронетранспортером и на ходу стреляли из автоматов.

Подпустив противника метров на сто, саперы ударили из винтовок и автоматов. Несколько атакующих солдат упало, остальные снова укрылись за бронетранспортером. Но мы находились левее и отлично видели их. Купоросов приложился к ручному пулемету и длинной очередью заставил залечь автоматчиков. В этот момент сзади нас раздался выстрел нашей противотанковой пушки. Снаряд рванул перед бронетранспортером. Машина остановилась, взревел мотор, и бронетранспортер стал медленно разворачиваться в нашу сторону. Еще выстрел и снаряд ударил сбоку транспортера совсем рядом. Он попятился назад, и автоматчики побежали. С нашей стороны затрещали автоматы. Еще выстрел пушки, еще и еще. Два снаряда разорвались рядом, и вдруг сноп ярких искр сверкнул прямо на броне транспортера. Машина окуталась серым дымом и остановилась.

– Ага! Врезали гаду! – закричал кто-то из солдат.

Бронетранспортер больше не двигался. Он стоял и лениво дымил. Десятка два немецких солдат, уже не стреляя, бежали назад к посадке. По ним били из автоматов и винтовок. Подстрелили человека три, остальные скрылись в посадке и больше не предпринимали активных действий.

Солнце дотронулось до острых зубцов гор. По земле протянулись тени, подножья гор потонули в седом тумане. Бой затих. Из дальней посадки фашисты кидали красные ракеты, оттуда лениво, дежурными очередями стал бить немецкий пулемет. Каждая его очередь почему-то повторялась то ли эхом, то ли еще каким-то загадочным явлением. «Тр-р-р» – «Др-р-р». Ну, теперь это на всю ночь.

Пришел связной от Натынова и передал распоряжение вернуться в свое расположение. Нам на смену пришла стрелковая рота батальона Марёнова. Мы вернулись в свой дом, когда уже почти стемнело. Дозарядили диски, почистили автоматы. Добили остатки сухого пайка, думали отдохнуть, но не вышло – снова пришлось идти в поиск. На сей раз необходимо было уточнить передний край противника в районе западнее Архонской и дороги Архонская–Нарт.

Наши наблюдательные пункты еще не были оборудованы, а ночью в поиске передний край и система огня противника определяются в тот момент, когда тебя обнаруживают на нейтралке и лупят со всех сторон. Если же ты поумнее, то ты сам (вернее, группа разведчиков, разделившись на две части), оказавшись на нейтралке, ищешь поскорее воронку поглубже, овражек или оставленный всеми окоп. Необходимо занять облюбованное место и швырнуть в сторону противника пару гранат. Переполошенные немцы начинают лупить по месту взрыва из всех пулеметов, какие у них есть на этом участке. Тебе, бросившему гранаты, лучше из воронки или окопа не высовываться. Наблюдение ведет соседняя группа. Вот, примерно за этим занятием у нас прошла вся ночь.

К утру мы вернулись в расположение роты, позавтракали остатками сухого пайка и завалились спать, а мне не повезло – Рябчунов приказал топать в Беслан, а это почти 12 километров, взять у Медвинского вещмешок хлеба и вещмешок консервов, передать ему, чтобы к рассвету он был бы в Архонской, а самому, не задерживаясь, возвращаться, чтобы уже к обеду принести в роту продукты.

На войне приказы не обсуждаются. Закинул я за спину автомат и пошел по станции к мосту через Гизельдон. В то время, честно говоря, мы эту речку называли Тереком. Получилось у нас, что под Алагиром, под Нартом, здесь, в Архонской, под Бесланом – везде Терек. Но размышлять над загадками природы было некогда. Вышел я из Архонской и пошел по широкой грейдерной дороге, пролегшей по совершенно чистому полю. Даже лесопосадки никакой вдоль дороги здесь не было. Километра полтора-два от Архонской довольно высокий курган, на кургане какие-то командиры стоят и саперы что-то копают – видимо, НП оборудуют. Только это далеко от передовой получается – что отсюда увидишь? Но начальству виднее, «оно грамотное, оно газеты читает», как говорит в таких случаях Большаков.

В Беслан к Медвинскому я притопал где-то часам к 10 утра. Меня здорово накормили – за всю роту наелся, отдохнул маленько. Ну до чего же здорово – можно было поспать минут сорок, а потом снова в дорогу. Два увесистых вещмешка должны были здорово намять мне спину, но что делать. Я прошел Беслан, отдохнул малость на берегу Терека и пошел через мост к Фарну. Решил, что за Фарном отдохну и потом в сухой балке, на полдороги между Фарном и Архонской.

День стоял солнечный и было довольно-таки тепло. Где-то на западе гудел бой; далеко, а слышно. Расстояние между Бесланом и Фарном пустынное: перешел мост через Терек, ну еще чуть более километра, и начинается поселок Фарн: белые домики, жидкие тополя, какие-то голые деревья – яблони, видимо.

Вещмешки действительно тяжелые: в одном консервы, а в другом круглые бу-

ханки хлеба. Ребята, поди, ждут не дождутся. Никогда они меня так дружно и заинтересованно не ждали, как в этот день, да и не материли так от нетерпения. Да ничего, вечером Медвинский приедет, конечно, уже с непустой кухней, это не в его правилах.

Дорога была пустой, и когда до домиков Фарна оставалось всего метров сто, все небо наполнилось тяжелым железным гулом. С севера, откуда-то от Ардона, шли тяжело груженные пикирующие бомбардировщики. Они плыли вроде бы медленно, высоко. Немного не долетая до Фарна, они стали выстраиваться в длинную цепочку. Мне показалось, что они летят куда-то мимо Фарна, но первый бомбардировщик вдруг свалился на крыло, развернулся и, включив сирену, стал стремительно падать на окраину поселка, в то место, где находился я. Завидев юнкерсы, я сошел с дороги, положил на землю вещмешки и когда первый самолет сорвался в пике, я поднял автомат и длинной очередью ударил навстречу падающей с невыразимым рёвом птице. Из-под брюха юнкерса вывалились бомбы и тяжелыми черными камнями полетели ко мне...

Чья-то добрая душа, сам Господь Бог, вырыл рядом со мной окоп. Я ведь как-то и не заметил его сразу. Но тут в долю секунды я оказался на дне окопа. Землю встряхнуло так, что меня чуть не выбросило из окопа. Страшный грохот взрывов разломил небо, погасил солнце. Небо ревело сиренами трассирующих юнкерсов. Земля дрожала, шаталась, меня несколько раз ударило горячей волной взрывчатки, на спину валилась земля, а конца бомбежки все не было. Сплошной рев, грохот, визг падающих бомб – все вокруг превратилось в кромешный ад и не было конца этому аду, остановилось время... Рёв сирены пикирующего юнкерса, потом оглушительный визг падающих бомб прямо надо мной: «Всё, моя!». Тяжкий удар... и по спине бьют комья земли, и опять все снова, все снова...

Вдруг внезапно все стихло, только в ушах звон не проходит. Я встал в окопе – все небо в дыму, копоти, в пыли, и солнце едва пробивается красным кругом. На моих вещмешках земля, окоп полузасыпало, кислый запах сгоревшей взрывчатки над землей. Гула моторов вроде бы и не слышно. Я схватил мешки и почти побежал к Фарну. Скорее прочь с этого места. В поле, на дороге, около дороги – сплошь воронки большие и малые. Весь Фарн в дыму, дома разбиты, на дороге доски, шифер, перепутанная проволока, сучья деревьев. В уцелевших домах ни стекол, ни самих рам, многие двери сорваны, столы избиты осколками, камнями.

Неужто здесь было население? Потом я вдруг расслышал нечеловеческий, дикий женский крик. Я бросился бежать в направлении этого крика и то, что я увидел, было ужасным. Недалеко от дороги вдребезги разбитый дом, свежая воронка от бомбы, вокруг воронки битый кирпич, комья земли, щепки, сучья. Невдалеке на коленях стоит женщина, она сорвала с головы платок, закрыла им лицо и кричит, а рядом с ней труп девочки лет двенадцати. Ее черные, как смоль волосы в крови, на белом лице черные точки и над глазом черная кровавая дыра, платье разорвано и из кровавых лохмотьев на земле валяются ее кишки, синие и розовые и на них какая-то солома, комочки земли.

– А-а-а! А-а-а! - нёсся раздирающий душу крик, и он был страшнее, ужаснее рева пикировщиков.

Я стоял над женщиной, одетой в мужское черное пальто, пытался ее поднять, тоже кричал ей, а она отталкивала меня, и не смолкал ее безумный вопль. Откуда-то появились еще женщина и старуха, я говорил им, что нужно в укрытие, но никто

не слушал меня. Все происходило будто в каком-то кошмарном сне, когда нужно бежать, нужно бить, но ты бессилен и ничего не можешь поделать. Чем утетишь, как успокоишь мать, если на ее глазах такой дикой, страшной смертью казнят ее ребенка. Я ничем не мог помочь беззащитным, беспомощным людям перед свирепым оскалом лютой войны. Кто-то просто, покорно и дельно накрыл каким-то одеялом тело мертвой девочки, женщины куда-то повели обезумевшую мать, а я вернулся на дорогу и торопился пройти этот Фарн.

Снесло ветром дым и копоть, над миром снова было яркое солнце и синее небо. Только земля, только жизнь человеческая были изуродованными. И воронки, воронки, кругом воронки, белые перья на дороге, проволока, куски тряпок... В ушах все слышался этот отчаянный громкий крик. Да разве это одна жертва, несомненно, есть и другие. А я, я ничего не могу сделать... Как это не могу?! И страшная мысль словно пулей пробила сердце: «А ведь это и я виноват! Я, здоровый восемнадцатилетний вооруженный мужик! Это же я и мои товарищи додрапали до этого Фарна. Это же мы позволили фашистам убить девочку. Мы же были обязаны заслонить от беды и того старого ингуша в Лакисове, и эту осетинскую девочку, а мы... мы... мы, гады, все драпаем».

Я почти бежал по дороге, бежал не из-за боязни попасть под новый налет, меня заставляла бежать моя ущербная совесть битого солдата, меня гнал вперед этот нестерпимо-пронзительный женский крик. До Архонской оставалось немного, впереди партия пикировщиков и они снова ныряли в крутое пике. Над Фарном мгновенно выросли черные и коричневые гигантские кусты бомбовых разрывов и тяжелый грохот долетел до этой балки. Мне казалось, что ноги мои чувствуют, как дрожит даже здесь земля от дальних разрывов.

Не до отдыха мне было в той балке, я шагал по дороге мимо кургана. Около него по-прежнему находилось несколько человек командиров и продолжали копать саперы.

– Товарищ боец, подойдите, – позвал меня незнакомый усатый майор.

Я подошел, опустил вещмешок на землю и козырнул майору.

– Кто такой?

– Разведчик отдельной разведроты шестидесятой бригады.

– Откуда идешь?

– Из Беслана. Выполняю приказание командира роты.

– Фарн проходил? Что там?

– В Фарне как раз попал под первую бомбежку. Много домов разбито, среди гражданского населения есть жертвы. Убитых и раненых военнослужащих не видел.

– Мост разбили?

– Первая бомбежка его не задела, только Фарн бомбили, а вот вторая – не могу знать.

– Ясно. Можете быть свободным.

Я еще раз козырнул, поднял с земли вещмешок, повернулся и пошел по дороге дальше.

Уже недалеко от Архонской повстречал молодую женщину. Мне показалось, что я увидел ее во сне. Это была выше среднего роста пышноволосяя блондинка в черной шерстяной кофточке, на плечи накинут темный платок. На ней бело-розовая цветастая юбка и черные туфли, да-да, настоящие женские туфли. С какой-то сумкой в руках она быстро шагала в сторону Фарна. Здесь, на этой военной доро-

ге, где можно встретить только серую шинель или зеленую куртку, здесь эта неестественно нарядная и красивая молодая женщина! Фантазмагория! Эта женская светловолосая фигура была настолько неуместна в этой обстановке и встретила так неожиданно, что я даже остановился.

Женщина как-то испуганно посмотрела на меня, прошла мимо, потом оглянулась и снова ускорила шаги. Какое-то непривычное и непонятное явление. Цветастая юбка, блондинка и туфли еще... Может, шпионка? Задержать? Этого только не хватает. Ну задержу, а дальше что? Куда мне ее вести? Ребята засмеют – поймал шпионку, «языка» взял. Да и девка она симпатичная, пусть идет! Тоже вроде нашего старого политрука стал – везде шпионы и изменники мерещатся.

Пошел дальше, и забыл про эту встретившуюся красивую женщину. В памяти осталась та, другая, которая так страшно кричала над телом убитой дочери.

Вот Верещагин написал картину «Апофеоз войны» – сильное, страшное полотно, а, доведись мне, я написал бы ту женщину у разбитого дома, над страшно обезображенным мертвым телом дочери. Написал бы ее безумные глаза, растрепанные волосы и написал бы так, чтобы услышал весь мир ее страшный, жуткий вопль, не вопль, а проклятие всем тем, кто взял в руки оружие для злого и несправедного дела, проклятие нам, которые отдали врагу на поругание свою родную землю. Страшнее всего видеть убийство людей беззащитных, безоружных, бесправных... Есть преступление, но это преступление страшнее всего самого страшного, и наказание за это – только смерть.

В тех самолетах были летчики, люди – они должны были видеть, что в этом сравнительно небольшом поселке Фарн нет автомашин, нет обозов, нет танков – вообще нет ни единой военной цели. Как понять, что мост через Терек они оставили нетронутым, а разбили бомбами мирный поселок? Да люди ли держали в руках штурвалы боевых машин?!

* * *

Хлеб, который я принес, есть было просто невозможно: силой близкого разрыва бомбы песчинками, мелкими камешками изрешетило, посеколо вещмешок, эти песчинки впились в хлеб, хрустели на зубах. Банки с консервами ничего, уцелели. Кое-как пообедали.

– Ляг, поспи малость. Ночью в поиск, – сказал мне кто-то из ребят.

Сон свалил меня быстро. А во сне я бежал на крик женщины, я видел ее, но мои ноги перестали шагать. Я протягивал руки и никак не мог достать эту женщину...

Вечером снова пошли в район северной окраины Архонской. С вечера в нашей станице гудели моторы, шли машины, пушки, подтягивались «Катюши», громыхали подводы, походные кухни, шла пехота. В Архонской накапливались силы, а фронт гремел взрывами, выстрелами, и накал боя не стихал ни днем, ни ночью.

Ночью над станицей появлялись ночные бомбардировщики врага и вслепую бомбили станицу. Просидели ночь без толку, напоролись на пулеметы – один раненый. Утром в роте бушевал Натынов, грозил, упрекал. Удалось поспать часа полтора и снова разведгруппы направились на разные участки фронта. Нам пришлось идти в Кирово – это далеко. Вышли еще днем и только ночью пришли в небольшой обезлюдивший поселок. Старшим группы был Суменков. За поселком, примерно

в полутора километрах, взлетали осветительные ракеты и стучал все время немецкий пулемет.

– Возьмем левее, только тихо, без шума.

Погода испортилась: небо снова заволочло тучами, моросил мелкий холодный дождь. В черном небе стрекотали моторы невидимых ночных бомбардировщиков. Мы вышли к какой-то реке, на ее противоположном берегу засели фашисты. В редких окопчиках перед рекой засели наши стрелки, они сказали, что река здесь непроходима, нужно брать левее, там где-то есть брод. Ходили всю ночь, брод вроде бы нашли, но к этому времени подкрался рассвет. Небо чуть посветлело, идти за реку стало опасно. Вернулись в роту.

Одна разведгруппа была уже в роте, третья вернулась поздно и с потерями. Ребят потеряли хороших, опытных. Один тяжело раненый умер, пока тащили к роте. Второй – Костя Кудряш, моряк-балтиец небольшого роста, веселый и добрый товарищ. Он был с Хорьковым в головном дозоре, нечаянно выползли прямо на пулемет. По словам Хорькова, Костя сразу схлопотал две пули в голову. Хорьков бросил гранату, стал тащить Костю, но пулемет снова открыл огонь. Ребята все отошли и убитого Костю с залитым кровью лицом Хорьков был вынужден оставить – иначе и сам не выбрался бы.

Натынов снова разносил нас, но многие разведчики от непрерывных бессонных ночей дошли до отупения, до полного безразличия. Как только Натынов ушел, Рябчунов вызвал санинструктора и дал команду выдать четверым разведчикам направление в медсанроту, которая находилась где-то в Беслане. Направление было нужно только для патрулей на мосту через Терек, а так разведчиков предупредили, чтобы в медсанроту они не показывались, а просто выспались бы досыта в каком-нибудь теплом доме и на следующий день непременно вернулись в роту, как выздоровевшие. Так и сделали.

Левее по фронту, там, где Гизель, не смолкая, усиливаясь с каждым часом, грохотал бой. Рассказывали сведущие люди, что там, в Гизели и на подступах к Орджоникидзе, насмерть стоят моряки, отбивают в день по несколько танковых атак. На Гизель и Орджоникидзе набросились юнкерсы, но наши зенитчики поставили стену огня. Действительно, мы и сами видели, как один двухмоторный юнкерс, дымя мотором, терял высоту, отстал от остальных, а потом, пустив густую струю дыма, пошел носом в землю. Из машины успели выброситься двое летчиков, но приземлились они у своих. А самолет врезался в землю, грохнул взрыв и над землей поднялся черный смрадный гриб дыма.

Неподалеку от роты разместился эвакуационный пункт медсанроты нашей бригады. Все больше и больше прибывало туда раненых. Их обычно привозили вечером и ночью. Из автомашин и подвод осторожно вытаскивали раненых, и их испятнанные кровью бинты призрачно белели в темноте. Мертвых выгружали и клали отдельно, их полуголые трупы мокли под дождем. Уже к утру их куда-то увозили для захоронения.

Из-под Малгобека пришла 62-я морская бригада. Она заняла оборону от Архонской на юг к Гизели. Ребята что надо. Теперь можно будет и поприжать фрицев, силенки есть. Но опять нужен проклятый «язык». Но немцы словно бы знали, что в Архонскую стянуты значительные силы и укрепили свою оборону. Западнее Архонской у противника появились танки, они били прямой наводкой по нашему переднему краю, грозно урчали моторами, но в открытую атаку не шли – их караулила

наша противотанковая артиллерия. В эту ночь нам повезло. В черной, как сажа, ночной степи мы поймали фрица. Вначале нам показалось, что это заблудившийся дурак. Мы ползли вдоль каких-то голых колючих кустов и вдруг справа услышали чавкающие по грязи шаги. На темном фоне неба мы разглядели совсем черный силуэт человека в длинной шинели и в каске. Мы его подпустили буквально шага на четыре, и тогда с земли поднялся во весь свой богатырский рост Авдеев, вскочил на ноги юркий Вася Боев, и в мгновение ока немец оказался на земле с заломленными за спину руками. Он пытался крикнуть, но при первой же попытке Авдеев вдавил его физиономию в мокрую землю. Только на подходе к нашей передовой немцы почему-то всполошились и открыли сильный пулеметный огонь. Мы быстро укрылись в окопах пехотинцев, потом переползли еще дальше в балочку и здесь оказались в относительной безопасности. Немец тяжело дышал, что-то говорил, но разобрать было невозможно. По-русски, похоже, он не понимал ни бельмеса. Мы быстро вернулись в роту. Старшина Медвинский напоил нас горячим чаем и немцу не пожалел, отвалил каши с мясом и выдал полкотелка чая.

Немец смотрел на нас обреченно и испуганно. Это был еще молодой парень, связной командира роты, он шел к соседнему командиру с каким-то поручением, немного на своем пути взял левее больше чем нужно и дальше все произошло так быстро, что, по его словам, он еще не пришел в себя.

Вернулась еще одна группа. Все мы были горды и довольны тем, что задание было выполнено. Двое разведчиков повели пленного в штаб бригады, а мы решили выспаться. Но здесь случилось событие, которое не оставило равнодушных в роте. Неожиданно около нашего дома послышался шум автомобильного мотора. Он внезапно затих, на ступеньках крыльца громко застучали сапоги, дверь распахнулась и в комнату вошел человек в телогрейке и грязных кирзовых сапогах. В комнате сразу запахло бензином. При тусклом свете коптилки мы не сразу узнали Чижика, а только когда он по знакомой нам привычке сказал:

– Здорóво, братва! Не узнали, забодай вас комарь!

– Чижик, ты?!

– А кто же еще!

– Давай, заходи, друг милый! Хочешь, хлебом угостим, еще что-нибудь пошукаем?

– Ни, хлеба не надо, а от чего-нибудь, если, конечно, есть, не откажусь.

Чижик налил кружку горьковатого портвейна, он выпил, вытер губы рукавом промасленной телогрейки и сказал:

– А я к вам что! Я ныне раненых возил, так вот из батальона одного вашего привез. Без памяти был. В эвакупункте он сейчас.

Кто же это мог быть? Обе группы вернулись без потерь, третья еще не возвращалась. Может быть, кто-нибудь из этой группы Купоросова?

Человека четыре, в том числе и я, пошагали к эвакупункту. Было темно. Из крытого дожда вытащили раненых и теперь выгружали тела убитых. Труп одного солдата в гимнастерке, в ботинках, но без шевронов (видно, срезали ножом) стали вытаскивать ногами вперед, и из распоротого осколком живота что-то полилось на землю.

– Тихо ты, – буркнул санитар, который принимал труп, человеку, находящемуся в черном провале крытого кузова.

Тяжела солдатская доля...

Мы разыскали какую-то медсестру в белом халате, но она ничего не знала. Тогда мы разыскали другую женщину-фельдшера.

– А вы кто будете? – поинтересовалась фельдшерица.

– Да разведчики мы.

– Подождите, сейчас узнаю.

Женщина ушла в дом, ее долго не было, но потом она вышла и сказала:

– Вроде есть такой. Только документов у него никаких. Костей себя называет. Тяжелый он, крови много потерял. Пошли, провожу. Да куда вы все претесь? Пусть один, ну ладно, двое.

Пошли мы с Авдеевым. В комнате, куда нас проводила фельдшерица, горели два светильника из снарядных гильз. На полу, на разостланной соломе, покрытой брезентом, тесно лежали раненые. Пахло лекарствами, кто-то стонал. Под занавешенным окном лежал раненый в зеленой куртке с перебинтованными ногами, из-под накинутаго поверх бинтов одеяла торчали босые белые, как у покойника, ступни ног.

Вначале мы и не узнали раненого: глаза и щеки ввалились, курносый нос стал острым, лицо все темное какое-то.

– Костя, Костя, ты слышишь меня?

Перед ним на колени встала фельдшерица и трогала его за руку.

Веки раненого дрогнули, он открыл глаза и тихо попросил:

– Пить. Водички дайте.

– Сейчас, милый, сейчас принесу. К тебе вот твои товарищи пришли.

– Какие товарищи? – раненый смотрел на нас, потом, видимо, узнал – показалось, что он даже улыбнулся немного.

– Гриш, ты? Я уж думал, не увижу вас никого...

– Костя, Кудряш, да как же это, что случилось?!

Костя задышал чаще, вроде всхлипнул даже, чуть приподнял голову и снова спросил:

– Кто с тобою-то? Не разгляжу я.

– Да Федька я, что случилось-то, Костя?

Теперь Костя, закаленный разведчик, матрос с эсминца «Артем» вдруг действительно всхлипнул, помолчал, а потом стал, торопясь, говорить:

– Хорьков, сволочь. Я гранату бросил, а пулемет как даст... Обе ноги, кости перебил, гад... А я просил его... А он уполз – и с концами. Я на руках полз к своим. День лежал, думал, добьют, не шевелился. А вечером пехота вытащила и вот... Документы бы мне, а то неизвестно, кто я...

– Документы сей момент будут. Ты посиди пока с ним, – кивнул Гриша и, как-то крадучись, пошел к выходу. Потом зашли другие ребята, но Костя почти не говорил, сил у него не было.

– Крови много потерял, – снова сказала фельдшерица.

– Доктор, так, может, мою кровь ему перельете? Вместе ведь с ним лазили, кровь-то у нас одна.

– Одна? – строго спросила фельдшерица. – А кто из вас Хорьков?

– Нет среди нас его.

– Что-то он все говорил про Хорькова, навроде бросил он его в бою-то.

– Разберемся.

Через полчаса Гриша Авдеев пришел вместе с ротным писарем Костей Бычковым, он принес документы Кудряша и передал их фельдшерице. Та что-то записала

в толстой тетради и потом рассовала принесенные документы по карманам гимнастерки Кудряша.

– Ну хватит, – скомандовала фельдшерница. – Набралось вас здесь. Хватит, машина подошла, сейчас вашего друга в госпиталь. Он парень живучий.

Мы простились с Костей, вышли на улицу, пронизанную холодным серым ветром, закурили, и Гриша Авдеев строго сказал:

– В роте никому ни слова. С Рябчуновым мы с Бычковым сами поговорим. Если кто из вас трепанет, учтите, морду сам бить буду.

Пришли в роту. Ребята спали вповалку. Только один Давыдов приподнялся на локтях и спросил:

– Кого там повстречали?

– Да батальонный это разведчик, – удивительно равнодушно и спокойно ответил Авдеев.

Утром, когда были растворены ставни и в заплаканные стекла лился тусклый серый свет, в комнату вошел Рябчунов, сел на лавку и спросил тоже пришедшего ненароком Костю Бычкова:

– Бычков, ты сведения об убитых отправил?

– Так точно, отправил.

– А как Кудряша указал – убитый или пропавший без вести?

– Почему пропавший? Вон, Хорьков знает – убитый он.

– Точно, Хорьков? – спросил Рябчунов.

– Да точно, двумя пулями в темечко...

– Как это ты в такой темени рассмотрел-то?

– Ну, может и одной, да все одно – что одна, что три. Убитый он, это точно.

– Может, сегодня ночью вытащим? Укажешь, Хорьков, где он лежит? – снова спросил Рябчунов.

– А что, укажу. Мне-то что? Если его, конечно, немцы не уволокли.

– А на что он немцам мертвый-то?

– А может, там ксива у него, абы еще что?

– Документы все у Бычкова. Там он безымянный солдат отечества.

Я заметил, что Гриша Авдеев недобро из-под бровей посмотрел на Хорькова, крякнул и вышел на улицу.

* * *

Приближались Октябрьские праздники, и в эти дни напряженность боев нарастала с каждым часом. Противник, видно, завяз на подступах к Орджоникидзе, а тут еще, как чирей на боку, эта Архонская. Противник чувствовал или знал, что здесь накапливаются силы. На Архонскую двинулись танки. Всю нашу роту снова посадили вместе с пехотой в оборону севернее Архонской. И целый день бой. Целый день, с самого утра и до вечера, сплошной грохот разрывов, визг мин, вой снарядов и непрерывный пулеметный треск. У нас были потери, бой не обходится без них, но мы стали сильнее, заметно сильнее.

На открытое место выползли танки, этих чудовищ было много, более двадцати. Они лезли нахально и нагло на нашу оборону по краю балки, которую уже измолотили артиллерией и минами. Казалось, уже ничто не остановит эту стальную лавину.

Чем ближе подходили танки, тем ближе к пяткам скатывалось сердце. Мне казалось, что на войне в бою ничего нет грознее танковой атаки. Но сзади нас часто захопали противотанковые и полковые пушки: фонтаны земли, яркие вспышки разрывов заплясали по всему полю и вот уже один, другой танк закружились на месте, размотав перебитую гусеницу. А пушки били, не умолкая. Длинными кострами запылали еще три танка, и черный дым стелился по полю. Прикрываясь этим дымом, танки отползали назад.

Через час-полтора артиллерийский и минометный огонь с новой, еще большей силой обрушился на основные позиции нашей артиллерии и на нашу передовую. Едва огонь стих, как появились двухмоторные штурмовики «Хеншель» с круглой баранкой – антенной под фюзеляжем. Они били по передовой и по огневым из пушек и пулеметов, но наши обозленные до предела ребята ударили по одному «хенкелю» сразу из нескольких ручных пулеметов, били длинными очередями бронебойно-зажигательными пулями, и один штурмовик вдруг клюнул носом, отвернул в сторону от своих, задымил и рухнул на вспаханное поле. К самолету бросились немецкие солдаты, но по ним открыли очень плотный пулеметный и минометный огонь, и многие бежавшие упали. Самолет грохнул взрывом своих баков с горючим и высокое жаркое пламя в черном дыму взметнулось к небу. И, словно в отместку, на нашей передовой снова загрохотали разрывы, то и дело слышались крики раненых, какие-то люди тащили беспомощные, искалеченные тела через балку. В это время из дальней посадки снова вырывались танки, на сей раз они шли на скорости, завывая моторами, оставляя позади себя синий моторный дым. Снова по танкам ударили пушки. Наши снаряды почему-то не выли, как немецкие, а словно шелетели над головой и рвались на поле. Снаряд за снарядом – и все мимо, мимо, к нашей превеликой досаде. Но вот крутнулся один танк, другой замер на месте и его длинный ствол пушки опустился вниз, будто нюхая землю.

– Ага, гады, схлопотали! – вопил кто-то в окопе, и танки остановились и потом опять поползли назад. А с нашей стороны взревела «Катюша». Огненные кометы унеслись в небо, а потом брызнула на поле снопом искр среди танков первая реактивная мина. По всему полю полыхнули тяжелые взрывы, их яркие вспышки сверкали в сплошном дыму, который стелился над исполосованным танковыми гусеницами ровном поле. И танки вновь попятились назад несолоно хлебавши, и над полем стелился дым от догоравших стальных чудовищ.

Над передовой разлилось короткое затишье. Наши ребята торопились дозарядить диски, нам через балку подтащили гранат, патронов и фляжки с водой. Напряжение боя погасило чувство голода. Никто не вспомнил о времени обеда. До вечера было отбито еще две атаки. Не знаю, как у пехотинцев, а мы потеряли пятерых ранеными и убитыми. И это было тяжело. Мне пулей разорвало куртку на левом плече и снова не задело. Вообще-то, это скверные шутки – уже была прострелена пилотка, издырявлены полы шинели, прострелены брюки, теперь куртка на плече... Сколько уже было убито ребят, с которыми я был рядом, ну а теперь что? Сколько раз может так по-дурному везти? Когда-нибудь все это везение кончится. Счастье, если по ногам саданет, а то без рук останешься, в живот врежет... Война – ох, и сволочное это дело!

В сумерки мы тихо снялись с передовой, нас заменили бойцы стрелкового батальона, а мы вернулись в роту. Там в нашем доме нас поджидал Натынов. Шап-

ка-кубанка заломлена на затылок, над бровью черный выющийся чуб, в глазах так и пляшут веселые чертики.

– Разведчики, молодцы, мать вашу так! За «языка» спасибо. На сей раз не проворонили. Суменкова, Авдеева и Боева к правительственным наградам представляю. Остальных от имени командования, можно сказать... Рябчунов! Всем выдать по двести грамм и каждый день теперь рота получать будет. Так что, приглашайте в гости. Но что б мне ни-ни, чтоб без фокусов! Старший лейтенант! Сейчас накормить всех, дать отдохнуть малость и нужен контрольный пленный сегодня же. Взять пленного в районе МТС, понятно?

– Так точно, – ответил Рябчунов.

– Выполняйте. Утром доложите.

Признаться, мы еле держались на ногах от бессонных ночей, от напряжения боя, от еженощных поисков. И Рябчунов видел, как тает его рота, как вымотались ребята. У многих стало появляться какое-то тупое безразличие. В этот вечер санинструктор выписал «направление в медсанроту» еще пятерым. Все знали, что должны вернуться завтра к вечеру. Отправив особо уставших ребят, Рябчунов из оставшихся собрал группу человек в восемь и сам повел их к МТС, остальные направились к Нарту с заданием уточнить обстановку.

Утром Натынов бушевал:

– Тоже мне разведчики! Дерьмо вы поганое. Зазнались, заелись. Вы знаете, что за невыполнение приказа бывает?! Рябчунов, я тебя в последний раз предупреждаю.

Командир роты устало поднялся со скамьи у окна, потер давно небритый подбородок, кинул телогрейку и устало сказал:

– Можно вас на минутку, товарищ капитан.

– Что еще?

– Да кое-что сообщить интересное вам хотел.

Натынов как-то боком подозрительно посмотрел на Рябчунова и вышел вслед за ним на улицу. Мы бы и внимания не обратили – мало ли что нужно сказать командирам друг другу, если бы до нас не донесся буквально крик Натынова:

– Что?! Что ты сказал?!

Рябчунов еще что-то сказал, но слов никто не расслышал.

– Да я тебя за такие слова!.. – снова зашумел Натынов.

– Имейте это в виду, на всякий случай, – так же громко сказал Рябчунов, круто повернулся и ушел во вторую половину дома, где размещалась вся наша интеллигенция.

Мы не видели Рябчунова до самого обеда. Никто не ставил нам задачи на ночь, но все чистили оружие, чинили одежду и все молчали. Только один Хорьков не унимался, приставал с какими-то дурными вопросами и пел свою бесконечную «Мурку» да «Гоп со смыком»:

*Жил в Одессе парень гоп со смыком – да-да,
Славился своим басистым криком – да-да,
Глотку имел прездорову
И ревел он, как корова,
Граждане, послушайте меня – да-да!*

– Слушай, замолчи ты со своим гоп со смыком. Надоел! – не выдержал и зашипел Селиванов.

– Подумаешь, нашелся тоже начальничек! – огрызнулся Хорьков.

– А ну стихни! – прогудел Авдеев, и Хорьков, уже молча, отошел в другой угол комнаты.

В обед Рябчунов уехал в штаб, вернулся он к вечеру и приказал собрать всю роту. Он был подтянут, длиннополую его шинель перехватил новый желтый командирский ремень с портупеей.

Разведчики расселись, кто где мог, и ждали новостей, а Рябчунов не торопился. Снял фуражку, пригладил редкие прямые волосы и, не торопясь, сказал:

– Сами видите, выдохлись фрицы. Под Орджоникидзе завязли, в горах их моряки лупят. Хотели Архонскую и Нарт взять – тоже не вышло. Ну, какие будут предложения? – вдруг весело спросил Рябчунов.

– Пора им здесь морду намылить, – высказался Суменков.

– Вот, правильно! Давно пора! – поддержал Рябчунов. – А теперь слушайте внимательно. Завтра утром бригада переходит в наступление. Разведрота находится в боевых порядках пехоты и наступает от Архонской в направлении Майрамадаг-Дзуарикау. Жизнь нам предстоит нелегкая. У фашистов, которые обламывают себе зубы в районе Гизели, к Орджоникидзе только одна дорога для отступления. Они клином, свиной врезались в нашу оборону и застряли. Вот по флангу этого клина мы и ударим. Со стороны гор будет бить морская бригада, а мы со своей стороны. Посмотрим, что тогда фрицы делать будут. Ваша задача – наступать, взять «языка» побогаче, вперед не вылезать шибко и не болтаться сзади атакующего батальона. Всем все ясно?

– Ясно, товарищ старший лейтенант.

– Тогда всем проверить оружие, дозарядить диски, получить гранаты, кому надо. Крепко поужинать, малость поспать, а перед рассветом пойдем в батальон, на нашу передовую. Чуть правее МТС будем действовать.

Пошли почти всей ротой, человек двадцать пять, не меньше. Ночью похолодало. То мелкий снег падал и на глазах поседела трава, то вдруг начинался дождь с какой-то ледяной крупой. Такая погода не для авиации, и это хорошо. Спали совсем немного. Медвинский с поваром приготовили завтрак, выдали нам по 200 грамм. Мы плотно поели, вопреки правилам, и пошли на передовую.

Немецкие командиры либо знали все, либо и не предполагали, что мы проявим боеспособность. На передовой взлетали в мутное небо белые и зеленые ракеты, где-то в стороне короткими очередями бил пулемет, а это на языке сводок именовалось полным затишьем.

Мы миновали станицу, перешли какой-то неведомый ручей, посадки, прошли немного полем и нас остановил короткий оклик:

– Стой! Кто идет?

– Свои.

– Пропуск!

– Приклад.

– Псков. Проходите.

В этом месте наши солдаты свои стрелковые ячейки соединили ходом сообщения, получилась неглубокая траншея. Разведчики расположились в этой траншее, стали наблюдать. Скоро заметили, как в темноте замерцала белая искра, от нее

рванулась в ночь струя трассирующих пуль. Вот он и пулемет. Вполне можно за-сечь, а днем раздолбать его как следует. Что ни говори, а хорошие наблюдательные пункты нужны, очень нужны – поиски будут осмысленнее.

Время тянется убийственно медленно. Очень хочется курить, но нельзя - противник рядом, здесь метров 150-200 до него. Обе противоборствующие стороны сблизилась до предела – каждая на один атакующий короткий бросок. Пулемет пострелял и затих. Только ракеты, да и те рассыпаются огнем в сплошной низкой мути, из которой падает уже почти погасшая ракета. Тихо подвывает ветер. Погодка только для поиска. Но чего уж теперь... Через часик пушки грохнут, вот только видимости нет никакой, да и это нам на руку – авиации не будет.

Под ногами слякоть. С неба сеет какой-то мелкий ледяной дождик. Ну и погодушка! До войны добрый хозяин собаку бы на улицу не выпустил. А здесь пехота который день безвылазно. Кто его знает, чего на войне больше: атак, непосредственного боя или изнуряющих, выматывающих последние силы, маршей, или вот такого нудного ожидания.

Из зимнего обмундирования нам выдали ватные брюки и ватные куртки. Шапок не выдали – видно, кто-то считает, что на Кавказе тепло и в ноябре. Пилотка сыреет, ватные брюки промокают на коленях, а куртка – на плечах.

Дни короткие, а сегодня, в день нашего наступления, восход солнца, наверное, отменили. Лежим уже несколько часов, а темень непроглядная. Странно, что здесь, на юге, такие угольно-черные ночи, как будто тебе глаза завязали.

Ракеты взлетают довольно редко, даже в этом липком слякотном тумане слышен выстрел ракетницы, за сеткой дождя и ледяной крупы в небе расплывается желтый дрожащий свет. В этом свете на ветках кустарника видны тяжелые капли воды, готовые сорваться вниз. Ракета падает на сырую, пропитанную водой землю, шипит, в ее последних искрах виден беловатый дым. Когда все уже перестают ждать запоздалого рассвета, тучи вдруг светлеют, становится видным рыжее поле, исковыренное воронками, и белые плешинки сырого снега на траве. Ну, сейчас начнется... Стрелки еще раз проверяют пулеметы, личное оружие, гранаты. Теперь скоро, очень скоро начнется то, чего каждый ожидал всю ночь, больше – весь год. Солдаты сердцем, душой чувствуют, что это не контратака и не авантюрная разведка боем – это наступление, первое здесь, на Кавказе. Как это все получится, как будет выглядеть этот первый блин?

Атаке должна предшествовать артиллерийская подготовка. Пушки и минометы должны были разнести в клочья всю огневую систему врага, лишить его связи, вдребезги разбить передний край его обороны и только тогда поднимется в атаку пехота. Конечно, сколько ни стреляй, все равно останутся целыми какие-то пулеметы, оживут дзоты, откроют ответный огонь пушки и минометы врага, и снова польется кровь. Но разве бывает на войне по-другому? Обязательно: кому жизнь и даже награды, кому ранения и страдания, а кому вечная слава. Что-то сегодня достанется мне... Рядом со мной разведчик Шинкаренко, невысокий ростом, худощавый, чернявый. Уставился взглядом в мокрый бруствер – чего он там увидел? Сквозь небритую щетину видна какая-то неестественно бледная щека, потухший, равнодушный взгляд и чуть вжатая голова в плечи... Ох, не к добру это. Проходит еще много времени, облачность становится выше, становятся видимыми подножия гор, чуть выше подножий сквозь голые ветви леса виден снег. В последнее время я замечал сам, как уровень этого снега все время сползал вниз к подножию.

У немцев по-прежнему бьет дурацкими короткими очередями, не прицельно, пулемет. Наша передовая молчит – ни единого выстрела. Все напряженно сжалось, изготовилось и замолкло в этом страшном напряжении. Вдруг откуда-то с окраины Архонской раскатился оглушительный рев и скрежет «Катюши». И этот залп был всего лишь первой командой. Не успел еще умолкнуть этот рев, как грохнули залпами десятки орудий и минометов. Раскатистый гром разрывов покатился от переднего края противника. «Ага, дождалась! Не одним вам, гадам!» Наши артиллеристы и минометчики били не умолкая, и под занавес артподготовки, когда пушки перенесли огонь в глубину обороны врага, вновь заревели «Катюши», много «Катюш». Огненный смерч, ураган, светопреставление разбушевало над передовой противника. В это самое время залиvisto разлились свистки, и кто-то закричал:

– Вперед! В атаку, мать ваша перечница! Вперед!

Нашей задачей было выскочить за бруствер первыми. Мы выскочили и побежали вперед. Туманная дымка ухудшала видимость, мы стреляли наугад для паники, а со стороны врага полетели редкие красные ракеты в нашу сторону. Через несколько секунд, мы еще не успели пробежать и половину узкой нейтралки, как воздух наполнился визгом падающих мин. Этот визг стремительно нарастал и два взрыва мгновенно грохнули в стороне от нас.

– Вперед, едрена мать! Вперед!

– Полундра-а-а! Бей их, гадов! Ребята, впер-р-е-ед!

Кто-то кричал, матерился. Чуть левее ожил и залился длинной бесконечной очередью вражеский пулемет, пули зачавкали по грязи, свистнули где-то рядом. Снова рвануло несколько мин, и теперь уже огненный ад разбушевало над нейтралкой, разгулялась в бешеной пляске сама смерть. Кто-то уже упал или залег – не разобрать, и нас уже догоняют стрелковые роты и автоматчики, и люди падают, падают... А в ушах один треск выстрелов и звонкие удары разрывов, и кроме них да протяжного крика «А-а-а!» уже ничего не слышно.

Вот он, короткий взвизг мины, которая падает к тебе. Когда она падает в стороне, то полжизни визжит. А здесь коротко – значит, твоя. Опережая взрыв на десятую долю секунды, я падаю на землю, на мое счастье, в неглубокую воронку, и хлесткий взрыв оглушил, ударил горячей волной, и я снова быстро поднимаюсь на ноги и бегу вперед. Здесь зарываться нельзя, а то выскочишь, как дурак, один на немецкую траншею, это атакующие понимают – часто смотрят по сторонам, чтобы видеть товарищей. Рядом со мной почему-то никого нет. Впереди воронка и я прыгаю в нее. На дне воронки вода, и головой в этой воде лежит давно убитый наш солдат. Я выглядываю из воронки и пока не вижу никого. «Где ж они, паразиты?» Стрельбы тоже пока еще не слышу, звон в ушах не прошел от близкого разрыва. Наконец, сквозь этот звон различаю несмолкающую очередь немецкого пулемета. Наверное, он и положил ребят. На нейтралке рвутся снаряды: короткий визг – взрыв, и так без конца. Пулемет бьет из-за голого куста, что от меня справа. Вон он, гад. Мне кажется, что я вижу двух пулеметчиков сквозь голые ветки кустарника. Прицеливаюсь из автомата и стреляю длинной очередью по кусту. Пулемет вроде бы замолк, но в это время рванула мина недалеко от моей воронки. Где ж ребята? Неужто откатились? Мелькнула мысль, что и мне уже пора тикать отсюда. Но в это время снова донеслось до меня: «А-а-а!», «Ура-а-а!», и серые фигуры атакующих выросли словно из-под земли и снова бежали вперед. Теперь скорее! Теперь в тран-

шею к врагу! Есть такие места на нейтралке, когда выгоднее броситься вперед, чем под кинжальным пулеметным огнем отползть или бежать назад.

Меня перегнал Авдеев – глаза выпучены, рот раскрыт, полы его полковничьей шинели развеваются.

– Ур-р-а-а! Полундра! Шум на баке, ешь твоего корень! Мать вашу в бога! Ура-а!

Я, пригнувшись, бегу вперед. Вот он уже, бруствер вражеской траншеи, замаскированный увядшей травой. Чуть сбоку навстречу бегущим брызнули огнем несколько автоматов. А в траншею уже полетели гранаты. На бруствере на мгновение выросла фигура Надирына – командира взвода, но он не успел, видимо, выстрелить, первым и свалился на этот бруствер. Но в эту же секунду слева и справа прыгали в траншею, стреляли из автоматов вниз, в упор десятки людей. Немцы побежали. Уцелевшие поднимались из окопов и бежали по мокрому полю, а по ним стреляли, и многие из них падали. Сзади постоянно со звоном хлопали наши сорокопятаки, некогда было смотреть, где рвутся их снаряды. Все внимание только на убегающих – некоторые из них оборачиваются и стреляют, на стволах их автоматов сверкают искры. И мы стреляем, стреляем, не жалея патронов. Я едва успел сменить диск, как кто-то снова закричал:

– Вперед, в бога вашу мать! Вперед!

Следом покатила еще одна волна наступающих и мы побежали теперь вместе с ней, подхваченные этим потоком.

– Полундра-а-а! – кто-то кричал, но некогда было смотреть, кто именно бежит рядом с тобой. Главное, вперед, только вперед. На земле валяются свежие бинты, круглые гофрированные коробки никому не нужных немецких противогазов, убитые, раненые с залитым кровью лицом, с глазами, наполненными ужасом, страданием; сведенные скулы, руки, прижатые к животам, к груди и сочащаяся между пальцами кровь. И все это мелькает быстро, калейдоскопом картинок, мгновением сцен, связанных одной незримой кистью – смертельной непримиримостью, азартом боя, волной атаки.

Вперед, вперед! На короткое время стихает огонь артиллерии, только кругом – сзади, спереди, по сторонам трещит стрелковое оружие. Люди бегут вперед, но внезапно густая цепь минных разрывов ударила впереди, сильнее застучали пулеметы, запели, занули осколки. Я мгновенно лечу носом в землю. Вокруг ровное поле, редкие камни. Ползу вперед и укрываюсь за камнем, и вовремя – минные снаряды накрыли атакующих. Впереди не то хутор, не то просто группа деревьев, но оттуда бьют танковые пушки. Сдвоенный выстрел, раскатистый взрыв, и стонут осколки. «Осколочными бьют, гады», – мелькает мысль, и больше ничего – пустота. Только вся душа сжалась, как пружина, в единый комок. Мы лежим какое-то время, не поднимая головы, и вдруг сзади накатывается грозный рев «Катюш». Реактивные мины со скрежетом несутся в сером туманном небе, и снова столбы пламени, сотрясающие землю, грохот разрывов, море огня, ад разрывов в том месте, откуда стреляли немцы. И снова слышится команда «Вперед!» С земли встают те люди, которые увернулись из-под косы смерти. Повинуясь команде, они снова бегут вперед, и их уже подхватывает азарт атаки и мало кто думает сейчас о жизни, о смерти и никто не вспоминает близких. Перед тобой ствол твоего автомата с пляшущей мушкой. Впереди тебя кто-то бежит и откуда-то стреляют, и ты стреляешь на бегу и мажешь, и в тебя стреляют и тоже мажут, и только тем ты еще жив, да еще удачей и, может быть, чьей-то молитвой.

– Вперед! Бей гадов! Ура-а-а! В бога иху мать!

Впереди пожухлая мокрая трава, серые камни, какие-то кусты. Все бегут и слышится надрывный хрип бегущего рядом человека. Близкий взрыв, коротко взвизгнули осколки.

– А-а-а! – раздалось где-то сзади. – А-а! Браток, помоги-и!

В атаке раненых подбирают после, останавливаться нельзя. Это жестоко, страшно, но это так. В атаке ты не имеешь права на милосердие, для тебя сейчас ничего нет на свете, кроме вон той, уже близкой посадки, только это твоя цель и единственная реальность, пока ты еще жив, пока еще судьба отмеряет, может быть, последние секунды твоей жизни.

Впереди камень и какой-то куст. Задыхаясь, бегу к нему, и тут же взрыв, оглушительный, страшный взрыв. Нестерпимо больно, оглушающе ударило по ушам, в глазах потемнело. Конеч? Да нет – вот она, земля, вот сырая светло-коричневая мертвая травинка, а я живой. Кто-то промелькнул мимо меня, пробежал к посадке. Преодолевая какую-то тупую боль в теле, вскакиваю и бегу к посадке, здесь всего два десятка шагов. Совершенно голые корявые ветки акации с чудовищными пучками острых игл на стволах. И прямо передо мной немецкий пулемет, его ствол смотрит на меня. Один пулеметчик лежит неподвижно вниз головой, а второй вставляет в круглую гофрированную коробку-магазин в приемник пулемета. Я нажимаю на спусковой крючок, несколько выстрелов – и я не вижу, попал я или нет. Секунды растянулись в вечность. Я вижу, как фашист ткнулся каской в приклад пулемета, потом перевернулся набок. В его руке пистолет, рука протягивается мне навстречу. У меня под ногой какой-то острый пенек от какого-то срубленного дерева. Я падаю, но успеваю перехватить руку немца. Автомат у меня на шее и сейчас он больно мешается мне. У немца странно вытаращенные светлые, почти белые глаза и оскаленные зубы. Он почему-то не бьет меня ногами, я успеваю выхватить с пояса короткую финку и бью его, фашиста, куда-то ниже ключицы. Рука врага, которую я ухватил, вздрогнула, и пистолет выпал у него из рук. Я бью еще раз куда-то в горло, хватаю пистолет и откатываюсь в сторону. Голова фашиста падает на землю. Пулеметная очередь откуда-то заставляет меня вжиматься в землю. Потом я переворачиваю немецкий пулемет с круглой коробкой сбоку и нажимаю на спусковой крючок – не стреляет. Догадался оттянуть небольшую ручку затвора слева. Ствол пулемета в черном металлическом кожухе с небольшими дырками. Немного остыл, сунул трофейный парабеллум в карман. Рядом кто-то плюхнулся на землю. Посмотрел – Вовка Подосенов. Тяжело дышит. Упал заученно – автоматом вперед.

– Ты их? – кивнул в сторону лежащих немцев.

– Ага, – отвечаю. – Вон того – финкой.

Стрельба понемногу стихла. Рядом в колючей посадке цепью уже лежат автоматчики, бойцы стрелковых рот, но цепь негустая, человек от человека метров на десять-двенадцать, только мы с Иваном Подосеновым рядом. Впереди нас, метрах в трехстах пятидесяти, еще не то посадка, не то просто кусты.

– А где наши ребята? – спрашиваю и удивляюсь своему внезапно охрипшему голосу.

– Хрен их знает. Где-то здесь.

Лежим еще десять-пятнадцать минут. Окопаться нам нечем, да и сама эта благая мысль не приходит нам в голову до тех пор, пока перед нашей посадкой не разорвалась мина. За ней, как по сигналу, посадку начинают молотить немец-

кие минометы. Мины рвутся перед посадкой, позади ее, в кустах. На нас падают срезанные осколками колючие ветки. Мины терзают посадку минут десять. Где-то справа надрывно кричит раненый. Невольно оглядываюсь назад – там пустое поле и что-то никто не спешит нам на помощь.

Сильный артиллерийско-минометный огонь слышится где-то впереди, и я не могу сообразить, что бы это могло означать.

– Пулемет, давай пулемет! – кричит Подосенов.

По полю из противоположной посадки к нам бегут немецкие солдаты. Они тоже кричат и стреляют на ходу, каждый из них бежит пока что трусцой, стараясь не отрываться вперед от общей массы наступающих. Оторваться – первая пуля твоя. Немцы пробежали полдороги. С нашей стороны захлопали винтовочные выстрелы, раздались первые автоматные очереди.

– Стреляй, Ваня, пора! – нетерпеливо подгоняю я Подосенова.

– Погодь, погодь! Я им сейчас врежу...

Подосенов подпускает противника метров на 75-100, а потом пулемет лихорадочно задрожал в его крепких руках. Я тоже стреляю из автомата. Бегущие начинают падать, некоторые залегли, многие, отстреливаясь, попятились назад.

– Ага, ага!!! – злорадствовал Подосенов, но его пулемет внезапно замолк.

– Федька, посмотри там патроны.

Я подполз к тому месту, где раньше стоял пулемет. Оба немца лежали, не проявляя никаких признаков жизни. У немца, которого я добил финкой, оказалась простреленной нога, видимо, только по этой причине он не смог отойти. Ничего не скажешь – немцы упорный и умелый враг. Здесь война без дураков, война всерьез.

К счастью нашему, нашел еще полный диск патронов и быстро передал Подосенову. Тот быстро сменил пулеметный диск и снова ударил по противнику, и враг не выдержал огня, попятился, побежал. Наши солдаты теперь, как в тире, выбирали цели и стреляли. И падали люди, а земля запестрела сине-зелеными телами, потерянными касками, брошенными противогАЗами.

– Ага, ага, не нравится! – злорадствовал снова Подосенов.

Стрельба постепенно утихла. Откуда-то справа били немецкие пушки, снаряды с воем уносились в сторону и там, где были наши исходные позиции, раздавались тяжелые взрывы. Если все подсчитать, то километра на два мы отогнали фашистов, но силы наши стали иссякать. Велики потери – целая команда вытаскивает в наш тыл раненых. Убитые простят, им теперь все равно, они будут лежать до ночи или до тех пор, пока мы снова не пройдем вперед километра два-три.

Мы успели дозарядить диски, нам подтащили гранаты. По всему было видно, что скоро прозвучит команда «Вперед, славяне!» Но в этот момент, опередив ожидаемую команду, вдоль нашей посадки загрохотали взрывы мин и снарядов. Артолет был сильным, страшным своими попаданиями. Ядовитый дым взрывчатки стелился над полем, от взрывов летали во все стороны сучья и стволы деревьев, концы которых были расщеплены осколками словно веники. И снова кто-то кричал пронзительным тонким голосом. Нас с Подосеновым спасало, видимо, то, что мы были почти самые крайние в этой посадке, а весь огонь фашисты сосредоточили на ее середине. Потом мины и снаряды стали рваться сзади нас, а из этих кустов, где засели немцы, вдруг стали вылезать танки. За кустами, видимо, был склон, и танки взбирались на него. Мы видели вначале ствол танковой пушки с набалдашником на конце. Потом появлялся круто поднятый нос и, окутавшись черно-синим

выхлопным дымом, танки вылезали на поле и ползли прямо на нашу искалеченную артобстрелом посадку. Танков было много – машин пятнадцать. За их броней, пригнувшись, бежали автоматчики в своих сине-зеленых френчах и шинелях с белыми пуговицами. Подосенов начал стрелять из пулемета, упало несколько вражеских солдат, остальные стали прятаться за танки. Наша артиллерия молчала: с наблюдательных пунктов, вероятно, не видели танков врага. Танки с ходу стали бить по посадке из пушек и пулеметов. Удар танковой пушки страшен для пехоты: сдвоенный оглушительный выстрел, короткий мгновенный взрыв снаряда и тяжелый разрыв. Танки близко, длинные стволы их пушек приподнимаются, обводят посадку, словно вынюхивают, высматривают, где притаился пока еще живой комок беззащитного человеческого тела. Удар! – ярким пламенем сверкает разрыв, сквозь серый дым летят комья земли, сучья, обрывки шинелей, куски человеческих тел. Когда до танков оставалось метров сто пятьдесят, солдаты не выдержали. Страшнее всего было то, что молчали наши пушки, что не было ни у кого окопов. А что может сделать с железным чудовищем стрелковое оружие? Чувство обреченности, беззащитности, сознание безвыходности заставили наших солдат подняться и бежать по чистому полю, бежать что есть мочи назад к той самой немецкой траншее, которая была захвачена накануне. Бегущих было около сотни, по ним стреляли из автоматов и пулеметов сквозь посадку; среди них, перед ними и еще в самой посадке рвались танковые снаряды. Люди бежали от преследовавшей их смерти, но она настигала многих... Некоторые падали, но продолжали ползти, другие, упав, больше не шевелились. Какой-то человек, видимо командир, без фуражки с растрепанными волосами, держал пистолет в поднятой вверх руке и что-то кричал. Его надрывной крик долетел и до нас с Ванькой Подосеновым.

– Стой! Стой, б..., стой! Застрелю!!!

Его просто обегали, а он стрелял из пистолета вверх, смотрел в сторону противника, пятился назад и грозил бегущим расстрелом. Вдруг он вскинул голову, выпал из рук пистолет и он упал на спину.

– Бежим! – крикнул Подосенов и мы побежали к упавшему командиру. Темно-русые волосы в крови и вверху над бровью черная дыра, из которой струйкой выливалась кровь. Рот раскрыт в последнем крике, а глаза уже мертвые, невидящие. Мы вцепились в рукава и бегом поволокли его по полю к траншее. Ванька успел поднять с земли пистолет «ТТ». Пробежали шагов пятнадцать и в воздухе пронзительно завизжала мина.

– Ложись!

Мы с Подосеновым оба ткнулись головами в грудь командира. Грохнул взрыв, мы оба вскочили на ноги и побежали дальше. Вот она, наконец-то траншея, неглубокая, недооборудованная, обращенная бруствером к нам в тыл, но траншея! Оба, как по команде, прыгнули в траншею, убитый остался на ее краю.

Немецкие танки уже смяли посадку, в которой мы только что были, выскочили на поле и шли, прибавляя скорость. Чуть поотстав от танков, бежали автоматчики, непрерывно стреляя из своих коротких, с виду нескладных, но безотказных автоматов.

– По пехоте, по пехоте! – кричал кто-то в траншее.

Мы открыли огонь по автоматчикам, но танки приближались к нам катастрофически быстро. Траншея была слишком мелкой и почти не оставляла шансов на спасение тем, кто продолжал стрелять. Несколько человек перешагнули через

бруствер и побежали назад к своей траншее. Из этих нескольких до траншеи не добежал никто. Когда от нас до танков оставалось чуть более ста метров, слева неожиданно треснул хлесткий выстрел. Я не слышал визга снарядов, но от борта первого танка брызнули белые искры, грохнул взрыв и весь танк окутался дымом. Он еще по энергии прошел метра три, но по его бортам повалил густой черный дым. Чудовище остановилось, его правый борт лизало копотное пламя. Еще хлесткий выстрел около второго танка – мгновенно вспыхнуло облако взрыва. Выстрел снова – танк прошел метра четыре и нехотя развернулся к нам бортом. Еще выстрел – на моторной части танка вздыбился от взрыва броневой лист, из-под него рванул в небо черный, как деготь, дым. Немецкие танки вместо того, чтобы рвануть вперед, замедлили свой ход, а им в лоб откуда-то сбоку били пушки.

– Ребята, так то наши танки бьют! – завопил кто-то из солдат.

Да, теперь видно и кусты слева, две копны прошлогодней серой соломы и около них три наших танка. Их пушки бьют часто и метко. Наступающим танкам в лоб стреляют противотанковые пушки и ружья. От лобовой брони летят искры. Из траншеи безостановочно работают пулеметы. Еще минута и наступил тот самый победный переломный момент. Танки врага остановились в какой-то нерешительности, потом поползли назад, продолжая стрелять из пушек. Они отошли почти что к посадке, несколько стальных машин дымило на поле. У посадки остановился еще один танк. К нему сзади подошел другой и зацепил тросы за задние крюки подбитого. Третий танк загородил собой подбитый. Они сбились в одну кучу и по ним открыли огонь из засады наши танки, беспрестанно били пушки. Подбитый танк задымил, заглох тот, который взял на себя буксировку. Вокруг танков рвались снаряды, один из снарядов ударил под башню того, который старался прикрыть собой подбитый танк. Танк вздрогнул от страшного удара, башня его как-то накренилась и из всех щелей машины пополз серый дым. Остальные танки уходили за посадку. Но в это время ударили снова «Катюши» и огненный ад вздыбился над посадкой, из которой мы только что бежали.

– В атаку-у! Вперед! Мать их в креста и в бога!!! – подал кто-то команду и люди снова вылезли из траншеи и побежали вперед мимо горящих танков по полю, где вперемешку валялись трупы наших и немецких солдат.

– Вперед! Вперед! – подгонял решительный голос тех, кто бежал ленивой трусцой.

Вот она, снова посадка колючей акции, только теперь ее и узнать невозможно: кругом срезанные и расщепленные осколками пеньки, разбросанные сучья и на нежно-белой измочаленной древесине красные капельки чьей-то крови. А в посадке среди хаоса воронок, пеньков, колючих сучьев – изуродованные до неузнаваемости трупы...

– Вперед, ребята! Вперед мать вашу разэтак! Вперед!

Мы побежали по полю, которое только что было нейтральным, к тем искореженным кустам, откуда вылезли немецкие танки. Редкие выстрелы – кто-то стреляет на ходу. Все тяжело дышат от бега по раскисшему скользкому полю. Рядом бегут Беляков, Шинкаренко, Селиванов. «Ага, свои ребята».

– Ур-р-ра-а! Полундра, мать вашу! – вопит Селиванов, и глаза у него дикие чумные, лицо чумазое, на лбу кровь.

И вдруг посадка, к которой мы бежали, грохнула сотнями выстрелов. Атакующие словно споткнулись, многие упали, другие залегли. Несколько человек еще бе-

жали вперед, но через пару секунд их свалил плотный губительный автоматный и пулеметный огонь. Позади нас заработали станковые пулеметы, стальным ливнем они прикрывали нас, а мы уже ползли обратно к колючей посадке, чтобы укрыться в воронках, за пеньками, чтобы на несколько десятков метров отойти от верной смерти. Пули визжали, рикошетили, впивались в землю и подбрасывали черные комья грязи, и все вокруг дышало запахом пороха, крови, гарью горящих танков. Наконец-то, вот она, посадка и спасительная воронка перед ней. Мы с Подосеновым скатываемся в воронку, Селиванов ползет дальше, Шинкаренко чуть задержался на краю воронки, вдруг резко дернулся и голова его беспомощно упала на вывороченные глыбы земли самого края неглубокой воронки.

– Шинкаренко! Володька, ты что?! – закричал я и, не дожидаясь ответа, понимая, что произошло, за ворот куртки притащил тяжелое тело Шинкаренко в воронку. Троем в этой воронке не поместиться, но мы ухитрились положить товарища на дно воронки. Подосенов дрожащими от напряжения пальцами торопливо расстегивал на раненом куртку, а тот беззвучно шевелил губами. Две пули вlepили ему в спину, одна прямо между лопаток, и обе вышли из груди. По гимнастерке расплозлось густо-красное пятно. Губы у раненого стали мелко-мелко дрожать, а глаза остановились, глядя в беспросветно-мутное небо.

– Готов, – тихо сказал Подосенов.

За воронкой послышался какой-то крик и со всех сторон загрели выстрелы. Я выглянул из воронки. С той стороны, из посадки, к нам навстречу снова бежали немцы. Их было много – роты две, не меньше. Позади посадки взметнулись, забарабанили разрывы мин. Воздух ревел, стонал, оглушительный грохот бушевал на земле. Первая цепь фашистов была уже недалеко. «Жаль, что бросили трофейный пулемет», – эта мысль промелькнула в сознании и погасла, не оставив следа.

Немного, несколько шагов позади нас открыл огонь Селиванов. Короткими очередями стали стрелять Подосенов и я, но все мы не могли судить об эффективности огня: немцы падали, стреляли лежа, приподнимались и, пригнувшись, бежали нам навстречу и снова падали под огнем автоматов. наших ребят тоже становилось все меньше, и сердце было дрогнуло, когда оттуда, с немецкой стороны, долетел до нас воющий и скрежещущий звук выстрелов шестиствольных минометов. Через пару секунд небо взорвало от падающих мин, и один за другим перед посадкой, позади нее и в самой посадке взметнулись высокие черные столбы разрывов. Тяжелые, словно бомбовые, удары сотрясали землю. Наши бойцы лежали на земле, и не было у них надежной защиты от пуль и смертельных осколков. Ободренные этими залпами, немцы было вновь поднялись в атаку, но наша посадка продолжала стрелять. Хотя огонь был жидким, не таким, как в первые часы боя, но и немцев стало меньше, заметно меньше.

Не знаю, чем бы все закончилось, вполне вероятно, что рукопашной схваткой, потому что отходить было поздно – до немцев оставалось не более пятидесяти метров. Но в этот самый момент грозный рев «Катюши» потряс и небо, и землю. На несколько секунд все напряженно замерло, притихло, ожидая грома самой судьбы. Некоторые немцы не выдержали этого напряжения и побежали назад. Удивительно, но наши бойцы не стреляли по ним. В небе раздался тревожный шелестящий и стонущий звук, и первый взрыв вспыхнул ярким пламенем, подняв вверх сноп белых искр и серого дыма в самой посадке, откуда стреляли немецкие пулеметчики. Потом взрывы забарабанили часто, и две или три мины рванули на поле, где

еще лежали фашисты. Оглушительно грохнули взрывы, злобно взвизгнули тысячи осколков. Едва замолкли взрывы, как кто-то закричал «Ура!» Никто не поднялся в атаку, но уцелевшие фашисты побежали назад к своей искалеченной посадке. Они бежали, не оборачиваясь, а им в спину били станковые пулеметы. Немецкие солдаты падали, и над полем стояли стон и крик о помощи. Война жестока, и к тем, страдающим от нестерпимой боли и ужаса, никто не приходил на помощь, ибо каждого ждала своя пуля...

Наши минометчики открыли беглый огонь по той посадке, где укрывались немцы, а немецкие мины продолжали крошить нашу посадку. Мы с Подосеновым вжимались в воронку, а тело убитого Шинкаренко мы положили на край воронки – он и после смерти спасал нас, живых, от воющих осколков.

Никто из нас не вспомнил о времени. Еще раза два противник предпринимал слабые контратаки, но, встреченный пулеметным огнем, откатывался на исходные позиции. После каждой такой попытки с обеих сторон начинали бить минометы. Мины рвали на куски все, и казалось, в посадках уже нет больше живых людей. С той, немецкой, стороны взлетела красная ракета. Мы посчитали, что это сигнал к атаке, но огонь стал стихать, небо потускнело еще больше, по земле поползли сумерки.

* * *

После напряженного боя, жестоких схваток, которые продолжались весь день, стала быстро стихать стрельба. Первыми утихли минометы и только какая-то немецкая пушка продолжала вести методичный огонь. Снаряды с коротким и резким визгом падали позади нас, вспыхивала яркая искра взрыва и его эхо раскатывалось широко по округе. Пулеметчики посылали друг другу короткие дежурные очереди трассирующими пулями. У немцев очереди казались гуще – ленты их пулеметов были набиты одними трассирующими патронами. Наши розовые трассы были обманчиво редкими, потому что в ленте каждый патрон с трассирующей пулей был вставлен через четыре-пять обычных патронов.

Как только сгустились сумерки и по земле снова пополз сырой туман, к пехотинцам подошла новая какая-то часть. Те бойцы, которым пришлось драться весь день, группками по два-три человека стали отходить назад, в захваченную днем немецкую траншею. Прибывшие бойцы помимо всего имели лопаты и сразу же взялись рыть окопы – это правильно.

Нас сменили с наступлением темноты. Мы отошли в траншею, собрались все вместе, перекурили за весь день первый раз, к большому неудовольствию командира какого-то стрелкового взвода.

– Раскурились здесь, у немцев на виду. Вам что – вы уйдете, а моих бойцов накроют здесь, как пить дать, – ворчал командир взвода.

– Не бойсь, лейтенант, – успокаивал его Пашка Давыдов. – Ежели накроют, то вон там, впереди. А здесь уже тылы, здесь только тещи с блинами не хватает...

– Хватит болтать! Трепачи вы все... – оборвал лейтенант.

Спорить с ним не хотелось. Страшная усталость припечатала всех к земле и каждому было уже наплевать на сверкавшие над траншеей трассирующие пули, на методичные разрывы снарядов недалеко от траншеи и на людей, которые сновали по узкому ходу сообщения.

Минут через двадцать, уже в сплошной темноте, раздался голос Рябчунова:

– Разведка, за мной!

Откуда он здесь взялся? Разведчики вставали, стучали пустыми дисками, вылезали из траншеи и шли гуськом вновь полем по вязкой земле. На обувь налипали пудовые комья чернозема, идти было трудно. Шли медленно и с каждым шагом уходили все дальше от страшного места, именуемого на войне передним краем обороны.

В неписаной армейской иерархии выше всех стояли, конечно, летчики – это элита, честь и слава армии. Их бой – это не удар финкой среди ночи – это искусство, спектакль, виртуозная игра со смертью в открытую и у всех на виду. Летчики – это интеллигентная и лучшая часть армии. За ними, скорее всего, идут артиллеристы-дальнобойщики и «катюшники», потом черномазые и промасленные до костей танкисты. Это так, средняя прослойка, которые горят, взрываются, гибнут не на глазах у всего белого света, а у одной пехоты. Потом различные трудяги: минометчики, истребители танков, бронейбойщики с противотанковыми ружьями, это уж так, не очень высокая надстройка над базисной пехотой. А вот пехота, там с саперами, пулеметчиками – это категория главная, это и есть армия, народ (все остальные – это слуги народные и нужны только для того, чтобы обеспечить именно его успех). Но, как и в жизни, на основную армейскую прослойку внимания обращалось меньше всех. Их хуже кормили, у них не выводилась завшивленность. Пищу они получают только ночью – днем до них не доберешься. Обмундирование у них тоже поганое – из обмоток не вылазят, в баню ходят только когда часть отходит на отдых. В походах – только пешком. Машины и подводы – это непозволительная роскошь и используется только в случае прорыва противника и срочной необходимости закрыть кем-то дыру в обороне. Если бы в действующей армии существовала постоянная статистика, то она показала бы честно, что средний век солдата на передовой ограничен примерно двумя месяцам и это предельно высокий рубеж.

Если проштрафится летчик, артиллерист или танкист, самым тяжелым для них наказанием является направление в стрелковые части. Натынов даже разведчикам, родным братьям пехоты, грозит: «Что, опять «языка» нет?! За невыполнение боевого приказа всех расстреляю, сам стрелять буду или в пехоту отправлю». Вот так! Дальше пехоты уже и ехать некуда. Вот мы сейчас идем по темному полю, наш путь скудно освещают немецкие ракеты. Изредка взвизгивают пули, но мы идем в станицу Архонскую под крышу дома. Мы непременно переобуем, нас прилично покормят (конечно, шоколада и сливочного масла не дадут), нам позволят поспать на сухом деревянном полу самое малое часа два. А пехота? Те ребята, с которыми мы сегодня в бою были вместе, отведены самое большее метров на 600 от передовой, в ближайший овражек или кустарник. Там они перекурят, их покормят чуть теплым супом и кукурузной кашей, они закурят, а утром снова на передовую, только на какой-нибудь новый участок фронта. Их превеликое счастье, если дня на два-три их оставят в резерве командира батальона.

Эх, жизнь солдатская... Самое страшное для него, не танк, не самолет, не крик и матюки командира. Самое страшное даже не расстрел, а сознание того, что после того, как он будет расстрелян, пойдет письмо на родину, где будет написано, что он не убит, не пропал без вести, а расстрелян, как предатель. Вот это действительно страшно. А все остальное бывалого солдата не очень пугает. Трудно, очень трудно чем-нибудь напугать на передовой рядового солдата...

На сей раз что-то долго мы кружили по каким-то полям и балкам, по темным улочкам Архонской, пока не добрались до своего дома и не свалились на пол. Потери в роте были обескураживающими: десятеро убитых и раненых – почти половина участвовавших в том бою!

Мы спали, а на нашей улочке ревели моторы автомашин, скрипели и грохотали окованные колеса подвод – с передовой везли раненых и умирающих на эвакуационный пункт медсанроты. По соседней улице шли какие-то неведомые нам подразделения, надрывно гудели моторы грузовиков, груженных снарядами ящиками, ехали расчехленные «Катюши», грузно переваливаясь на ухабах, тащились пушки, и все туда – на передовую. На участке западнее и севернее Архонской все пришло в движение – перемещались батальоны, меняла огневые позиции артиллерия, получили новые задания авиация, танковые части. Наступало, неотвратимо приближалось событие, перелом которого ждали солдаты, командиры, командующие корпусами, армиями долгое время, многие месяцы.

Это событие не пришло неожиданно, оно сложилось из упорнейших боев под Малгобеком и Нижним Курпом, под Эльхотовом и Илларионовкой. Бесконечное множество частных успехов, ошибок, пробы сил, даже явных неудач создали обстановку для решительных и переломных действий наших войск у стен Орджоникидзе. Бесспорно, опытный и талантливый фельдмаршал Лист, командующий южной группой «А» летом 1942 года, повел наступление на Кавказе по четко разработанному плану. Ему все предвещало победу, даже то, что здесь, на Кавказе, противостояла ему наиболее слабая группировка войск Красной Армии, здесь даже не было подготовленных рубежей обороны, здесь находились богатейшие продовольственные ресурсы большевиков, способные обеспечить нужды не только одной группы «А». Но неожиданно он встретил упорное сопротивление в Ростове: маленький городок Батайск оказался крепким орешком, где были потеряны силы и время. Дьявольское сопротивление обескровленных частей Красной Армии под Новороссийском, неудачи под Туапсе... Увы, знамя со свастики на вершине Эльбруса радовало Геббельса – министра пропаганды фашистской Германии, но не фюрера. Тому нужен был не безлюдный Эльбрус с его ледяной шапкой, доступной только специально подготовленной команде альпинистов, ему нужны были город Баку, Закавказье и дорога в Иран и Ирак, в Индию и на Ближний Восток. А фельдмаршал Лист беспощадно топтался буквально на подступах к сердцу Кавказа. Лист был отозван. Назначенный на его место генерал Клейст знал, что такое эффективная операция. Кратчайший путь к победе – это мощный удар на Орджоникидзе, Беслан, Грозный и Баку. Клейст сосредоточил все танки под Эльхотовом, снял с занимаемого рубежа дивизию СС «Викинг», румынам он поручил фланги и проломил оборону Красной Армии в Эльхотовых воротах. Танковая лавина страшной, неудержимой волной понеслась к Орджоникидзе. Но чем дальше продвигался бронированный кулак Клейста, тем напряженнее складывалась обстановка и во всей операции, все явственнее стали проглядывать ослиные уши авантюризма. Танки Клейста снесли с лица земли «Рассвет» и двинулись дальше, но румынская дивизия не смогла сходу занять Нарт. Возможность захвата с ходу Беслана была упущена. Дело казалось поправимым, когда ударные части вермахта подошли к Архонской. Здесь всего 12 км голой степи до Беслана, но какие-то части русских неожиданно появились на окраинах Архонской, и атаки немецких частей были отбиты. Однако танки Клейста сумели овладеть Гизелем, они вели бой на окраине Орджоникидзе. Еще небольшой нажим, одна

решительная атака – и этот проклятый город будет взят, и тогда оборона русских развалится, их дивизии превратятся в неорганизованное стадо, бегущее на юг.

Неожиданно упорное сопротивление русских спутало карты. Мало того, части морской бригады, прижатые к отрогам гор Большого Кавказа, бросались в контратаки, они держали под обстрелом артиллерии единственную дорогу, питающую завязший ударный кулак Клейста под Орджоникидзе. Правда, в распоряжении немецких генералов была еще одна, далеко несовершенная, дорога по дну довольно глубокой сухой балки, очевидно, одному из бесчисленных высохших русел Терека или Гизельдона. А рядом, за спиной русских, великолепная рокадная дорога от Дарг-Коха, от Кирова через Нарт, Архонскую и к Орджоникидзе и еще одна от Брута на Беслан, на Назрань и Грозный. Необходимо было расширить опасно узкий фронт прорыва. В последний день затихли бои под Туапсе, Малгобеком, под Верхним Курпом – все силы были собраны здесь. Временно затихли бои даже на острие клина в районе Гизели и Орджоникидзе. Клейст готовил удар по Нарту и, главное, по Архонской.

Но надо же! Русские разгадали его замысел и опередили на сутки. В результате упорнейших боев им удалось продвинуться вперед на участке Нарт-Архонская до трех километров. Бой переходил в рукопашные схватки, но, кажется, большевики выдохлись. У Клейста оставалась теперь одна безопасная и недосягаемая для противника дорога по дну балки. Сейчас она была забита танками, автомашинами, тягачами, но она действовала исправно. Отборные пехотные части прилагали силы, чтобы оттеснить морскую пехоту большевиков от Майрамадага в горы и обезопасить единственную шоссеиную дорогу, но «черные дьяволы» сегодня сумели удержаться. Главное сражение штаб Клейста определил на завтра, как раз в канун большевистского ноябрьского праздника. Завтра в девять часов утра все силы будут брошены на Архонскую. Главное, бить концентрированными силами – только в этом залог успеха. А сейчас спать. Пусть еще поработают штабисты – теперь это их хлеб, это они обязаны воплотить в жизнь замысел Клейста.

* * *

Командир 60-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады не спал. У себя в резерве он оставил батарею противотанковых пушек, роту ПТР и две роты автоматчиков. Корпус выделил артиллерийский полк 150-миллиметровых гаубиц, два дивизиона «Катюш», танковую роту. По тем скудным временам подобное усиление было невиданной роскошью. Сосед слева – знакомая бригада, прибывшая из-под Великих Лук, – тоже собрала в кулак все свои силы.

Артподготовка должна была начаться в семь утра. Сигнал к началу – серия красных ракет из Архонской и залп «Катюши» по балке. Там должны быть сосредоточены силы врага и, если в балку ворвутся наши части, ударной группировке Клейста может грозить мешок. Этот мешок должен быть завязан в районе Майрамадага.

Полковник Добровольский не спал, не спали работники штаба, командиры батальонов... А в нашем доме раздавался многоголосый храп. Только засыпая, поздним вечером до меня донесся тихий шепот Подосенова и Авдеева:

– Кто его знает... Может, и выживет. Крови много потерял. Как его только немцы не добились, – слышался шепот Подосенова.

– А где этот гусь сегодня был? Я его вроде и не видел, – шепотом спросил Авдеев.

– А хрен его знает. Эта гадюка умеет выворачиваться.

– А Рябчунов догадывается, только молчит. Ждет, что мы сами разберемся.

– А что ж, он мужик правильный. Что ж его, гада, к химикам или еще куда потеплее перевести? От пехоты он открестится.

– А если трибунал?

– Поздно. Теперь Кудряш в госпитале, его не достать, да и не станет он вязаться.

– Ты потише бубни-то.

Ребята зашептались, а у меня в голове смешалось все, и видел я почему-то падающего Надиряна, и он все падал, падал... Веселый, добрый парень, наверное, мой ровесник, тяжело раненный сегодня в том бою. И совсем все смешалось. Я только уже во сне слышал рев танковых моторов, даже видел, как с гусениц почему-то вперед летят комья земли. А наши пушки бьют и не попадают, а танки все ближе и ближе...

А тот нечаянно услышавший разговор я уже забыл, не придал ему никакого значения. Мне показалось, что это тоже все было во сне.

Все тело ныло, болело. На спине моя куртка была разрезана острым осколком, торчали куски ваты. Сантиметров бы пять пониже – и хорош... Ох, сколько уже раз выводила эта кривая. Доколе же?! Хоть бы ранило, не сильно только, но чтоб в госпитале месячишка два проваляться – благодать! И сестры там в белых халатах, и кровати, и простыня белая с подушкой, и тишина. Тишина! Хоть бы послушать ее...

Я уже спал и видел Левку и Андрюшку – своих младших братьев, пацанов еще. Андрюшка все тянул ко мне руки и кричал: «Фядя! Фядя!», а кругом сырая, мокрая трава, а ноги у ребят совершенно босые и в цыпках. Они кричат, зовут, а я сплю. Я лежу на той сырой траве и не могу встать. Тяжелый сон придавил меня и все куда-то исчезло...

***Заканчивался 85-й день на фронте разведчика Федора Журавова.
До Победы еще оставалось 915 страшных дней войны...***

